

Ольга Мороз

Время Гнева

Когда-то иллои отгородились от людей барьером, что крепче любой стены, сама ткань бытия была поставлена на службу и подчинена воле потомков последних богов. Сотни лет их цивилизация развивалась вдали от потрясений большой земли, но течение времени истончает любые барьеры. Для илоев наступает эпоха не всегда желанных перемен, "время гнева".

Глава 1 в которой Совет принимает нелёгкое решение

Зал Совета всегда скрывал свои тайны в полумраке. Словно бы кому-то когда-то, едва этот дворец ещё только начинали строить, вздумалось отгородиться от мира совершенно. Плотный, душный воздух входил в лёгкие, оставляя в глотке привкус тлена и сырости. И немного амбриты. Масляным раствором этой пряности спрыскивали угли в чашах-светильниках, расставленных по кругу. Считалось, что её запах отгоняет зло. Заблуждение из заблуждений. Разве аромат справится с этой задачей? Это всего лишь удовлетворение для обоняния, не больше.

— Итак...

Чтец, старик, сухой и худой, точно щепка, поправил свой фолиант в толстом шероховатом переплёте, разместившийся перед ним на искусно вырезанной большой подставке из красного дерева. Поставленным голосом илатум — секретарь громко и четко произнес заученную за много лет фразу.

— Ты выступаешь перед двадцать первым Советом Жертвенных Семей. Огласи свое имя перед наследниками ушедших богов.

— Страций Союза Аст'Эллот, Эйсор Герции, Ллойву Изальтар Найова Лир, — последовал ответ негромким, но твердым голосом. Чтец из странного любопытства выпростал худое тело из-за книги, чтобы взглянуть на говорившего. Все происходящее в этом зале за годы непрерывной службы стало для него пустой формальностью. Время шло, менялись просители, основные заботы и тяготы, не менялась суть. Совет сейчас внимательно выслушает страция, чтобы посоветавшись, вынести решение. Задача чтеца — буквально занести все сказанное в Протос, огромную книгу, лежащую перед ним. Сегодняшнее заседание — одно из немногих, на котором присутствовал полный состав назначенного Совета старейшин: представители всех пяти оставшихся первородных семей. Чтец, медленно скрипя пером, записал имя полностью.

Если взглянуть на самые первые страницы Протоса, размышлял чтец, выводя пером витиеватые литеры, то можно увидеть, как решалась судьба Аст'Эллота, когда собрался в этом зале первый Совет, состоящий тогда из представителей семи домов. Время не щадит никого, даже потомков ушедших богов. Оно стерло с поверхности Аст'Эллота асатров дома Йорм, и дом Торда. Они утратили свою Искру, потеряли право сидеть в этой зале рядом с среброволосыми почтенными старцами. Чтец взглянул на высокую кафедру, за которой, каждый строго на своем месте, восседали Советники. Изольтар Лир, Глава Совета, а также глава дома Лита, в черной мантии до земли, возглавлял внушительное судейство. Искра его дома горела ярче прочих, ничуть не угаснув за долгие века изоляции. По правую руку в синей робе с золотой вышивкой восседал надменный Гекато Вайзе, представитель дома Эниди. Рядом с ним суетливыми движениями водил по лицу Тиллу Гайо, рыхлый, всегда потеющий толстяк, глава дома Урда. Он был одет в белую робу с синей каймой. Последним из первородных в совете был Тосва Оластери, в темно-зеленой мантии, он возглавлял дом Гайева. Еще один иллоу был допущен на заседание, оттого, что четное количество Советников сочли дурной приметой. Снефат Кримм не обладал Искрой, но имел немалый вес на Аст'Эллоте. За ним стояли Гильдии Мастеров, чей авторитет грозил низвергнуть старый порядок, а значит, он мог влиять на происходящие события и лишить его права

голоса означало навлечь гнев множества мастеровых и ремесленников. Все это чтец тщательно зафиксировал в своей книге ещё в начале заседания. До того, как в зал пустили докладчика.

Чтец снова выглянул из-за своего фолианта, чтобы взглянуть на просителя. У Ллойву Лиры — правильные черты лица без изъянов, что неудивительно, физическая красота была присуща почти всем Жертвенным, словно боги боялась бросить малейшую тень на своих потомков. Жаль, нельзя сказать такое же об их душах. Но об этом чтец не смел даже подумать. Природа наградила Ллойву Лиру утонченной красотой, которая походила на женскую, но, при этом не пересекала черту, когда мужское лицо становится слишком слащавым. Как у всех Жертвенных, волосы и миндалевидные глаза его серебрились в свете чаш-светильников. В честь важного события, страций был одет в цвета своего дома, избегая ненужной пышности. Простого кроя мундир черного цвета с вышивкой алым и серебром: на груди вздыбив гибкую шею свивался кольцами василиск, герб дома Лита. За спиной на широком поясе видны рукояти кимейров, ритуальных кинжалов, что позволительно носить только Жертвенным, даже в зале заседаний. Последнее время молодые иллои из Первородных мало внимания уделяли установившимся с начала времен порядкам. Но сейчас все формальности соблюдены в точности. Лиры одни из немногих семей, что еще чтут древние традиции. Возможно здесь кроется секрет сохранности их Искры. Кто знает? Обычным иллоям непозволительно лезть в дела первородных семей. Чтец равнодушно вернулся к своему занятию.

— Мы знаем о твоей ситуации, — раздалось с кафедры. За Советников пока говорил илатум — секретарь. — Протокол будет нарушен. Тебе позволено выступать перед Советом сидя.

Кто-то из стратов, стоящих по периметру зала, принес стул с высокой спинкой, поставил позади докладчика.

Тот оглянулся, помедлил, но затем, совладав с собой, опустился на деревянное сидение. «В нарушение протокола, Ллойву Лиру было позволено сесть», — вывел чтец. Возможно, когда-нибудь, кто-то пролистнёт толстые, хрустящие хлопковой нитью страницы и найдёт для себя причину перестать уничтожать докладчика неудобными вопросами перед грозным ликом судей и действие перенесется в место более благостное и светлое, где судьи и проситель будут на равных. Но не теперь.

— Мы изучили твой доклад, — продолжил илатум, полный мужчина в алой мантии, читая с листа. Лица Советников оставались непроницаемо бесстрастными за кафедрой. Едва только была произнесена эта фраза, глава Совета, Изольтар Лир, встал и поднял руку, акцентируя на себе внимание.

— Я настаиваю на закрытом заседании, — илатум застыл на доли секунды, но затем кивнул. Все страты как по команде тотчас вышли. Дробное эхо их шагов ещё долго гуляло под куполом. Илатум поклонился, положил свой листок на кафедру и тоже покинул зал. Чтецу позволительно остаться. Старик отложил перо. Он никому ничего не скажет, его язык — это лежащая перед ним книга. Он мог слушать, смотреть, но не записывать. Старик оглядел лица Советников. Бесстрастность их тотчас сошла, уступив место беспокойству.

— Итак, Ллойву, ты предлагаешь расформировать Окто, — Советник Изольтар опёрся на кафедру, нависнув над докладчиком. Для любого на Астэллоте его гнев столь же страшен, как вид неминуемой гибели, и означал тяжелые последствия, тем более, когда взгляд становился непроницаемым, словно каменная плита. Чтец взглянул на ответчика.

Конструкция зала Совета такова, что любой, кто находился на месте докладчика, размещался много ниже Советников. Они, буквально, нависали над ним, подавляя волю. Таков был замысел зодчих. Ллойву внешне выглядел спокойным. «Чрезвычайное самообладание или полное безразличие», — подумал старик. Многих на этом месте мужество покидало, и уверенные в себе львы превращались в жалобно скулящих псов, выдавливающих из себя жалкий вой, когда намеревались лаять. Чтец многое повидал здесь. И мог бы рассказать. Если бы мог говорить.

— Да, это так. — кивнул Ллойву.

— Но почему? — не выдержал Советник Вайзе, также нависая над кафедрой. — Ты хоть понимаешь, что это значит?

— В работе, что представлена вам для ознакомления, все отражено, — спокойно ответил Ллойву. — Аст'эллот невольно возвращается к истокам, но процесс этот неконтролируем и хаотичен. Между нами и небытием теперь — тонкая грань. Окто больше не справляется со своей задачей по разделению миров.

— Тогда проведем еще одно Слияние! — воскликнул Советник Кримм. Остальные переглянулись. Вайзе сел на место. Из всех домов в этом зале только Кримм ничем не рисковал, потому как ему нечего было предложить. У них в семье никто не обладал Искрой, а энергетический модуль Окто поглощал только ее, подпитывая свои силы.

— Позволю себе вам напомнить, что Слияние было произведено недавно, — возразил Ллойву. — Это не решило проблему нестабильной работы Окто. Сбои продолжились. Может так случиться, что он прекратит свое существование внезапно. Тогда Аст'Эллот, не успев утвердиться в людском плане, может попросту затеряться в токах энергий. Мы обречем себя и все население на угасание на мёртвой земле. Пока есть возможность, я предлагаю...

— Мы читали, ты предлагаешь нам вернуть Аст'Эллот на поверхность, — прервал его Советник Вайзе. — На чем основаны твои выводы? Это очень смелое предложение...

— Как вам известно, в течение года я наблюдал за его работой. Я провел несколько тестов, в ходе которых выяснил — Окто больше не аккумулирует Искру. Энергия перераспределяется внутри самого модуля, минуя приемные устройства. При том у него чудовищные потери в переходном состоянии. Я бы сказал, он выказал признаки усталости...

— Усталости? — усмехнулся Советник Гайо. — Это модуль, состоящий из сплетения энергий: земли, воды, и как объединяющей составляющей энергии разума, Искры. Одна большая Искра, так сказать. Как он может выказывать признаки усталости? Это чушь! Мы исправно «кормим» его на протяжении нескольких поколений. В тебе можно заметить признаки усталости. Как твоё здоровье, кстати?

— Благодарю, все в порядке. Хочу заметить, что устройство модуля гораздо сложнее, чем вы себе его представляете. Это не просто накопленная энергия, это средоточие взаимодействий, — Ллойву выпрямился на своем стуле, хотя, казалось, сидеть еще ровнее невозможно. — Изменения его поля натолкнули меня на мысль, что за много лет Окто принял в себя достаточно сознаний, чтобы обрести свое...

— Что? — Советник Изольгар рассмеялся предположению. — Ты бредишь? Что ты хочешь сказать? Он живой? Модуль?

— Я допустил такую возможность, — согласился докладчик. — Не забывайте, что послужило ему началом. Это божественная Искра всеобщего сознания. Это потом оно было подавлено и поставлено на службу, но первоначальная суть именно такова. В новой концепции изменения стали логически объяснимы... Всякое живое существо обременено

первичными инстинктами. Питаться, размножаться и...выжить. Окто посчитал нас... «паразитами», и полагает, что может...

— Как это? — скептически фыркнул Советник Вайзе. — «Паразитами»? Повторюсь, он не может желать или считать! Питаться, размножаться... Это похоже на фантазии.

— А я повторюсь, что модуль, возможно, обрел сознание, пробудился. Посредством множества Слияний.

— И как ты это выяснил? — Советник Гайо наклонился вперед, выражая заинтересованность.

— Я... — Ллойву вздрогнул, словно от холода, а потом быстро и решительно ответил. — Я провёл с ним беседу... сделку... частично. Можно назвать это Слиянием. Отчасти...

— Что?? — Советники потрясенно замолчали, и лишь Изольтар замер, возвышаясь над кафедрой.

— Ты все больше удивляешь нас, Ллойву. Как это «сделку»? Что это вообще такое?

— Разве это возможно?

— И кто же стал жертвой? — посыпались вопросы.

— В своих исследованиях я не стал бы подвергать опасности ни одну жизнь, кроме своей. Любая Искра ценна в нынешней ситуации. Я сам стал средством для своего эксперимента.

— Боги! — воскликнул Тиллу Гайо. Советник Изольтар медленно сел на свое место. Остальные переглянулись.

— И что же ты выяснил? — не отставал Советник Гайо. — Надеюсь, не это стало причиной твоего удара?

— То, что возмутило вас в моем докладе. Окто хочет прекратить нашу зависимость от него. Он желает объединиться с первичной материей, освободиться...

— Это могло стать причиной твоего недуга? — участливо спросил Советник Кримм. — Я так слышал, ты едва выписался из госпиталя. — Было, похоже, что лишь у него положение ответчика вызывает сочувствие.

Чтец перевел взгляд на Советников. Советник Изольтар едва ли смог переварить эту новость. Он сидел, молча сверля глазами ответчика. Гайо и Вайзе шептались меж собой, о чем-то договариваясь.

— Я не думал об этом. Возможно, — механически ответил Ллойву и вытер ладонью пот со лба.

— Правильно ли мы поняли? — начал Вайзе, выслушав соседа, перелистнув страницы своего экземпляра злополучного доклада. — Ты провел Слияние с Окто, объединился с ним, договорился и каким-то образом сумел вернуться. И он поведал тебе, что устал?

— В целом, простыми словами — да, — кивнул Ллойву.

— Что значит «простыми»? Не хочу обидеть никого, — Вайзе чуть поклонился в сторону Советника Изольтара, словно бы извиняясь за свои слова. — Ллойву, не употребляешь ли ты стимулятов? Среди молодых иллоев это модно сейчас.

— Нет, — Ллойву в непонятном порыве поднялся на ноги и встал перед Советом, заложив руки за спину. Чтец отметил себе это, чтобы записать потом: «Ллойву Лир отверг привилегии, дарованные ему»

— Присядь, Ллойву, — с раздраженной заботой протянул Советник Лир.

— Благодарю, я постою, — Ллойву поднял глаза на Советников.

— Но я бы все же попросил тебя предоставить доказательства тому, что твое суждение свободно от внешних влияний. Иными словами, не был ли ты в дурмане, Ллойву. Быть может, тебе привиделось? Сможешь ли ты доказать свою чистоту?

— Если Совету угодно...

Чтец, предчувствуя бурю, спрятал голову за своим фолиантом.

— Совету угодно, — подал голос Изольтар Лир. — Ты много работал, Ллойву. Слишком много. Без стимулирующих препаратов это вряд-ли возможно. Быть может, ты перепутал дозу?

Ллойву надменно улыбнулся.

— Я не мог перепутать дозу, Советник, оттого, что не практикую, как вы выразились «стимулирующие составы».

— То, что ты говоришь нам сейчас, похоже на бред. Оттого мы и спрашиваем, достаточно ли ты здоров? — вкрадчиво проговорил Советник Гайо.

— Мое здоровье никоим образом не должно вас волновать, и тем более оно не относится к предмету моего доклада. Сколь бы вы не прятались за словами, истина останется неизменной. Окто угасает. Ни Слияние, ни ваша уверенность, что все останется неизменным, не решит нашу проблему. Аст'Эллот необходимо закрепить на плане люди, снять барьеры, пока еще можно. Пока модуль даёт нам эту возможность.

— Ты дерзко говоришь, — заметил Советник Вайзе. — Даже страцию позволено не все.

— От меня требовали результата, я сделал все, что необходимо...

— Я велел тебе проверить все еще раз! — грозно проговорил Советник Изольтар. Ллойву Лир отстраненно посмотрел вперед, стиснув зубы.

— Мои данные верны. Ты велел переписать доклад, но это было бы ошибкой...

— Быть может, тебе стоило послушать Советника, — вкрадчиво спросил Советник Гайо. — Упрямство не украшает иллоя. — Ллойву усмехнулся, а Советники нахмурились.

— Со времени создания Окто Совет существовал, чтобы защитить народ иллоев на Аст'Эллоте. Защитить сам остров, — проговорил Ллойву, игнорируя злобные предупреждающие взгляды отца. — Такова его задача. Вырвать огромный кусок земной тверди из одного плана, переместив его на другой, сохранив при этом жизнь во всех её проявлениях, сохранить её связи и взаимодействия было титанической задачей. Почти невозможной. Я до сих пор не могу понять механику этого чуда. Восемь семей пожертвовали своей Искрой ради спокойствия потомков. Наши предки справились. Но не учли, что вечного в этом мире ничего нет. Мы жили в изоляции и спокойствии эти столетия, наслаждаясь дарами цивилизации вдали от варварской агрессивной люди. Теперь время осознать, что мы можем и должны принять изменения, происходящие с нами. Наши предки приняли решение уйти от люди. Нам придется принять решение вернуться. Да, многим это не понравится. Да, люди остановились в своем развитии и находятся на много ступеней ниже нас. Они агрессивны и далеки от нас. С этим я не спорю. Но у них есть главное. Уверенность, что следующие поколения будут жить, как и их предки, на той же земле, развиваться и идти вперед. К прогрессу. Мы можем стать полезны друг другу. Мы должны будем измениться. В противном случае Окто просто прекратит свое существование, Аст'Эллот потеряет облик и растворится в токах энергий вместе со всем, что на нем есть. Я считаю, надо дать иллоям возможность выбора. Исчезнуть навсегда или трансформировать свою цивилизацию, ассимилировать ее с людьми и создать нечто новое. Или найти себе новое место, но на поверхности. Все равно, как это будет. Даже если вы не желаете менять

привычный вам образ жизни, быть может, найдутся те, кто захочет...

— Прекрасная речь, — советник Изольтар нарочито медленно поаплодировал. Ллойву хотел сказать что-то еще, но обведя взглядом лица Советников, понял, что не найдет среди них поддержки. Он закрыл рот и молча взглянул на отца.

— Думаю, все дело в том, что Ллойву потерял способность рассуждать здраво после своей болезни, — Советник Изольтар деланно рассмеялся. — Переутомление сказалось на его рассудке.

— Да, — подхватил Советник Гайо. — Нервные срывы среди нынешней молодежи обычное дело, они пичкают себя всевозможными ядами. Проверь его на стимуляты. Хотя речь хороша и вполне связная, он искусно скрывается.

— Необходимо подумать, как обеспечить чистоту крови среди Жертвенных, Изольтар, — с фальшивой заботой кивнул Советник Вайзе.

— Я упустил это из вида, но теперь вижу, что зря, — скорбно покачал головой Советник Изольтар.

— Тебе надо пройти полное обследование, Ллойву, — участливо проговорил Кримм. Ллойву опустил голову, пряча нервную улыбку.

— Вы не слышите меня? — глухо проговорил он в пол.

— Давно ли ты выписался из госпиталя? — не уступал Советник Гайо.

— Три дня назад. — ответил за Ллойву Изольтар. — И это еще очень рано. Доктор Валлар хотел оставить его еще на декаду.

— Какова причина твоего там пребывания? — продолжал Советник Гайо. На этот раз Изольтар промолчал, и Ллойву пришлось ответить самому. Поворот разговора ему не нравился, но здесь он был бессилён, на вопросы Советников нельзя не ответить.

— Сердечная слабость на фоне переутомления. Такой диагноз поставил доктор Валлар.

— Что ж, Валлару можно доверять. В голове не укладывается, что ты смог пережить Слияние. Такое не проходит без следа, так ведь? Это серьезный стресс для организма и для рассудка в целом, — чтец переводил взгляд от Советников к докладчику, не веря ушам. Теперь не Ллойву обвинял их в бездействии — они обвиняли его в непригодности к исполнению обязанностей. И вид ответчика немало помогал им в этом.

— Я лишь исполнял то, что было мне поручено...

— Быть может, тебе все привиделось? Сама мысль, что модуль может быть живым, — Советник Гайо в деланном недоумении оглядел коллег, — абсурдна.

— Нет, — Ллойву вскинул голову. Чтец отметил себе, что радужки его обычно бесцветных глаз начали приобретать темно-зеленый цвет. Так бывает, когда Жертвенный пребывает в большом физическом и умственном напряжении. Чтец уже видел такое. Аудиенцию пора было прекращать. Но Советники твердо решили довести докладчика до самого края, чтобы подтвердить свои слова.

— Как ты себя чувствуешь сейчас? — не унимался Советник Гайо.

— Прекрасно, благодарю. Разве Совет собрался здесь обсудить мое здоровье? — Ллойву обвел Советников взглядом. — Есть ли еще вопросы по моему докладу?

— Вопросов масса. Но мы отложим обсуждение. Многое осталось неясным. Думаю информация о содержании этого документа не покинет этих стен, — Советник Изольтар для веса негромко стукнул ладонью по кафедре. — Ты пойдешь домой, отдохнешь, докажешь чистоту своей крови. И снова пересмотришь записи.

— Результат будет тот же, — ответчик вперил взгляд в доски кафедры, точно вид

Советников был ему неприятен.

— Быть может, твое мнение изменится, — Советник Изольтар выпрямился за кафедрой. — Думаю, выражу общее мнение, выказав озабоченность твоим состоянием сейчас.

— Не стоит беспокоиться...

— Здоровье страция — одна из наших задач. Возможно, ты войдёшь в историю, как один из величайших умов столетия. Предпосылки к этому есть. Раз ты смог пройти Слияние и остаться в живых. Это дает нам надежду. Это путь либо гения, либо безумца. Но будет жаль, если мы потеряем столь блестящий ум. Мы не можем этого допустить.

Ллойву снова обвел всех Советников взглядом. Никто из них не станет ломать привычный образ жизни. Зря он надеялся убедить их сегодня. Пренебрег настойчивыми советами отца изменить содержание документа. Все напрасно. Этого следовало ожидать, но попробовать стоило. В висках уже давно стучала кровь, голова грозилась расколоться, как переспелый фрукт, сердце билось где-то у горла, иногда пропуская удары. Он проиграл. Теперь время капитулировать, пока еще можно.

— Если вопросов ко мне больше нет, то мне нечего больше добавить, — твердо сказал Ллойву.

— Содержание сего документа останется в тайне, — веско сказал Советник Изольтар. — Мы подумаем, и обсудим как поступить.

— Думаю, Советник, Ллойву Лиру необходима помощь, — обратился Советник Гайо к Изольтару. — Он ужасно выглядит. Быть может, мы пригласили его слишком рано для доклада?

— Думаю, да, — кивнул Советник Вайзе. — Мы выслушаем его во второй раз, когда он поправит свое здоровье.

Изольтар обратил внимание на сына. Чтец также взглянул на ответчика. Ллойву Лир, и вправду, выглядел скверно. Глаза его потемнели совершенно, на висках и на шее выступила черная паутина сосудов. Чтецу даже показалось в свете светильников, что капли пота мерцают на лбу докладчика. Советник поднялся, отошел куда-то за кафедру, исчезнув из поля зрения.

— Пошлите за доктором Валларом, — услышал Чтец его приглушенный голос. — И позовите стратов.

В круглое помещение Совета вошли страты, что покинули зал перед совещанием, вернулся и илатум.

— Проводите господина Ллойву в мой кабинет, — распорядился Советник Изольтар.

Страты встали на почтительном расстоянии от докладчика. Аудиенция окончена. Ллойву медленно поклонился кафедре, повернулся и пошел к выходу. Советник Изольтар кивнул остальным.

— Я смогу его уговорить.

— Но если все правда? — вдруг предположил Советник Кримм. — Тогда нужно действовать сейчас. Он не сказал, сколько у нас времени. Вдруг его нет совсем?

— Он бредит. Наверняка, — отрезал Изольтар. — Я совершил ошибку. Я торопил его, и это не прошло без следа. Теперь все будет иначе, я прослежу.

— Окто работает с нарушениями, это очевидно. Именно поэтому мы поручили страцию задачу выяснить причину. От него многое зависит, — заявил Советник Вайзе. — Нужно принять какое-то решение. Сбои становятся слишком очевидными. Быть может, все-таки

нужно новое Слияние?

— Дом Лит уже внес свой вклад, — отрезал Изольтар. — Быть может, дом Эниди станет следующим?

— Если Ллойву говорит, что после Слияния, а ничего не изменилось, скорее дело в другом, — поспешил добавить Советник Гайо. Его дом давно не предлагал никого в жертву Окто, и немало вероятно, что именно он мог стать следующим.

— Что ж. Предлагаю дожидаться, пока страций восстановит силы, — важно кивнул молчавший до сих пор Советник Оластери. — Быть может, он, все же в чем-то прав. Не утверждаю наверняка. Но не упускаю этой возможности.

— Вы представляете, чем это грозит? — прошипел Советник Вайзе, опасливо покосившись на стратов в другом конце зала.

— Ллойву, скорее всего, уже оценил риски, — задумчиво проговорил Советник Изольтар. — Он всегда доводит начатое до конца. Сколь бы он не был дерзок, в своей работе он достиг больших высот. Весь научный состав, включая и Гильдии и весь иллойский свет, будет слушать его, открыв рты, если он начнет говорить. И ему поверят. А это чревато... Смеею напомнить о восстании Гильдий в прошлом столетии, именуемое в хрониках "временем гнева". Надеюсь, все помнят... Нам не нужны кровавые расправы. Нужно принять решение...

— Ты прав, ты прав, — покивал Советник Гайо, суетливо перебирая листы в папке, — нельзя этого допустить.

— Расторгнуть договор с Окто будет стоить нам новых лишений. Возможно, мы расстанемся с последней Искрой, — продолжил Советник. — И не удастся избежать жертв среди населения. Надо подойти к вопросу очень взвешенно, не поддаваясь эмоциям.

— Я бы хотел изучить этот доклад еще раз, — Советник Кримм подхватил с кафедры пухлую папку.

— Да-да, — Советник Вайзе стиснул в пальцах свой экземпляр. — Надо все еще раз просмотреть.

— Последствия будут необратимы в обоих случаях, — проговорил Советник Гайо.

— Есть еще один вариант, что Окто проработает еще несколько сотен лет. Быть может, это всего лишь игра его воображения, — небрежно заметил Советник Изольтар. — Нам пророчили угасание и в прошлом столетии. Взгляните на записи. Ничего не случилось... мы по прежнему здесь...

— Ошибка будет стоить дорого, Изольтар. Нам нельзя быть беспечными. Надо рассмотреть все варианты. Пусть Спаситель Душ оценит состояние его рассудка, — кивнул Советник Оластери.

— И чистоту крови, чтобы мы могли доверять его мнению, — добавил Советник Вайзе

— Предлагаю собраться снова через семь дней, — сказал Советник Гайо. — Ллойву хватит времени, чтобы восстановиться? Он сможет выступить еще раз? Тогда и примем решение.

— Думаю, доктор Валлар сможет ему помочь, — кивнул Изольтар.

— Тогда решено. Семь дней. Тогда и примем решение.

Советники поднялись.

Чтец вывел в Протосе: «Вопрос закрыт для обсуждения. Следующее заседание через семь дней»

Глава 2 в которой Советник Лир снова недоволен

Ллойву не мог свернуть в сторону, даже если бы захотел. «Даже страцию позволено не все». Было ощущение, что он сунул голову в осиное гнездо. Отец здорово разозлился. Теперь уже безразлично. Небольшая процессия не спеша двигалась по коридору, освещенному тусклыми масляными светильниками, отбрасывающими тревожные тени на стены, густо покрытые белой краской безо всяких украшений. Роскошь — не для Жертвенных семей. С начала времён асатров приучали к аскезе, хотя последнее время это правило стало пустым, ничего не значащим звуком.

Страты молча следовали за страцием. Где-то на полпути их нагнал Компаньон. Высокий и худой иллой, всегда в своей униформе цвета горчицы, как будто в футляре. Горчичную фигуру нескладно дополняли вьющиеся с рыжинкой волосы. Для страция в силу плохого зрения, усугубленного сегодня напряжением и усталостью, фигура компаньона сливалась в одно желтовато-горчичное пятно. Еще один наблюдатель, приставленный отцом, но на этот раз Советник вступил в сговор с доктором Валларом. Все по Статусу. Отказаться нельзя. Здоровье Жертвенных асатров — достояние всего острова. От них зависит, будет ли Окто работать без сбоев. Компаньон следил, чтобы больной вовремя принимал лекарства и соблюдал режим дня. Страций подозревал, что "горчица" следил не только за частотой приема лекарств, но предпочел оставить выводы при себе. Только на этих условиях можно уйти из госпиталя раньше срока. Что ж, эту цену не жаль заплатить за освобождение из лап доброго доктора Валлара.

Страты вошли следом за страцием в кабинет Советника и встали у дверей. Ллойву оглянулся на суровые безучастные лица. Браслеты — октисы тускло мерцали синими искрами на руках. Они тоже берут силу от Окто. В этом мире все зависит от Окто. Начиная от крошечных дианоме в браслетах-октисах, заканчивая колоссальным механизмом астелло, двигающим на искусственном небосводе звезды и светило. Асатр, стараясь идти твердо, прошел к гостевому креслу у рабочего стола. Голова кружится. Ничего. Зато его услышали. Не захотели понять, но услышали. Ллойву с облегчением опустился в кресло. Компаньон с озабоченным видом подсел по левую руку.

Зря вскочил тогда с предложенного стула. Организм упорно не желал восстанавливаться после удара. Будто что-то ослабло внутри, потеряло баланс. Возможно во время Слияния Окто взял слишком много. Компаньон незамедлительно прощупал пульс на запястье. По его лицу Ллойву понял, что сейчас будет массирующая атака всевозможными составами.

— Как ваше самочувствие? — озабоченно спросил компаньон, заглядывая в лицо. Как же его имя? Амор... Армар. Сигрид Армар. Доктор Валлар его представил еще в госпитале. Удивительно, как они все похожи, словно где-то существует комиссия, отбирающая в компаньоны исключительно высоких, худых, с невыразительными, незапоминающимися лицами. Впрочем, как раз лица страций все равно не видел, оно расплывалось перед глазами в большое светлое пятно.

— Все в порядке. Немного голова болит, — Ллойву, наконец, позволил себе расслабиться. Голова удобно легла на подголовник кресла. Компаньон увлеченно что-то искал в своем саквояже, грохоча склянками и стальными составляющими приборов. Даже думать не хотелось, что за пыточные орудия носит с собой этот медик. Наконец, тот выудил из недр пузатого чемодана пару пузырьков.

— Сейчас, — пробормотал он и занялся приготовлением раствора.

Ллойву мельком взглянул на замерших у двери стратов. Если с ним случится еще один удар, они сделают что-то или останутся стоять? Помнится, в последний раз ни илатум, ни рабочие в Окторуме так и не подошли, пока не прибыла карета срочной помощи. Одна из статей Статоса, высшего иллойского закона, запрещала рядовым стратам прикасаться к Жертвенным асатрам, под угрозой смерти. Абсурд ситуации будет очевиден, но закон — есть закон. Возможно, были когда-то исключения, но вряд ли эти захотят рисковать своей жизнью. Надо инициировать отмену этого закона. Ллойву потер виски. Боль сдавила голову обручем. Кровь стучала в голове, ударяя в виски, а сердце билось в груди, норовя выпрыгнуть, начало немного мутить.

— Воды, будьте добры, — попросил Ллойву, не глядя на компаньона. В руку тотчас был вложен бокал, полный рубинового цвета жидкости.

— Благодарю, — Ллойву даже не стал спрашивать, что в нём, отпил. На вкус — травяной настой, каким его постоянно поили в госпитале, горьковатый и терпкий. Компаньон принял недопитый бокал в руки, отставил его в сторону.

— Если позволите, я могу сделать массаж. Это облегчит боль, — глухо донеслось до слуха. Что ж, отчего нет?

— Да, конечно, — согласился страций, и Армар с готовностью открыл баночку, прямо пахнущую мятой, чтобы смочить бальзамом пальцы. От запаха к горлу подступила желчь.

— Впрочем, нет. Лучше откройте окно. — Ллойву вдохнул полной грудью, отворачиваясь от резкого запаха. Компаньон спешно закрыл баночку и кинулся открывать окно. Что ж, вполне расторопный малый. Страций закрыл глаза. Это просто усталость. Нужен отдых вот и все. Обруч на голове стягивался все сильнее с каждым новым звуком. Словно где-то грохотали огромные механизмы. «Прекратите. Перестаньте стучать»... Это всего лишь сердце...

— Господин Лир? — Сигрид Армар обеспокоенно коснулся руки пациента.

— Да, Сигрид, — Ллойву повернул голову на звук, не открывая глаз.

— В таких случаях доктор Салле в госпитале Имерит прописывал кровопускание.

— В каких таких? — выдохнул Ллойву, с ужасом представляя, себе это действие.

— У вас все признаки сильного тиснения крови, у Вас потемнело лицо.

— Это что еще такое?

— Кровь нужно освободить...

— Кровь Жертвенного слишком дорого стоит, чтобы разбазаривать ее просто так, — улыбнулся Ллойву, открывая глаза. — Мне уже лучше.

— Лжете. Я мог бы...

— Не стоит.

Пока Жертвенный восстанавливал дыхание, в коридоре раздались шаги. Дверь распахнулась. В кабинет уверенным шагом вступил Советник Изольгар. Страты вытянулись у дверей. Советник одним взглядом оценил обстановку взглянув на сына. Твердым шагом прошел к столу. Ллойву с кресла проследил за отцом взглядом. Советник сел на свое рабочее место, сцепил пальцы домиком и поверх них взглянул на сына. Затем на компаньона.

— За доктором уже послали, — только и сказал он и отрезал. — Выйди.

Сигрид Армар, напуганный до крайности, вылетел из кабинета, позабыв свой саквояж у кресла на полу.

— Не стоило, — ответил Ллойву.

— Быть может, и не стоило, — согласился Изольтар, перекладывая бумаги на столе. — Ты подвел меня.

Ллойву не ответил, он перевел взгляд на тяжелые резные деревянные полки, заставленные книгами. Отец собирал их со всех уголков Астэллота. Попадались даже экземпляры с поверхности. Несколько томов Ллойву подарил сам. Изольтар молчал. В воздухе повисла свинцовая тишина. Только шелестели бумаги на столе Советника, поддаваясь лёгкому ветру из открытого окна. Ллойву расстегнул пуговицу у горла.

— Как ты себя чувствуешь? — между делом осведомился Изольтар, просматривая какой-то документ. Ллойву не ответил, посчитав, что бесполезно тратить дыхание, отвечая на вопросы, ответы на которые никого не интересовали.

— Если я тебе больше не нужен, я бы хотел поехать домой, — сказал он.

— Почему ты не сказал мне, что «вливался» в Окто, — Советник отложил, наконец, бумаги и взглянул на своего гостя, посчитав паузу достаточной. — Почему я узнаю об этом только на заседании. Я просил ничего не утаивать.

— Ты просил результат, — Ллойву повернул к Советнику голову. — Тебя никогда не интересовали средства для его достижения.

— Ты мог «раствориться» полностью, — заметил Советник. Стучащая в голове боль никак не давала определить, истинная это забота, или лишь прелюдия к очередному обвинению.

— Такая вероятность была, — согласился гость. — Но Окто не желает больше Слияний... Я почти контролировал ситуацию

— Опять ты за свое! — Советник раздраженно отвернулся в сторону. — Из-за этого с тобой случился удар?

— Возможно. Мне трудно судить.

— Я отстраняю тебя от Окто.

— И чего ты этим добьешься? — насмешливо спросил Ллойву. Пульсирующая боль в висках плавно растеклась по всему черепу, а потом сжалась в затылке. Сердце билось где-то у горла.

— Возможно, сохраню тебе жизнь, раз ты так неосторожен. Больше никаких экспериментов без моего согласия.

— Тебя просто злит, что я без тебя решил сделать это?

— Меня злит, что ты так бездарно бросаешься своей жизнью. Нас и так осталось немного. Жертвенных с чистой кровью можно перечесать по пальцам. Мы нужны Аст'Эллоту.

— Не уверен, — Ллойву положил ладонь на висок, помассировал, в надежде облегчить свое состояние. Может, проклятый массаж и был бы кстати. — Я достиг нужного вам результата. Выяснил причину сбоя в работе. Отчего вы, как дети, пытаетесь отгородиться от правды?

— И мы благодарны тебе, но отныне я запрещаю подобные эксперименты. Твой доклад весьма неудобен сейчас. Гильдии и так на грани мятежа, — Изольтар помолчал. — Кстати... Тиллу Гайо пригласил меня на прием по случаю твоей помолвки. Он надеется на твое здравомыслие. — Обмолвился Советник на одной ноте.

— Ах, да. Надеюсь, ты не придешь, — Ллойву вжался затылком в спинку кресла, закрыл глаза.

— Ты не хочешь меня видеть? Странно, ведь я устроил ваш с Альмой союз, —

усмехнулся Советник.

— Не желаю обсуждать свою жизнь с тобой. Достанет того, что ты ей распоряжаешься по своему усмотрению.

— Я разочарую тебя, но тебе придется обсуждать свою жизнь со мной, — хладнокровно осадил сына Советник. — Я глава дома. Все вы подчиняетесь мне, и пока это так, нас ждет процветание. — Он поднял сжатый кулак.

Ллойву равнодушно скользнул взглядом по лицу отца.

— Сейчас приедет доктор Валлар, и мы решим, куда ты поедешь. Домой или в госпиталь, — совладав с собой, по-деловому распорядился Изольтар.

— Я не поеду в госпиталь, — возразил Ллойву. Советник недобро ухмыльнулся.

— Неужели?

Ллойву не выдержал жесткого взгляда, отвернулся.

— К следующему заседанию тебе придется доказать чистоту своей крови, — заметил Советник.

— Мне нечего доказывать. И ты это знаешь.

За дверью снова раздались шаги, на этот раз торопливые. Дверь открылась, пропуская немолодого иллой в строгом бордовом костюме с неизменным докторским саквояжем. Советник поднялся навстречу, приветливо улыбнулся.

— Доктор Валлар!

— Процветайте, Советник, — иллой, наспех поздоровался, — Господин Лир! — этот возглас, полный возмущения, сочувствия и удивления был адресован больному. Доктор присел перед ним прямо на пол.

— Стул доктору, — страты тотчас ожили. Один подал стоящий у стены стул, второй снова замер у дверей. Доктор Валлар спешно пристроился на стуле, примеряясь к запястью больного. Отсчитал пульс, заглянул в глаза, послушал сердце. Советник наблюдал за действиями медика, стоя у стола. Лицо его не выражало ровным счетом ничего. Ллойву смотрел на отца все это время, пока доктор чуткими пальцами производил с ним все необходимые манипуляции.

— Что скажете, доктор? — ровным голосом спросил Советник. — Господин Лир сильно расстроил Советников на сегодняшнем заседании.

— Странно, чем же господин Лир мог их расстроить? — доктор Валлар по-деловому продолжал осмотр, попутно отвечая на вопросы.

— Своим нездоровым видом, полагаю, иногда казалось, что его вот-вот хватит еще один удар, — продолжил Советник. — Советник Вайзе даже предположил, что господин Лир принимает стимуляты. А вопросы, которые мы обсуждаем в тех стенах не терпят проволочек или неточностей.

— Правда? — доктор Валлар с удивлением взглянул на Советника. — О, нет. Нет, нет.

— Во время его работы с Окто вы наблюдали за ним?

— Нет, он ко мне не обращался, — доктор внимательно осмотрел выступившие черные сосуды на шее и висках больного. — Вы же знаете своего сына, Изольтар. Такой исход невозможен.

— Жаль, — Изольтар с любопытством наблюдал за работой.

— Зачем, зачем вы приступили к работе так рано? — посетовал доктор, обращаясь к пациенту.

— Так вышло, — улыбнулся Ллойву.

— Я бы желал видеть вас у себя в госпитале, — без особой надежды на согласие проговорил доктор.

— Нет, — твердо ответил больной.

— Надо — так надо, — кивнул Советник. — Я посодействую любому вашему решению.

— Я не поеду в госпиталь, — повторил Ллойву, сжимая кулаки на подлокотниках. Доктор оглянулся на Советника в поисках поддержки. — Мне назначен компаньон. Я могу продолжить лечение дома.

— Это глупо, Ллойву, — Советник прошелся по кабинету. — Очевидно, что тебе нужна помощь.

— Мне просто надо отдохнуть. Совещание было напряженным. С твоей подачи, полагаю.

Советник задумчиво посмотрел на сына. Видно было, что некая мысль пришла к нему в голову.

— Оставьте нас, — попросил он, и все тотчас вышли.

— Я хочу предложить тебе сделку, Ллойву. Ни в коей мере не умаляю твоих заслуг. Ты проделал огромную работу. — Начал Советник, — но то, что ты предлагаешь, невозможно. Как можно представить себе, что мы вернемся в этот варварский мир? Должен быть другой выход. Его надо найти. Ты поедешь сейчас домой, отдохнешь, а затем задействуешь все свои резервы и найдешь его.

Ллойву промолчал, в основном из-за того, что плохо слышал отца. В ушах стучало предавшее его сердце.

— Все будет, как ты хочешь, но только тогда, когда ты успокоишь Совет и Гильдии. Если же ты станешь упрямым, то доктор Валлар может получить тебя надолго. И не только он. Подумай об этом.

Советник, не дождавшись ответа, присел на освободившийся стул перед больным, заглянул в лицо.

— Ты слышишь меня? Ллойву?

— Да, — Ллойву прикрыл глаза рукой, провел ладонью по лицу, словно это могло стереть его недомогание. — Я сильно устал, отец. Позволь мне поехать домой.

— Разумеется. Ты слышал, что я сказал? — Советник отступил.

— Да, слышал.

— Согласен со мной? — Ллойву не ответил.

— Что ж, сейчас я не стану требовать ответа. Я заеду завтра, возможно. Доктор Валлар!

Дверь тотчас открылась.

— У меня к вам просьба. Сопроводите его домой, — доктор сморщился, недовольный решением. — Я прошу вас лично. Никто не должен знать о том, что здесь произошло.

— Разумеется...

— Надо поставить его на ноги. У вас неделя. Через семь дней Совет снова собирается в полном составе.

— Я постараюсь, но от меня здесь мало что зависит. Реальность не переломить.

— Есть же какое-нибудь лекарство, что-нибудь...

— Я понял, — кивнул доктор, но особой уверенности в его голосе Изольтар не услышал.

Где-то у стены замер компаньон.

— Я заеду завтра, — пообещал Советник. Доктор кивнул.

— Сейчас я сделаю инъекцию, — Ллойву, задыхаясь, смотрел, как доктор вытаскивает

из саквояжа футляр с впрыскивателем, изобретением метра Силения. Наверняка, выдающийся иллой, но как же он их ненавидел! Всю жизнь его преследовали эти инъекции. Едва отец узнал, что у среднего из его сыновей непоправимый изъян в сердце, он хватался за любую из методов лечения этого недуга, что ему предлагали. Ллойву с детства возненавидел госпитали, хоть там с ним и обращались, как подобает, даже в юном возрасте. Одно упоминание вызывало дрожь и спазмы где-то внутри. Дни, проведенные им после удара в госпитале, прикованным к постели, стали худшими за последние годы. Бесконечная череда вежливых медбратьев с всевозможными составами в руке. Ллойву вздрогнул, когда доктор распустил рукав и наложил жгут выше локтя.

— Вперед, юноша, никогда не бывает лишним повторить пройденное, — Доктор Валлар вручил впрыскиватель компаньону. Тот приготовил вену к инъекции и на удивление спокойно сделал свое дело.

— Сейчас станет полегче, господин Лир, — доктор успокаивающе похлопал пациента по плечу. Жаль, что доктора стали исключением в Статосе. Ллойву закрыл глаза. Отчего-то все стали ему противны. И доктор с его профессиональной заботой, и отец, размышляющий только о собственном благополучии, и страты, не понимающие важности событий, что сейчас происходили, а более всего недалекие Советники.

Глава 3 где доктор Валлар наносит пару визитов

На следующий день доктор Валлар был приглашен к Советнику лично. Вечером после службы за ним заехала крытая коляска с черно-алым василиском на дверце. Сначала молчаливый возница отвез доктора на площадь Сти. Там, среди напыщенных особняков позднего Возрождения стоял и дом страция, построенный в более позднюю эпоху. Небольшой, простоватый в исполнении двухэтажный особнячок почти терялся на фоне надутых, как павлиньи хвосты, соседей.

Ллойву Лир, страций, второй после Советников, вел замкнутую жизнь. Двери дома почти всегда были закрыты для гостей, а теперь особенно. Пышные торжества, многолюдные салоны, всё этот дом миновало. За высоким, обросшим плющом забором, в глубине участка стоял небольшой по меркам Жертвенных, да и обычных иллоев особняк. Обслуживающих его слуг немного: приходящая горничная, кухарка, лакей и садовник. Вот и все. Теперь, правда, по настоянию Советника, дом охраняли от ненужного внимания молчаливые страты в черном, искусно скрывающиеся в тени высокого кованного забора, обвитого плющом. Некоторые из особо настойчивых охотников за новостями норовили залезть в сад, потревожив покой хозяина дома, и эти попытки пресекались суровыми охранниками, однако желающих меньше не становилось. Жизнь страция, особенно в свете последних событий, интересовала почти каждое светское издание.

Коляска подъехала по обложенной камнем дорожке почти к самому дому.

Подоспел садовник, иногда выполняющий и роль привратника, услужливо приоткрыл дверь палисадника засаженного кустами сирени, пропуская доктора.

— Как дела.... Пем? — доктор напрягся, вспоминая имя.

— Все в лучшем виде, доктор. Все в лучшем виде... — у дверей его уже ждал вышколенный лакей. С этим разговаривать бесполезно. В семействе Лир прислугу держали не за длинный язык. Доктор расправил плечи, приосанился и прошёл в дом.

Дом Лир с давних лет был одним из учредителей госпиталя Майоран, поэтому не прийти у доктора все равно не получилось бы. Но причина была не только финансовая. Валлара, как ни странно, связывала с Советником давняя дружба, если можно было так назвать этот странный симбиоз, он помнил каждого из детей Изольтара еще младенцем. Почти всем лечил простуду и больные животы. И Ллойву тоже. К слову сказать, этот ребенок, в отличие от своих двух братьев и сестры, крепким здоровьем не отличался. В возрасте шести лет от роду нашелся серьезный изъян в здоровье юного Лира — слабое сердце. Из-за этого военная карьера перед юношей закрылась, а именно она была фамильным отличием и гордостью всех Лиров с незапамятных времен. Ллойву нашел себя в науках. И даже преуспел в этом направлении. Настолько, что за достижения на поприще изучения энергий ему был присвоен титул страция — главного смотрителя при Окто, и доверено это самое ценное сокровище на Аст'Эллоте. Окто питал многие механизмы на фабриках: ткацкие станки, печатные платы, молотилки и боги знают, что ещё, освещал улицы и плавильные цеха. Многое, ради чего людь сжигала окружающие ее ресурсы, для иллоев взял на себя Окто, сделав их жизнь более комфортной и чистой. Для этого требовалась небольшая жертва со стороны асатров, Жертвенных. Со стороны казалось, что небольшая.

— Где я могу увидеть господина Армара? — Валлар решил переговорить с

компаньоном прежде, чем с хозяином. Ллойву не любил бесед о собственном здоровье и всячески их избегал.

— В гостиной, — вышколенный лакей затянутый в черную ливрею поклонился. Доктор прошел в большую, скудно, но со вкусом обставленную комнату. Хозяин не любил принимать гостей. Более того, если бы не положение, он бы заперся от всех совершенно, но статус Жертвенного не позволял ему такой роскоши. Эти господа с самого начала времен не принадлежали себе. Их здоровье — общественное достояние, ибо от их благополучия зависело и благополучие всего острова. Асатров с чистой кровью, вмещающих в себя Искру осталось не так уж и много. Лишь несколько семей еще хранили древние традиции, и Лиры были в их числе.

— Процветайте, господин Армар, — вежливо поклонился Валлар развалившемуся в кресле компаньону. Гость неодобрительно поджал губы. Слишком уж компаньон молод для такой работы. Он мог бы пойти далеко, если бы не предавался праздности. Служба «Келлер и к», которую рекомендовал доктор, очень внимательно относилась к набору персонала, отчего так вышло в этот раз, осталось загадкой. Компаньон должен иметь навыки оказания первой помощи, уметь провести любую медицинскую процедуру, вовремя распознать признаки неблагополучия. Недаром им даны большие полномочия. Даже страций, несмотря на высокое положение, не сможет его послушаться. Только позволит ли отсутствие опыта приказать страцию? Его тяжёлый взгляд, так похожий на взгляд Советника, выдерживают немногие. Доктор и сам не раз одергивал себя, чтобы не отступить. Что-то подсказывало, что и Сигрид Армар, рыжеволосый юноша с лёгкой наивностью в глазах, не устоит перед ним.

— Господин доктор! — молодой человек подскочил с кресла, уронив, лежащий на коленях огромный том медицинской энциклопедии в великолепными иллюстрациями господина Лоуре. Коллекционное издание. Наверняка эта книга стояла где то здесь, среди себе подобных. У Ллойву много редких изданий, но про эту книгу Валлар не знал. А полистал бы её с удовольствием. Но он здесь не за этим.

— Как наш пациент? — вежливо спросил доктор, давая юноше шанс оправдать бездействие.

— Все в порядке. После вчерашнего приступов больше не было. Я сделал массаж и сеанс иглоукальвания. Лекарства принимаются по расписанию... Господин Лир весьма покладистый пациент...

«Ага, как же, про того ли господина Лира речь? Что за игру ты ведёшь, Ллойву?»

Но вслух доктор ничего не сказал, только лишь улыбнувшись ободряюще.

— И где же он теперь?

— Он... ушел к себе... наверх, — виновато проговорил компаньон. Вот и ответ.

— Недопустимо! — Валлар наставительно поднял палец. — Господин Лир не должен заниматься делами. Полный покой, понимаете? Был предписан полный покой наряду с лечением. Вы читали лист назначений? Вы можете сказать, что он сейчас делает? Это же Ллойву... — доктор махнул рукой, выражая полное разочарование прозорливостью компаньона

— Да, доктор. Простите. Он не сказал мне... Я думал...

— Вы должны знать, что он делает, понимаете? Это одно из условий вашей службы!

— Да, я знаю. Но я подумал... Это сложно постоянно следить за ним...

— Отчего же вы допускаете подобные ситуации? — строго вопрошал доктор.

— Простите, доктор. Но Советник....

— Никаких, но... — доктор Валлар строго посмотрел на компаньона из-под нахмуренных бровей. — Если что-то случится, вы потеряете не только карьеру, а нечто более ценное. Понимаете?

— Понимаю, — Сигрид смиренно опустил глаза в пол. — Я очень виноват.

— Идемте, — и доктор отправился в кабинет по лестнице на второй этаж. Компаньон плелся следом. Непростительная халатность! Впрочем, зная Ллойву, можно сказать, что юноша не виноват, он мог успокоить компаньона своей напускной покладистостью.

Частенько бывая в этом доме, доктор хорошо себе представлял расположение комнат, и точно знал, где искать хозяина. Валлар поднялся по лестнице и свернул налево к резным створкам, распахнул двери кабинета, даже не постучав. Вошел, и отступил с пути юного медика, давая понять, что тот также важен, как и доктор, и имеет такие же полномочия.

Ллойву, как и ожидалось, сидел за столом и при свете пятиголового канделябра что-то увлеченно писал. Едва дверь распахнулась, пациент поднял голову, предвкушая предстоящий разговор, снял с носа окуляры и положил их на недописанный лист рядом с пером. Небольшие продолговатые стеклышки в тонкой оправе приветливо моргнули тусклыми бликами. Сей аксессуар изготовили специально для страция в цехе стеклодувов и механиков по его личным чертежам. В отличие от подражателей, коих было бесчисленное множество среди мелкой знати и мастеровых, он в них нуждался. Много раз Валлар, к своему неудовольствию, замечал на молодых людях подобный аксессуар, совершенно ненужный и бестолково сползающий на плохо подогнанных креплениях. Многие носили обычные стекла, по мнению доктора, выставляя себя на посмешище, и даже доходило до абсурда — пустую оправу без стекол, так как услуги стеклодувов были слишком дороги. Весьма глупое и бестолковое занятие. Но молодые иллои желали быть похожими на тех, кем восхищались. А упорству и целеустремленности страция удивлялись и завидовали многие.

— Вынужден вам попенять, — строго сказал Валлар. Ллойву чуть улыбнулся, словно пойманный с поличным вор. Сегодня радужки его лишь слегка потемнели, из чего Валлар сделал вывод, что успел вовремя.

— Простите, доктор, но я должен закончить. Дела в Инститосе ждут моего вмешательства, я многое пропустил, — тонкие пальцы теребили дужку окуляров. Валлар отметил себе, что рука слегка дрожит. — Мои студенты остались без наставника и...

— Должен прервать ваше занятие. Делах придется подождать, — безапелляционным тоном возразил доктор, чтобы не позволить себя уговорить. — Вы выпьете микстуру и ляжете в постель.

Армар понял, что от него требуется, в каком тоне сейчас будет проходить беседа, и метнулся в двери.

— Прошу, — Валлар указал на кресло рядом с собой с твердым намерением выманить страция из-за рабочего стола. Ллойву промедлил, вздохнул, но подчинился. Доктор цепко следил за каждым движением, пока пациент шел к креслу, надеясь уличить того в скверном к себе отношении. Валлар без стеснений распахнул полы хлопкового халата на груди хозяина дома, и приставил слуховую трубку. Услышанное заставило доктора нахмуриться. Подоспел и компаньон с небольшим серебряным подносом, на котором разместились рюмка с микстурой, пилюля на салфетке и бокал с водой. Под пристальным взглядом доктора Ллойву выпил микстуру, положил пилюлю в рот, запил водой, но на этом доктор не успокоился.

— Теперь Вы ляжете в постель.

— Что вы, доктор. Еще рано... Я должен...

— В кровать, господин Лир, иначе я положу вас в госпиталь и не выпущу, пока не сочту нужным.

Единственная угроза, имевшая большое влияние на страция, не подвела и в этот раз. Ллойву подчинился и вышел из кабинета. Валлар кивнул компаньону, что бы тот прибрал лишнее, и отправился следом за пациентом.

В спальней Ллойву скинул халат, нисколько не смущаясь чужим присутствием, и надел ночную рубашку. Валлар тоже не моргнул глазом. Он знал этого иллоя с рождения, к тому же чужая нагота давно его не смущала в силу профессии. Жертвенный лег в постель.

— Вы слишком печетесь о моем здоровье, — улыбнулся Ллойву. — Больше, чем следует

— Ваше здоровье — моя задача, — между делом доктор нащупал пульс, снова заглянул в глаза, удовлетворившись светлым и ясным взглядом.

— Я почти здоров.

— Быть может, вы и выглядите здоровым, но внутри вас что-то сломано, — с укором проговорил доктор. — Думаю, дыхательная гимнастика лишней не будет. Попрошу, не стесняйтесь...

— Оно сломано давно, — Ллойву откинулся на подушки, и глубоко вздохнул.

— Теперь все немного иначе.

— Бросьте, все так же, как и всегда.

— Советник так не считает, — Валлар взял в руки запястье больного, чтобы отследить изменения пульса после очищающей гимнастики.

— Советник? — Ллойву скривился. — Ему все равно, поверьте.

— Возможно. Но так повелось со времен последних богов. Здоровье Жертвенного превыше всего. Вы лучше меня знаете.

Ллойву не ответил. Быть может, он и рад бы был возразить доктору, но многовековая традиция и уклад иллоев довели над обоими.

— Я дам вам капель, — Валлар потянулся к саквоюжу.

— Не многовато ли сегодня лекарств?

— Те, что вы пьете, нужны, чтобы укрепить сердце. Я сейчас дам вам снотворное.

— Поверьте, доктор, я и так крепко сплю.

— Не спорьте. — Валлар накапал в стоящий на столе сосуд несколько капель и протянул пациенту. Ллойву выпил и это, хотя Валлару показалось, что он мысленно желал всех благ и доктору, и отцу.

— Что теперь?

— Теперь Вы лежите, а я посижу рядом.

— Знай я вас, я бы подумал, что вы опасаетесь, что я сбегу из постели, — Ллойву рассмеялся. — Впрочем, я вас знаю.

— Я вас тоже, — парировал Валлар, отслеживая пульс. — Поэтому я здесь.

Помолчали. Ллойву отвернулся и закрыл глаза. Доктор посидел немного, дождался, пока пульс станет размеренным и неспешным, дыхание — ровным. Пациент заснул.

Следующим пунктом назначения стал дом Советника Изольтара. Коляска выехала с площади Сти и покатила по проспекту Лита, одной из самых богатых улиц Астеро, столицы. Город, словно вековое дерево раскрывался новыми гранями с каждым новым

срезом. Как годовые кольца, его улицы приоткрывали многовековую историю шаг за шагом. Площадь Сти, поражающая своей роскошью, была возведена много позже, и теперь, по мере движения по улицам, город затягивал в эпоху Смуты, когда большая часть строений была разрушена во время беспорядков, и возведена заново. Здесь встречались особняки эпохи ранней классики и иллойской эпохи времён первых богов. Если проехать дальше, то там можно будет увидеть одноэтажные усадьбы мастеров гильдий, где зодчие жертвовали изяществом в угоду удобству. Дом Советника стоял третьим от начала улицы, и являл собой образец пышного стиля первых столетий нового летоисчисления. Тогда, давно, возликовав от избавления от соседства с грязной, необразованной лудью, иллои начали возводить дворцы, сравнимые в роскоши разве с пылающим костром восхода. Витиеватое кружево лепных деталей, прорезанное высокими стрельчатыми окнами создавало затейливую игру света и тени, золоченые статуи украшали фронтоны и колонны перед входами. Время нещадно стерло позолоту, ветер и солнце источили скульптуры, но особняки по-прежнему поражали воображение размахом. Кучер завел коляску внутрь большого привратного сада имения. У дверей доктора уже встречали четверо стратов. Изольтар, в отличие от своего сына, не скупился на охрану, полагая, что безопасность семьи должна выступать во главе прочих нужд.

В отличие от особняка на площади Сти, здесь с первых шагов чувствовалась атмосфера важности живущей в доме персоны. Пахло цветами, пара лакеев вытянулась у дверей, чтобы препроводить гостя к хозяину дома, а ноги мягко ступали по дорогим коврам родовых цветов производства местной гильдии ткачей. Со стен на гостя суровыми взглядами смотрели почившие предки семейства Лир, и Валлар мог с уверенностью сказать, что этому взгляду можно даже присвоить родовое имя. Его унаследовал и Изольтар и, как ни странно Ллойву, хотя внешне он и был похож на ныне ушедшую к предкам Иливелли. Даже первенец, Дженве, и тот казался во сто крат более дружелюбным, чем эти двое.

Советник ждал доктора в своем кабинете, большом, заставленном дорогой мебелью. Доктор всегда робел в присутствии Советника. Чувствовалась в нем мощная сила, перед которой все отступали, подчиняясь даже против воли.

— Процветайте, доктор, — радушно поприветствовал Советник Валлара, поднимаясь из-за стола.

— Процветайте Советник Изольтар.

Хозяин жестом предложил гостю стул возле стола и сам сел на такой же, подчеркивая, что в этот момент они на равных. Валлар неловко перемялся у двери. Не стоило обманываться показной близостью. Советник для всех был недосягаем, как вершина горного пика.

— Вы были у Ллойву?

— Да, меня завез ваш... возница.

— Как он?

— Ему лучше. Много лучше, — кивнул доктор. — Вчера, вероятно, произошло что-то из ряда вон...Сегодня он выглядит и чувствует себя столь хорошо, сколько позволяют обстоятельства. Вы разве не были у него?

Изольтар улыбнулся одними губами, скрыв при этом взгляд.

— Нет. В этом нет нужды. Вы заехали к нему, этого достаточно. У Ллойву сложный характер, вряд ли он был бы рад меня видеть, — произнес он, перекидывая ногу на ногу. — Но он умен. И полезен... для Аст'Эллоа это лучший из страциев.

— Надо дать ему время, Советник. Я понимаю, что дела требуют внимания, но если он отдохнет, продуктивность станет выше. Много выше, я уверен.

— Кто же ему не дает отдыхать? — насмешливо спросил Советник.

— Возможно, он сам себе, — грустно улыбнулся Валлар. — Но если вы ему прикажете...

— Что поделать, доктор. У нас, как обычно, не так много времени. Если он может работать, то лучше, если он будет это делать.

— Хотя бы пару дней, — заискивающе попросил доктор. — Даже сегодня я выгнал его из кабинета. — Советник ехидно улыбнулся, но потом посерьезнел.

— Не работать он сможет лишь в госпитале, а добровольно его туда не заманишь, сами знаете. Скажите, доктор, в тот день, когда его привезли в госпиталь, как думаете, что произошло? — вкрадчиво спросил он.

Доктор задумался, вспоминая.

— Это было утром. Как мне сказали, его обнаружил илатум. Его нашли в своем кабинете в Окторуме. Без сил. Служащие сразу доставили его в госпиталь.

— Сразу?

— Не совсем. Они дождались медиков, — смутился Валлар. — Вы же знаете, им нельзя касаться Жертвенных.

— Знаю. Все верно, продолжайте.

— Я не смог подойти сразу, у меня был пациент. Но когда пришел к нему в палату, я не сомневался, в чем дело. Доктор Дивос все сделал правильно. Я просмотрел рабочие записи. Оказанная помощь была верной и своевременной.

— Снова сердце?

— Да, но это только часть проблемы. Господин Лир выглядел истощенным. Не утомленным, а именно истощенным, словно кто-то выпил из него его...

— Искру? — прервал Советник.

— Да, пожалуй, так. Я зафиксировал признаки угасания Искры. Первое время он никого не узнавал, но потом пришел в себя.

— Что произошло? У вас есть какие-то мысли?

— Я не знаю, Советник, — доктор Валлар смутился. — Господин Лир всегда много работал. Слишком много, на мой взгляд. Мое мнение таково, что асатры не должны взаимодействовать с Окто. Это опасно. Но возможно, это результат, накопленный за годы.

— Могли ли эти изменения затронуть его рассудок, как считаете? — не отставал Советник. Валлар задумался.

— Мне сложно судить. Первое время после удара он никого не узнавал, и я опасался страшного. Но спустя время он пришел в себя. И все стало как прежде. Ну как... — Валлар с улыбкой закатил глаза. — Он не любит госпитали, вы же знаете.

— Знаю.

— Ллойву умеет покапризничать...

— Не в этот раз. Так что?

— Если есть сомнения, я могу порекомендовать вам доктора, который оценит его состояние. Но я был у него сегодня. Нет причин для беспокойства...

— Буду благодарен. И еще. Совет желает убедиться, что Ллойву не употреблял стимулятов. Ваш доктор сможет это подтвердить?

— Может, — кивнул Валлар. — Могу я...узнать. Что такого случилось на вчерашнем

заседании, отчего возник такой переполох?

— Можете спросить. Но я вам не отвечу, — Советник поднялся, давая понять, что момент близости меж ними закончен. — Это закрытая информация.

— Понимаю, — кивнул доктор Валлар.

— Присматривайте за ним, — Советник сел за свой рабочий стол. — У нас есть несколько дней.

— Его компаньон вполне расторопный молодой иллой, хоть мне и кажется, что у него маловато опыта. Думаю, он проследит, чтобы господин Лир не перетруждал себя.

— Да, я сам его выбирал. Он вполне поддается дрессировке, — пробормотал Советник, погружаясь в свои дела.

— Что? — доктор подумал, что ослышался.

— Я сам его выбрал, — повторил Советник. — Ллойву не сможет на него повлиять. Меня он боится больше.

— Понятно, — доктор посидел еще немного, наблюдая, как Советник перечитывает что-то в бумагах на столе.

— Могу я идти? — неловко спросил он.

— Да, можете, — кивнул Советник.

Глава 4 в которой всё только начинается

Сигрид Армар следующим утром встал очень рано. Пришлось подниматься вместе с пациентом. Компаньон не мог определить, входит ли гимнастика Кейме в понятие «нарушение режима», но не стал препятствовать асатру. В конечном итоге физические упражнения полезны для всех. Ллойву провел на заднем дворе время до восхода. Затем отправился в дом, чтобы принять ванную. Сигрид, смущаясь, вмешался в процесс налития воды, отрегулировав температуру по своему разумению. После под скучающим взглядом хозяина удалился, давая возможность Ллойву побыть одному.

Изнывая от скуки, компаньон прошел в кухню.

Сигрид Армар, ставший компаньоном страцию по воле Советника, родился в небогатой семье шахтера, и, как все, верил слухам, что дома Жертвенных наполнены вычурной роскошью, а прислуживающих им иллоев столько, что если поселить их отдельно, то получится целый город. В доме страция все было наоборот. Прислуги — немного. Кухарка, приходящая горничная и лакей. Это из тех, что служили в доме. В небольшом флигеле жил садовник, а рядом и кроджий, что ухаживал за тремя породистыми ездовыми кродами. Вот и все, кто жил в доме. Убранство самого особняка по-аскетски скудное. Ни тебе золота или парчи, вопреки представлениям большинства о быте Жертвенных. Только белые шпалеры и темное дерево. Кабинет и гостиную украшали резные полки из темного дуба и множество томов всевозможных энциклопедий. На полу, правда, лежали дорогие пересийские ковры с поверхности — единственный в доме предмет роскоши. Сигрид иногда тайком вечером ходил по ним босиком. Пушистый ворс щекотал ступни, и казалось, что под ногой мягкий шелк весенней травы.

Завтрак был накрыт в кухне за большим столом. Кухарка, плотная женщина, по имени Лисса, сервировала завтрак для асатра во главе стола, а для компаньона по правую руку. Ллойву спустился к завтраку уже одетым и собранным. Кухарка налила в бокал морс и разлила жидкую кашу в тарелки. В этот момент лакей принес утренний новостной листок и подал окуляры в бархатном чехле. Ллойву нацепил на нос свой аксессуар, и, наконец, обратил внимание на предложенный завтрак.

— Что это? — он посмотрел на тарелку еще и через окуляры, желая убедиться, что это чья-то шутка. — Каша?

Он с вопросом взглянул на кухарку, а та пожала плечами и перевела взгляд на Сигрида. Тогда Жертвенный ледяным взглядом пригвоздил компаньона к месту.

— Доктор прописал вам диету, — оправдываясь, проблеял Сигрид. — Не я это придумал.

— Я как будто в своем доме, не так ли? — спросил Ллойву, мельком проглядывая газету. — И уже говорил, что ЭТО я есть не стану.

— Это не мой каприз, доктор Веллер...

— Валлар, — механически поправил асатр, опуская руку с листком.

— Да, доктор Валлар желает, чтобы лист назначений выполнялся в точности. А в нем написано, что у вас диета, — жалобно проблеял Сигрид под уничтожающим взглядом страция. О, если бы взглядом можно было убивать.

— Так передайте доктору Валлару, что характер своей диеты я определю сам, — Ллойву расправил газету, снова мельком глянул заголовки.

— Не я придумал это, — оправдывался Сигрид. — Можете сказать ему сами. Он заедет сегодня вечером.

— Не берите в голову, — Ллойву в несколько глотков выпил морс и вышел в гостиную, не притронувшись более ни к чему.

Сигрид обмяк, словно из спины его выдернули стальной прут. Кухарка с сочувствием погладила его по руке.

— Ничего, ничего.

— Я не виноват! — Сигрид обернулся к ней. — Вчера доктор Веллер...

— Валлар.

— Да, Валлар угрожал мне за то, что он работал, когда должен был отдыхать. Это моя работа теперь следить, за тем, что он делает.

— Господин Ллойву хороший иллоу, — с сочувствием проговорила кухарка. — Не подумайте, чего. Он вас не обидит.

— Угу, — Сигрид, не чувствуя вкуса, начал есть свою кашу.

— Про него много говорят, и много пишут, но вы не верьте, — продолжила кухарка. — Это все не правда.

Сигрид кивнул. Он не стал спорить, хотя считал, что статьи в новостных листках берутся не из пустого места, и что-то в них, определённо, есть доля истины. Некоторые статьи про страция он прочёл прежде, чем согласиться на эту работу. Статьи добавили сомнений, но весомый гонорар зримо перевесил все терзания.

— Пусть начало у вас не задалось, но потом, он вам понравится, — кухарка еще раз успокаивающе похлопала компаньона по плечу. Поставила перед ним тарелку с куском ароматного пирога и налила чай.

Хлопнула входная дверь. Лакей с надутым видом пронес в гостиную письма. Сигрид проводил его взглядом. Вот она, жизнь. Ты сидишь в удобном кресле с бокалом вина или чего покрепче, а вокруг тебя все вертится. Так он хотел бы жить, но к сожалению, пока это не возможно. Пока... Другое дело — асатры — Жертвенные. С рождения им дарована масса привилегий и пожизненное содержание. Кто-то считает, что совершенно напрасно. Сигрид считал так же до недавнего времени. Для чего этим господам богатство? Чтобы прокутить его? Что в них такого, что Статос запрещает даже физический контакт? Словно хрустальные вазы. Компаньон быстрым взглядом скользнул по дверному проему в гостиную. На первый взгляд, ничего особенного. Взять страция, к примеру. Если верить отчёту медиков в рекомендациях, он неизлечимо болен и требует постоянного внимания. И получает его... Было бы так же, например, с обычным иллоем, не обладающим Искрой? Хотя, страций, как будто, не кичится происхождением.

Валлар говорил при инструктаже, что Ллойву много работает. В его обязанности входят наблюдение за Окто и еще он преподает в Инститосе на факультете Высоких энергий. До удара в его графике не было свободных мгновений. Зато теперь их в избытке. Страций откровенно скучал.

Сигрид вздохнул и полез в бюро за лекарствами. Накапал микстуру в рюмку, положил пилюлю на салфетку, Лисса подала стакан воды. Все это компаньон расставил на серебряном подносе и пошел в гостиную, дабы исполнить свой долг и Валлар не говорил, что он безнадежен. Ллойву выпил все предложенное и снова погрузился в чтение, едва ли удостоив Сигрида взглядом. Компаньон вернулся в кухню. Словно пустое место...

Положение его теперь стало довольно шатко, хоть семья и считала, что ему сильно

повезло, когда сам Советник, выбирая компаньона для сына, остановил свой выбор на нем. Господин Лир четко дал понять, что ждет от компаньона повиновения и немедленного доклада, если ситуация выйдет из-под контроля. Сигрид, холодея под ледяным взглядом, кивал. Теперь он словно оказался под перекрестным огнем. Ллойву не желал внимания к себе со стороны отца, а Советник требовал отчетов. Но это компенсировалось весьма щедрым вознаграждением. Мать радовалась, что, возможно удастся накопить средства на обучение для младшей сестры. Сигрид вздохнул. Каждый в этом мире чем-то жертвует. Не только асатры.

Доев пирог, компаньон снова прошел в гостиную, встал в дверях. Ллойву как раз дочитывал последнее письмо. Остальные аккуратной стопкой распечатанными лежали на столике рядом с ним.

— Не стойте в дверях, юноша. Или заходите, или идите по своим делам, — не отрываясь от занятия, сказал Жертвенный.

— Мое дело — это вы, — парировал Сигрид. Асатры, конечно, неприкосновенны, но они такие же иллои, как и все, об этом компаньон знал, как никто. Вошел и, осмелев, не спрашивая, сел в соседнее кресло напротив. Ллойву поднял глаза от чтива, и взглянул на компаньона поверх окуляров. Отложил письмо и посмотрел на компаньона еще и сквозь выпуклые стекла.

— Что-то не так? — когда-то Сигрид бы сильно оробел после вопроса заданного таким лукавым тоном, но не теперь. Сейчас в нём кипела и наполняла вены огнём непонятная ярость.

— Нет, я обязан быть рядом, — и всё же он смог взять себя в руки. Жертвенный, однако устроился удобнее и с лукавой улыбкой снова взглянул на компаньона.

— Надеюсь, не везде. Вы выглядите так, будто хотите мне что-то сказать.

— Нет, — Сигрид мотнул головой, вдруг устыдившись своего порыва. Что скажет доктор Валлар? «Недостойное поведение». А Советник? Уволит...

— Характер ваших действий и ваша одежда свидетельствует о том, что вы в своем ремесле недавно, — продолжил Ллойву.

— Пару лет, — уклончиво ответил Сигрид.

— Что ж, насколько я знаю, вас назначили по рекомендации моего отца, не так ли?

— Мне сказали, что так, — кивнул компаньон.

— Он всегда меня недолюбливал, впрочем, это взаимно, так что я не в обиде, — Ллойву положил голову на спинку кресла, не переставая рассматривать собеседника.

— Вы слишком молоды для компаньонства, — резюмировал он. — Я бы сказал, что вы не учились на лекарском факультете Инститоса. Скорее курсы для медбратьев. Госпиталь Имерит, да?

— Это имеет значение? — стало неуютно. Он, будто читает мысли.

— Нет, абсолютно никакого, — Ллойву мотнул головой. Где-то за окном раздался далёкий, протяжный стон, словно сама земля, как большое раненое животное, звала на помощь. Жертвенный замер, прислушиваясь, сдержал готовый ответ и Сигрид. Что-то происходило сейчас, определённо, иначе, почему благодушное выражение слетело с лица страция, как лист, напуганный ветром.

— Видимо, меня сочли достойным, — наконец выдал Сигрид, выдержав достаточную паузу.

— Несмотря на юный возраст и начинающуюся карьеру вы уже в доме Советника.

Вашему карьерному росту можно только позавидовать, поздравляю, далеко пойдёте, юноша, — Ллойву встряхнулся и говорил все это, походя, как бы между прочим, словно голова его была занята чем-то другим. Сигрид опустил глаза на письма. Жертвенный заметил случайный взгляд. Стянул с носа окуляры, положил на листки, запирая от чужих взглядов, чтобы развернувшись, страницы не выдали своих секретов.

— Это от родственников. Одно от отца, другое от сестрицы. Отец официально уведомляет, что вы назначены моим компаньоном, сестрица интересуется моим здоровьем.

— В газете я читал, что она живет недалеко, — вспомнил компаньон, стараясь увести разговор от скользкой темы.

— Да, но, похоже, ей некогда тратить время на визиты.

Сигрид, уже не скрываясь, разглядывал Жертвенного. Они считались элитой иллойского общества. Были богаты, красивы и с рождения имели множество привилегий. О сидящем напротив Ллойву Лире говорили многое. Говорили, он заносчив, что он никого не щадит, особенно себя самого. Он был безусловно красив, на его лице Сигрид не нашел ни одного изъяна. Этот факт породил в обществе многочисленные слухи. Газетчики, не сумев найти хоть сколько порочащей его истории и ни одной из известных любовниц, прозрачно намекали, что Ллойву Лир не интересуется женщинами. Даже нашли свидетеля, подтвердившего грязные слухи. С год назад эта тема с удовольствием обмывалась за каждым столом в кругах попроще. Появился памфлет на эту тему. Злые языки посплетничали, но никакой реакции со стороны самого Лира не получили. Тема вскоре всем наскучила, и о ней ненадолго забыли. Жертвенный и компаньон рассматривали друг друга, и каждый делал для себя выводы.

— Сколько вам лет? — вдруг спросил Сигрид.

— Неожиданный вопрос, — Ллойву улыбнулся. — Летоисчисление Первородных несколько отличается от обычного или от люди. Здесь слишком сложная система. Боюсь, я вам не отвечу.

— И все же...

— Возраст Жертвенного исчисляют циклами Жатвы, если вы интересовались. Второй. По новому летоисчислению где-то между тридцатью и сорока. По люди около семидесяти. Как вам больше нравится считать? — Жертвенный прикрыл глаза в ожидании следующего вопроса, но не дождался. — Вы смело спрашиваете. — Ллойву занял более удобную позу в кресле. — Мне все больше интересно, как вы угодили в компаньоны. Вы слишком юны. Могу предположить, что вам оказал протекцию Советник...

Сигрид опустил взгляд. Асатр как будто читал мысли. Так казалось. А вдруг Искра позволяет им это? Сигрид закончил курсы медбратьев около года назад. Лишь малая толика везения и обещание Советнику писать каждый день отчеты позволили ему занять эту должность. Сигрид воспринимал эту работу, как свой билет в большое будущее, словно перепрыгнув несколько ступеней, взлетел на самый верх. Теперь, оказавшись лицом к лицу со страцием, компаньон уже не был так уверен в выборе покровителя.

На счастье, компаньона прозвенел колокольчик у двери, и Сирид поспешил убраться из гостиной.

В дверях показался лакей.

— Кабистер Мейе Горр просит о визите.

— Мейе? — Ллойву с готовностью повернулся в кресле навстречу. — Зови!

Сигрид спрятался в кухне от гостя. Вошедший кабистер был широк в плечах и немало

роста, он заполнил собой половину прихожей. Пожалуй, такому сложению позавидовал бы любой мужчина. Он был темноволос и кареглаз, что выдавало в нем потомка смешанной с людьё крови. Тёмно-синий мундир его оттеняли три полосы на груди, говорящие о высоком звании в армейских частях.

— Мейе! — хозяин поднялся навстречу гостю. Кабистер, смеясь, распахнул объятия.

— Мне можно касаться тебя? — Статос, высший иллоийский закон, запрещал рядовым иллоям касаться Жертвенных, если рядом не было свидетеля со столь же высоким происхождением. Одни боги знают, откуда пошел этот абсурдный закон, но Совет не спешил его отменять, а значит, он все еще действовал.

— Я никому не скажу, — рассмеялся Ллойву и пошел навстречу гиганту. Приятели обнялись. Ллойву снова опустился в свое кресло, а Мейе с шумом сел в то, в котором минуту назад сидел компаньон.

— Я думал, ты служишь на границе, — улыбаясь, посетовал Ллойву. — Говорят у портала беспокойно.

— Что-то пошло не по плану. Наше крыло перевели сюда.

— Что ж, я рад. Быть может, вернется и Дженве.

— Я приехал, как только получил увольнение, — Мейе оглядел гостиную. — Во имя всех богов, Ллойву, купи себе нормальный дом, этот похож на библиотеку. Такой же пыльный и наполнен книгами!

— Меня устраивает, — Ллойву позвонил в колокольчик, и тот час в дверях появился лакей.

— Ив, принеси мне воды. И... Мейе, что ты будешь?

— Тоже воды, — лакей кивнул и ушел в кухню. Сигрид пропустил его мимо себя и снова приник к дверному косяку, прислушиваясь к разговору.

— Я узнал из газет, что ты попал в госпиталь. Ллойву, что ты с собой делаешь? — строго спросил кабистер.

— Не верь газетам, там все преувеличено, — голос Жертвенного притих. — Я скоро вернусь к работе.

— Ну, уж нет. В этот раз, я думаю, надо отдохнуть, как следует, довольно жертвоприношений, — лакей принес воду и поставил на стол.

— И ты туда же...

— Я со всеми, — рассмеялся Мейе. — За тобой нужен постоянный пригляд, иначе ты загонишь себя в могилу.

— Это спорный вопрос, — улыбнулся Ллойву, пригубив из бокала. Мейе взглянул на письма, придавленные окулярами.

— Ты даже сейчас не уймешься никак! — воскликнул он.

— Это от родственников, — отмахнулся Ллойву. — Сестрица интересуется, не умер ли я еще, а отец желает видеть мое заключение об Окто.

— Они не были у тебя?

— Нет. Я думал, отец покажется в госпитале, но он слишком занят, как обычно. Зато он прислал мне компаньона.

— Это хорошо. Теперь я спокоен — ты под присмотром.

— Да, пожалуй, под присмотром, — усмехнулся Ллойву. — Сегодня я приглашен на прием к ГайО.

— Что ж, сходи — развлечешься.

— Ты же знаешь, я не люблю эти выставки тщеславия. Пустая трата времени.

— Тогда сделай, как обычно — не ходи, — Мейе улыбнулся широко.

— Нельзя, мой друг. Это прием по случаю помолвки и я — один из участников, —

Ллойву откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

— Неужели ты сделал ей, наконец, предложение?

— Она, наконец, его приняла. — Ллойву усмехнулся.

— О, поздравляю.

— Полагаю, она нашла союз с домом Лир более выгодным, вот и все.

— Ну, теперь, утихнут слухи...

— Какие? — без интереса спросил Жертвенный.

— Да поговаривают всякое...

— Не стесняйся.

И Мейе кинулся в омут с головой.

— Говорят, что Ллойву Лиру больше по нраву мужчины. Но в нашем каббере никто такого даже не подумает, я тебе точно говорю!

— Вот как? — усмешка искривила губы хозяина. — Что ж, всем рты не заткнешь, пускай говорят, что хотят, — узкая ладонь смахнула с лица невидимую паутину. Гул за окнами снова перерос в стон.

— Тебе нехорошо? — с участием наклонился вперед Мейе.

— Нет, все в порядке. Как Валлка?

— О, она ругается со мной. Я редко бываю дома. Мне кажется, мой брак трещит по швам, — признался Мейе.

— Здесь я тебе не советчик, — Ллойву грустно улыбнулся. — Мой брак закончился, не начавшись.

— У тебя же сегодня помолвка.

— Это скорее формальность, чем необходимость. На этом приеме будут все ее любовники... и любовницы. Бьюсь об заклад, вторых будет больше, чем первых. Великолепная Альма... — Ллойву едко улыбнулся.

— Разве ты не можешь отказаться? — спросил Мейе, уже зная ответ.

— Ты прекрасно знаешь, что нет. Мы все исполняем свои роли. Ты свою, я — свою.

— Какая же роль у тебя? Благородного рогоносца?

Ллойву рассмеялся.

— Нет, скорее послушного сына. У отца свои планы на этот брак.

— Вот не думал, что ты готов исполнять его волю.

Ллойву задумался, бросил мимолетный взгляд в сторону двери.

— Эти слова могут дорого стоить нам обоим.

Мейе смутился, вспомнив, что на Аст'Эллоте жёсткие законы.

— Прости. Ты же не сдашь меня? — улыбнулся он, стараясь сгладить ситуацию. Жертвенный покачал головой — нет, и прикрыл ладонью глаза.

— Тебе нездоровится?

— Мне кажется, из-за этих пиллюль у меня начинает болеть голова.

— Тебе надо отдохнуть, вот и все.

— Я устал отдыхать, — возразил Ллойву. — Мне не дают работать. От недостатка пищи, мой мозг начинает болеть.

— И правильно делают, что не дают, — кивнул Мейе. Ллойву обратил взгляд на

дверной проем, и кабистер взглянул туда же. В дверях, смущаясь, стоял компаньон.

— Если у вас болит голова, то визит лучше прекратить, — виновато пробормотал он.

Мейе спешно поднялся, словно бы извиняясь за беспокойство, развёл руками.

— Я зайду еще, попозже.

— Я буду рад, — Ллойву, осознав, что с Сигридом бесполезно спорить, кисло кивнул.

Кабистер ушел, громко зацепившись о дверной косяк.

— Вас проводить? — настойчиво спросил Сигрид. Ллойву отмахнулся от компаньона и пошел в спальную.

— Разбуди меня через два часа, — бросил он через плечо. Сигрид согласно кивнул.

Глава 5 где кто-то празднует, а кто-то плачет

Советник Кримм жил возле мануфактуры, владел ею же, и считал своим долгом быть ближе к месту службы. Помимо вопросов управления на его плечах лежала забота о многочисленной семье и председательство в Совете Гильдий. Двери дома никогда не закрывались для родичей и гостей, потому в большой прихожей, что для простоты называемой «приёмной» всегда толкся народ: мастера, просители, прислуга и многочисленные родственники. Стоял невообразимый гвалт, прерываемый иногда хлопаньем дверей, и гулом недалёкой мануфактуры.

Сам Советник вышел сегодня в «приёмную», чтобы встретить представителей гильдий, с которым у него была назначена встреча. Конечно, Совет первородных имел на Аст'Эллоте власть, но все понимали, где на самом деле она сосредоточена. Формально для всех решения принимались Советом Жертвенных семей, но фактически решал вопросы Совет Гильдий. Отнюдь не в цепких руках Советника Лира находились бразды правления, как бы он ни хотел так думать. Он может творить или говорить всё что угодно внутри своей семьи и среди этих надутых индюков с гордыми взглядами горных орлов, но мастерам не надо заливать уши елеем. Они ближе к реальности и точно знают, что и как работает. Пора свалить этого дряхлеющего колосса.

Мастера пришли вовремя и столпились у входа, негромко беседуя между собой. Советник поманил искомых иллоев к себе в кабинет, дверь в который находилась здесь же, прикрытая хлипкой ширмой.

— Папа! — со спины на него напрыгнула Алейма, любимая и единственная дочь, обняла за плечи.

— Не сейчас, милая, не сейчас... — Кримм похлопал по тонкой девичей руке на своём плече. В ответ девушка прижалась ещё крепче.

— Алейма, папе надо поговорить, — прогудел мастер Риго, представляющий литейщиков. — Как твои дела?

В ответ раздался невнятный то ли вздох, то ли всхлип, и юркая фигурка девушки затерялась среди серых, будничных спин.

— Что с ней? — чопорный мастер Лурик из стеклодувов проводил фигурку взглядом, на что Советник махнул рукой.

— Молодость...

— Что же сподвигло юную особу снова пролить слёзы? — тяжёлая створка двери пропустила мастеров одного за другим, и закрылась, отрезая разгульную, гомонящую толпу от рабочего кабинета.

Советник тяжело протопал к столу и сдёрнул новостной листок, потряс им над головой.

— Она вдруг решила, что суждена одному иллою, который даже не знает о ней! — и грохнул листок обратно на стол. — С чего она это взяла, ума не приложу...

— О, я кажется представляю. о чём речь, — кивнул мастер Лурик, — сегодня в утреннем выпуске попалась заметка, Лир и Гайо сегодня празднуют помолвку...

— Какое мне дело! — вскипел вдруг Кримм, — говорил ей, что это всё блажь! Не станут они мешать чёрную кровь с красной!

— Она всё ещё грезит этим Лиром? — мастер Вельмут, представляющий ткачей, расположился на скамье у стены. — Я думал, это увлечение в прошлом...

В ответ Кримм покачал головой, выражая своё отношение к влюблённости дочери.

— Миела даже нашла у неё портрет под матрацем, представляете?

— О, это серьёзно, — кивнул головой мастер Лурик и лукаво улыбнулся, — не хочешь посвататься к страцию?

— Смешно, — фыркнул Кримм, — боюсь, он даже не взглянет в нашу сторону. И потом отдавать дочь в это шершневое гнездо? Уволь... Пусть перегрызут себе глотки сами. К делу...

Зашаркали ноги, загремели тяжёлые скамьи о доски пола. Мастера рассаживались по местам, чтобы слушать.

— Давай, Мико, рассказывай, — пригласил Кримм худощавого мастера Вальма, представителя горнодобытчиков.

— Мы все знаем, зачем здесь собрались. Окторум снижает нам мощность. Думаю, надо предпринять решительные шаги, — откашлявшись, начал Вальм, — уровень наполненности дианоме в шахтах снизился за последнюю декаду. Я писал Советникам, что придётся закрыть штольни, но не получил ответа.

— Ллойву Лир стоит во главе Окторума? — недовольно спросил мастер Риго, — в наших цехах понизили норму подачи энергии. Нам приходится жечь «чаши». Непростительное расточительство. Думаю, надо спросить с него.

— Ллойву Лир последнюю декаду был отстранён от дел, вы разве не читали? Лечился в Майоран, вот только сейчас вернулся к работе... — задумчиво проговорил Кримм, — чем он сможет нам помочь?

— Его назначили страцием, значит, это его вопрос и его проблема! Окто сбоит, это ясно, как божий день! — горячо возразил мастер Ульрик, выборный представитель всех фермеров. — Даже мы это почувствовали! Вы понимаете, что это значит?

— Это факт, — меланхолично согласился мастер Вальм, — почему эти асатры не наладят бесперебойную работу? Это в их обязанностях, даже в Статосе это указано. Уж коль они так им кичатся, пусть займутся, наконец, своей работой. Если Окто не хватает ещё одной жертвы, пусть скормят кого-то ещё.

— Может, Окто не понравилось на вкус, чем его попотчевали? — Насмешливо спросил мастер Ульрик, — они все загадили свою кровь! Не понимают, чем это может обернуться для всех!

— Надо поставить вопрос ребром! — грохнул со своего места мастер Риго, — Театры и рестораны могут пережить низкий уровень подачи, но не производственные цеха! Это надо донести до Совета...

— Я поговорю, — без особой надежды кивнул Кримм, — вопрос в другом, изменит ли это хоть что-то.

— Сколько их осталось? Жертвенных? Мне кажется, слишком много, — продолжил мастер Ульрик, — пусть исполняют свой долг.

— Ты можешь донести до них нашу волю? — обратился к Кримму мастер Риго.

— Я не уверен, что меня услышат, — Советник Кримм вздохнул, — можно обратиться напрямую к Ллойву Лиру. На последнем заседании поднимался этот вопрос.

— И к чему они пришли?

Кримм опустил взгляд и помолчал.

— Ни к чему, кажется...

— Почему там нет нашего поверенного, Кримм? В Окторуме? — мастер Лурик

разгладил робу на коленях, — это такая важная сфера, а мы оставляем её асатрам... Это неправильно...

— Потому что кто кроме них может управиться с Окто? — огрызнулся Кримм, — Ты? Или может быть я?

— Наверняка найдётся талантливый иллойд, который сможет разобраться во всей этой чертовщине! — воскликнул мастер Ульрик, — наша земля никогда не оскудеет талантами! Достаточно взглянуть на её историю...

— Давай будем честными, большая часть из них, Жертвенные, — успокаивающе протянул мастер Риго, — я не против обратиться к страцию Лиру, он производит впечатление слышащего иллоя.

— Но страций имеет недостаточный вес в Совете, — возразил мастер Вальм, — нам надо говорить с Советниками. Об этом и речь.

— Эти индюки нас не услышат, — фыркнул мастер Ульрик, — сколько мы им писали петиций.

— Можно говорить и по-другому, — подал голос молчавший до сих пор мастер Круций, представитель цехов механиков, — если они не захотят нас слушать.

— Это крайняя мера, — скривился Кримм, подозревая, к чему тот клонит.

— Но действенная, если нет другого выбора. Помнится, оборотов сто назад они быстро приняли наши условия.

Мастера замолчали переваривая сказанное.

— Мы можем остановить производство... — В тишине высказал мастер Риго, — если требования не будут выполнены.

— Но сначала постучаться в окна, — высказал мастер Ульрик, высоко поднимая голову, — к Советнику не добраться, так давайте подадим знак страцию.

— Просто поговорим, — успокаивающе поднимая ладони проговорил Кримм, — сначала просто поговорим. Я сам...

— Боишься, что твоя дочь будет скорбеть о своём кумире? — усмехнулся мастер Ульрик.

— Хочу решить вопрос здраво, — возразил Кримм, — здесь много о чём надо подумать. Положение наше шатко, нельзя скатиться в бессмысленное кровопролитие.

— Хорошо, мы ждём твоего знака, — кивнул мастер Ульрик, — а потом начинаем действовать.

— Дай слово, что не сделаете глупостей! — нахмурился Кримм.

— Ты слишком много общаешься с Первородными, — рассмеялся мастер Ульрик, — мы не они, запомни это...

Сигрид Армар, еще ни разу не был на светских приемах. Происхождение у него было самое приземленное: отец работал начальником выработки в печально известной Железной шахте, где несколько лет назад произошел обвал, а мать трудилась хозяйкой в госпитале Имерит, том, где принимали всех, кроме Жертвенных. Этот, в качестве компаньона страцию, станет первым.

Спустя пару часов Ллойву Лир оделся в форменный мундир, прибрал волосы и спустился вниз уже не больным, за которым нужно приглядывать, а вельможей, которого каждый из иллойдских домов желает видеть своим гостем. Мундир был ему к лицу, черного цвета, с вышивкой серебряной и красной нитью по вороту и рукавам, на плече и груди —

родовой герб — искусно вышитый алой нитью василиск, свернувший тело в три кольца. Камзол выгодно скрадывал бледность лица. Осанка Жертвенного вызывала желание тянуться следом. Ритуальные кинжалы — кимейры, что полагалось иметь каждому Жертвенному, показывали свои рукояти из-за спины. Все четыре. Зрелище, впечатляющее. Сигрид невольно расправил плечи и выпятил грудь, когда перед ним в дверях кухни показался страций при полном облачении. Он впервые видел так близко страция при полном параде. Даже в зал Совета он не оделся с такой тщательностью.

— Собирайтесь, мы выезжаем сейчас. Вам нужно купить платье, — коротко бросил Ллойву, расправляя манжеты рубашки под рукавами камзола.

— Но...

— Вы же не хотите излишнего внимания к своей персоне? — холодно улыбнулся страций, — в такой униформе.

Армар схватил приготовленный заранее чемоданчик, и встал, вытянувшись в струну, подражая страцию. Нет, такой выправки достигают муштрой с рождения. Невольно стало неловко за свои покатые плечи.

И после они поехали в лавку готового платья, хотя Сигрид и хотел возражать, но отчего-то не посмел. Там Ллойву выбрал компаньону пару из хорошей черной шерсти. Небрежно указывая, что добавить к костюму, страций собрал достойный на свой взгляд ансамбль. Теперь Сигрид вышагивал по левую руку Ллойву в безупречно подобранном комплекте одежды. Ему казалось, что теперь он сможет составить конкуренцию и самому страцию. Собственный представительный вид в зеркале лавки, не того мутного, что есть в каждом доме, а чистого, как слеза, с оттенком золота, добавил юноше самооценки. Даже вихрастый чуб с рыжинкой и конопатый нос теперь уже не казались удручающими, и Сигрид прикинул, сколько шансов в таком виде у него было бы завоевать сердце Мейле, девицы, жившей у матери в соседях, в которую он был давно и безответно влюблен. Казалось, теперь он был готов к встрече хоть с самим Советником, перед которым бесконечно робел.

К дому Гайо они прибыли в открытой коляске. Ллойву, как выяснилось при разговоре в пути, не любил закрытых экипажей, и предпочитал путешествия верхом. Однако слабость и болезнь в настоящий момент не позволяла ему следовать своим желаниям.

Особняк Гайо в отличие от дома Советника Лира, расположился за городом. Имение раскинулось так, что взгляд на горизонте даже не упирался в его границы, настолько оно было велико, а сам дом поражал размерами и роскошью, ни в какое сравнение не становясь с домом Советника, и уж, тем более страция. Все строения блекли рядом с надвигающимся на гостей великолепием. Особняк при неспешном приближении раскинул объятия, привлекая гостей утонченными фигурами корриатид в галереях, раскинувшихся, как крылья, слева и справа от входа. Двери украшенные позолоченным тиснением, искрились в свете чаш-светильников, приглашающе расставленных вдоль главной аллеи между фигурно выстриженными кустами роз.

На подъездной аллее и у главного входа виделось постоянное движение. Подъезжали и отъезжали экипажи. Богато одетые дамы и сопровождающие их господа каждую минуту заходили в распахнутые двери. Ллойву даже не взглянул на это, погрузившись в свои мысли ровно до того момента, как коляска подъехала к мраморной лестнице. А вот Сигрид не мог оторвать взгляда.

— Похоже, сегодня здесь весь свет, — небрежно заметил страций, смахивая с плеча невидимую соринку. Сигрид сжал ручку своего чемоданчика так, что костяшки пальце

побелели. Бравада у зеркала в лавке вдруг показалась глупой, затея провальная, а сам он сжался до размеров своего чемодана.

— Не беспокойтесь, — заметив нервное движение рук компаньона, успокаивающе проговорил Ллойву. — Ваша задача следовать за мной и молчать. Все остальное я сделаю сам.

Сигрид кивнул, сглотнув сухой комок своей неуверенности. Зря он сунулся сюда, надо было остаться в Имерит медбратом. Не его полёта этот прыжок, не его.

Оба вышли из коляски, причём компаньон замешкался, не зная, должен ли он выйти первым или же следовать за Ллойву, как тень. Он выбрал второй вариант. Страций вежливо кивал на приветствия, сыпавшиеся со всех сторон от тех, кто не был приглашен внутрь, но прибыл, чтобы напомнить о себе. Глашатай у дверей стукнул церемониальным жезлом о каменные плиты пола и громко провозгласил:

— Страций Союза Астэллот, Эйсор Герции, Ллойву Изальтар Найова Лир с компаньоном, — у Сигрида снова пересохло в глотке. Весь его страх сейчас сжался в груди твердым комком.

— Не ожидал? — Ллойву реакция компаньона отчего-то развеселила. Сигрид же вцепился в ручки чемоданчика еще сильнее, хотя казалось, что несчастный саквояж попросту развалится. Жертвенный кивнул приветствовавшим его иллоям и поднялся по лестнице. Сигрид пошел следом, отмечая про себя, что некоторые, словно подражая страцию, были одеты в черное, и с пустой оправой от окуляров на носу. Но и это быстро выветрилось у него из головы, потому что великолепное убранство особняка захлестнуло его воображение полностью. Сигрид засмотрелся на витиеватые шпалеры с нависшими над серебряными ручьями яркими птицами. На огромные, в рост иллоя, портреты в золоченых рамах. Сравнимые с целой комнатой люстры с тысячей свечей и начищенными до зеркального блеска отражателями нависали над гостями где-то высоко над головами, отбрасывая пятна бликов на расцвеченные пастельными цветами потолки. На резные двери высотой в полтора роста, не повторившие одна другую ни разу. На изысканные вазоны с живыми цветами, что стояли в коридорах, наполняя воздух ароматом начавшегося лета. В особняке страция такого великолепия не было. Все максимально просто и функционально. Но он точно богат, не менее чем эти иллои. Отчего он не захотел наполнить свой дом столь великолепными вещами? Странно.

Разглядывая убранство, Сигрид едва не потерял страция в толпе. Ллойву шел с неспешной неизбежностью быка, огибая группы иллоев, приветствовавших его каждый на свой манер. В основном, заметил компаньон, все торопились напомнить о себе. Кто-то кланялся, кто-то приветствовал страция на манер старых традиций, прижимая правую ладонь к груди, но никто не стремился пожать ему руку. Сигрид отметил это для себя, вспомнив, о предупреждении, что Ллойву не терпит чужих прикосновений ни в каком виде. Сколько же самообладания надо, чтобы вытерпеть сеанс массажа? Или другую процедуру, коим страций неизбежно подвергался в госпитале. Если слухи не врут, каждое такое действие ему приходится переступать через себя. Как-то об Сигрид не задумывался, ежедневно исполняя лист назначений.

Страций кивал, улыбался, но с намеченного маршрута не сворачивал. И вот, на пути его вырос представительного вида и преклонных лет иллою. В сравнении с Ллойву он казался гигантом: раза в два шире и на голову выше. Одет же он был в тунику жемчужного цвета с синей каймой, перламутровыми волнами спускающуюся до самого пола. Ровно как те, на

портретах, отчего Сигрид сделал вывод, что это глава дома. Гигант распахнул объятия.

— Ллойву, друг мой.

— Тиллу... — Жертвенные обнялись, стараясь, впрочем, не сильно прижимать друг друга.

— Я боялся, что у тебя случится сердечный приступ после заседания! Это было бы печальное событие

— Не верь глазам. Все было не так плохо, — улыбнулся Ллойву.

— Значит, ты здоров, Альма переживала, что прием придется отменить.

— Ну зачем отменять столь великолепный праздник из-за такой мелочи, как моё здоровье, — Тиллу приобнял Ллойву за плечи и повел вглубь зала. Сигрид, стараясь не обращать на себя много внимания, шёл следом.

— Не говори так, — здоровяк покачал головой. — Я беседовал с Изольтаром. Он заверил меня, что все договоренности в силе. Я знаю, что твоему слову можно верить.

— Я здесь. Разве теперь стоит это обсуждать?

— Ты прав, ты прав. Альма будет рада. А вот и она, — навстречу Жертвенным шла прекраснейшая из женщин. Сигрид едва ли видел астеру красивее и грациознее. Даже образ Мейле вдруг померк перед ней. Лицо приближающейся богини — безупречно, огромные светлые, как у всех Первородных, глаза, точеные скулы и красиво очерченные чувственные губы. «Этих губ, наверняка, желает каждый из присутствующих» — подумалось Сигриду. И теперь он позавидовал страцию. Густые, жемчужного цвета волосы украшала золотая тиара, простое изысканное платье белого цвета, открывавшее плечи и утянутое в талии, подчеркивало идеальную фигуру.

— Альма, — Ллойву склонился, и поймав руку красавицы, коснулся её губами.

— Ллойву, — отблески теплоты прозвучали в надменном голосе. — Не думала, что придешь. Говорили, ты болен.

— Ведь это наша помолвка, — улыбнулся Ллойву.

— Слухи... — Альма вежливо улыбнулась на приветствие откуда-то со стороны.

— Разве я давал повод усомниться в себе? — лукаво осведомился Ллойву.

Альма натянуто улыбнулась в ответ. И Сигрид страстно пожелал оказаться на месте страция. Но тут богиню позвали с другого конца зала, и она, ласково кивнув, уплыла прочь.

— Развлекайся, мой друг! — Тиллу похлопал Ллойву по плечу. — Мой дом теперь твой. — И отошел, чтобы поприветствовать других гостей. Ллойву оглянулся на компаньона.

— Вам бы поостыть, юноша. Цвет лица вас сильно выдает.

— Простите, — Сигрид покраснел еще больше, чувствуя, как горят уши и шея, и с каждым ударом сердца огонь разгорался все ярче.

— Ничего. На Альму многие так реагируют. Идемте выпьем, — и Ллойву направился к столам, что были накрыты у стен. У столов стояли услужливые лакеи, разливая напитки.

— Что вы будете?

— Воды, — Сигрид откашлялся. — И вам бы тоже...

Ллойву подумал и кивнул.

— Что ж, отчего нет, воды, — официант быстро налил из кувшина два бокала и поставил их на стол, следуя установленному порядку. Ллойву взял один из тонкостенных хрустальных сосудов и пригубил.

— Боги! — Раздался слева скрипучий голос, и страций тотчас повернулся. Спрятав свой стыд в бокале, повернулся и компаньон. К ним направлялась дама, на вид ещё не утратившая

прелести юности, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что она просто излишне накрашена. Сигрид, забывшись, разглядывал накладные ресницы и густым слоем запудренные щеки. «Интересно, сколько ей» — подумалось компаньону.

— Господин Лир!

— Госпожа Иретти, — Ллойву отдал свой бокал Сигриду и поклонился даме.

— Ллойву... — госпожа Иретти кокетливо протянула руку для поцелуя, и страций едва коснулся губами тыльной стороны ее ладони. — Я так вас давно не видела.

— Дела...

— Я слышала. Окто. Это такое нужное дело. Вы настоящий герой!

— Я бы не стал называть это так, — Ллойву улыбнулся. — Как поживает госпожа Вия?

— Вы можете спросить и сами. Вот и она... — госпожа Иретти показала кивком головы на худоватую молодую женщину в богатом туалете, наблюдавшую за беседой из-за распущенного в пальцах веера. Вокруг дамы суетились кавалеры, пытаясь отвлечь её беседой, но она смотрела на страция и только на него.

— Ллойву, — с насмешкой произнесла женщина, и неспешно приблизилась, отмахнувшись от назойливых мужчин, нарочито медленно двигаясь. — Не скажу, что рада тебя видеть.

— Сожалею, — Ллойву поклонился и этой даме. — Не я виноват в этом странном совпадении.

— Нет, не сожалеешь. Вы, Лир, никогда ни о чем не сожалеете. Семейка бесчестных негодяев, один Изольтар чего стоит, — госпожа Вия прикрыла раскрытым веером губы, и с изрядной долей кокетства взглянула на собеседника. Ее подруга, словно не замечая неловкости, продолжала натянуто улыбаться.

— Кто это? — женщина указала на Сигрида сложенным со щелчком веером.

— Это мой компаньон, — Ллойву принял свой бокал из рук раскрасневшегося Сигрида. — Совет посчитал необходимым его присутствие.

— Он ничего, симпатичный, — насмешливо продолжила женщина. — Для чего он тебе, Ллойву? А-а-а-а, кажется, знаю. — И добавила шёпотом. — Альма не будет против? Для нее он простоват, не находишь?

— Против чего? — невозмутимо спросил страций.

— Против твоих развлечений. Впрочем, думаю, она присоединится к вам, хотя... — госпожа Вия смерила фигуру компаньона взглядом, скривилась, — тебе, может, и сойдет, а ей нужно что-то более породистое. Этот рыжий цвет... что-то в нём есть... но на любителя, на любителя. — Сигрид покраснел еще больше после этих слов. Их что, считают любовниками? Это уже слишком!

— Я с трудом понимаю, о чем ты, но точно знаю, что про забавы ты знаешь побольше, Вия, иначе, откуда в твоих памфлетах столько интересных деталей, — губы Ллойву тронула едва заметная улыбка.

— Просто я любопытна, — рассмеялась женщина. Сигрид только сейчас обратил внимание, что эта дама не из Первородных. Осталось понять, как она попала на этот праздник. Ее волосы цвета воронова крыла, и глаза — тёмные, точно две спелые вишни. — Бери больше монет за свои услуги, мальчик. Жертвенные могут дорого платить за удовольствия, если понравиться, особенно страций. Он хорош, Ллойву? — женщина вскинула невинные глаза. Лицо Ллойву не изменилось, но что-то неуловимое поменялось в глазах. Лёд сковал взгляд страция.

— Нельзя судить всех по личному опыту, госпожа Вия. Этот юноша — медик. Он назначен моим компаньоном Советом. Если ты ищешь материал для нового памфлета, то выбрала не ту жертву. Поищи где-нибудь в домах Призрения, там же находишь своё вдохновение?...

Сигрид вздрогнул от резкого движения руки женщины, донёсшееся до него лишь движением воздуха. Она, пылая взором, сжала сложенный веер в кулак, занесенный для удара. Ллойву стиснул свои пальцы на перехваченном запястье, улыбнулся так, что по спине пробежал мороз.

— Осторожнее, Вия, — спокойно продолжил страций, — этот удар может стоить тебе жизни, мы же не хотим, чтобы второсортные газетенки лишились своего лучшего репортера, ведущего колонку третьесортных сплетен.

— Не смей!... — прошипела женщина, — отпусти! — страций разжал пальцы, и женщина поспешила прикрыть пылающее лицо кружевами веера.

— Думаешь, тебе все позволено? — донеслось до горящих от происходящего ушей компаньона. — Все знают, кто ты на самом деле, Ллойву. Даже помолвка не спасет твою репутацию!

Госпожа Вия, пылая от гнева, удалилась. За ней, присев в формальном реверансе поспешила и ее подруга. Губы Ллойву растянулись в жесткую усмешку. Жертвенный пригубил из бокала, повернулся к Сигриду словно ничего не произошло.

— Нет никого страшнее отвергнутой женщины. Особенно, если у нее хорошая память и склонность к писательству. Впрочем, надо отдать ей должное, талант у неё есть.

Сигрид сам не свой кивнул. Ворот прилип к коже, и кажется, начал сжиматься. Слишком много влиятельных особ собралось здесь сегодня. Каждая из них могла щелчком пальцев стереть его с лица Аст'Эллота. Но, к счастью или наоборот, сегодня он был под защитой страция. Это утешало, но не радовало. Тень от его славы тяжким бременем ложилась и на компаньона.

— Потерпите, еще немного, и мы покинем это место, — успокоил Сигрида Ллойву, заметив смятение у того на лице.

— Вам надо принять лекарства, — робко проговорил Армар.

— Позже. — Ллойву оглянулся на другой конец зала, где все собрались в большую толпу. Он не спеша направился туда.

— Вот и Ллойву! — воскликнула Альма, восседавшая на одном из кресел на пьедестале, установленном в конце зала. — Айвоенсе, вот твое место... — и она похлопала по бархатному сидению рядом с собой. Ллойву со смехом сел на предложенное место, отвлекся на замечания со всех сторон, позабыв про компаньона, а Сигрид тихонько встал за спинкой, чтобы его видеть.

— Сегодня замечательный день! — из-за кресел выступил Тиллу. — Моя любимая дочь, — он кивнул на Альму, — нашла, наконец, свое счастье.

Раздались аплодисменты, переходящие в жидкие хлопки. Сигрид огляделся. Сколько хватало глаз, все пространство перед пьедесталом было заполнено иллоями в дорогих нарядах. Мужчины, женщины с надеждой и восторгом смотрели на возвышающуюся над ними пару молодых. Сегодня, и вправду, здесь был весь высший свет. Столько богато одетых особ он еще не видел за свою жизнь.

— Никто не поспорит со мной, что это самая красивая невеста на Астэллоте, — и снова аплодисменты, похожие на приливную волну.

— Она моя гордость, — Тиллу поднял бокал, обернулся к молодым. — Вы оба мне дороги! Но моя дочь для меня дороже! — здоровяк с лукавой улыбкой поднял палец. — Береги ее. Не заставляй грустить... За вас! — И Тиллу опрокинул весь бокал с искрящимся вином себе в рот. Гости дружно закричали, каждый что-то свое. Случился громкий и невнятный гомон. И зазвенели бокалы.

— Вина! — рассмеялась невеста. Ей тот час подали хрустальный кубок. — Ллойву тоже! Милый, ты просто обязан выпить! Это же Айвоенсе! — Кто-то вручил до краев наполненный вином бокал и жениху. Сигрид протолкался вперед, зашел сзади из-за кресел и быстро поменял бокал с вином на бокал с водой. Кто-то несогласно загудел, но, поскольку Ллойву не отреагировал, несогласные быстро замолчали.

— За нас! — невеста вскочила и подняла высоко бокал.

— За нас! — Ллойву улыбнулся и также поднял свой сосуд. Альма повернулась и поцеловала жениха в губы долгим страстным поцелуем. Воздух буквально взорвался приветственными криками, переходящими в мелодичный звон легко касающихся друг друга бокалов.

— По случаю помолвки, ритуал Айвоенсе пришлось упростить — чересчур громоздко уж, извините, будем следовать духу времени, — продолжил здоровяк, — я приготовил подарок. — Он, не глядя, протянул руку назад, и в нее тотчас был вложен бархатный ларец. Счастливый отец приоткрыл крышку ларца и подался вперед, к невесте.

— Боги! Отец! — Альма прижала пальцы к губам. — Они прекрасны!

— Эти браслеты пока отпираются и их можно снять! — рассмеялся Советник. — Не вскоре их соединения срастутся навечно. Как и ваш союз! — Толстяк повернулся с открытым ларцом к женщине, одетой почти так же как невеста и удивительно похожей на неё, но много старше. Плечи ее покрывал тончайшей работы платок, невесомой паутиной льнувший к изгибам тела. — Дорогая Сильвана, одень нашей дочери обручальный браслет.

Женщина любезно улыбнулась и тонкими пальцами выудила из бархатного гнезда серебряный браслет тончайшего плетения с молочными камнями. Альма с трепетом протянула руку. Госпожа Гайо плавно застегнула браслет на изящной руке. Кружево стального плетения, словно живое сжалось, прильнув к молочной коже.

— Ллойву? Твой отец делегировал мне твое посвящение, — и Жертвенный тоже протянул руку. Сильвана Гайо передала второй браслет мужу, и Советник защелкнул браслет на правом запястье жениха. Серебряная паутина тотчас прижалась к коже, плотно ее обхватив. Рука Советника скользнула по кисти, и задержалась на ней.

— Они с альмаринами, заметь. Самые чуткие камни. Надеюсь, ваш союз будет также прочен, как Аст'Эллотское серебро.

— Прекрасная работа, — кивнул Ллойву. Невеста протянула руку, чуть подняв ее, чтобы все могли видеть изящное запястье, охваченное тонкой паутиной, а жених приложил к нему свое. Пальцы, нехотя, сплелись между собой. Меж серебряными линиями проскочили белые и синие искры. Камни вспыхнули на долю секунды, словно волна пробежала по тонким нитям обручальных браслетов и угасла. Толпа восторженно заревела.

— Айвоенсе! Теперь вы обручены, милые мои! — воскликнула Сильвана. — Мы с нетерпением будем ждать вашей свадьбы!

Сигрида толкали со всех сторон желающие подойти поближе. В водовороте тел едва ли можно было блюсти свои обязанности, и компаньон отступил подальше. Кто он такой, чтобы влезать там, где ему не место? Только теперь он понял, как далёк от всех них.

— Я хочу, чтобы все выпили за мою дочь! Нет более прекрасной и утонченной невесты на всем Астэллоте! — услышал Сигрид разносящийся над толпой голос Тиллу. — Ты согласен, дружище?

— Без сомнений, — кивнул Ллойву.

И снова переливами разнесся хрустальный звон бокалов, соглашаясь со сказанным. Лакеи сновали между гостями, подливая вина. Смех и гомон заглушали все прочие звуки. Сигрида оттеснили к стене, он потерял страция из виду.

— За тебя, Ллойву! Самый завидный жених Астэллота! — хохотал хозяин дома. — Много ли сердец разбилось сегодня? Надеюсь много!

В толпе громко засмеялись шутке. Тонко пели бокалы, играл приглашенный по случаю оркестр. Вся эта какофония порядком выматывала. Сигрид вытягивал шею, стараясь увидеть страция, но бесполезно. Компаньона безнадежно оттеснили к стене, затолкали плечами.

— Танец! — закричал кто-то.

— Давайте танцевать! — вторила невеста. И к высокому потолку вознеслись первые аккорды свадебного вальса. Гости расступились к стенам, освобождая место. Сигрида прижали еще сильнее, толкнули плечом, наступили на ногу, даже не извинившись. Ллойву склонился в поклоне, приглашая невесту на танец, и они вдвоем закружились в медленном вальсе. Сигрид выглянул из-за спин стоящих гостей. Несколько аккордов, и к молодым присоединились еще пары. Вскоре весь зал танцевал и двигался, следуя за музыкой. Теперь, когда все разошлись, и толпа поредела, Сигрид прекрасно видел молодых. Среди всех гостей это была, пожалуй, самая красивая пара. Альма с изяществом отставляла руку, и кружилась, ведомая партнером. Платье красиво облегалo стройную фигуру, жемчужной пеной клубилось у ног. На Альму Гайо можно было любоваться вечно, и если бы Сигриду дали выбор он, да, он бы выбрал её, вечное служение у ног богини. Сигрид не заметил, как прошел следом за молодыми до другого конца зала. Музыка смолкла. А с ней развеялось и волшебство. Компаньон вспомнил, для чего он здесь. Ллойву поклонился снова, благодаря партнершу за танец. Оркестр заиграл что-то веселое. Сигрид, не смущаясь уже, протолкался к молодым.

— Господин Лир...

— Ах, да. — Ллойву с сожалением поцеловал руку партнерше. — Я ненадолго, дорогая. Развлеки себя танцем.

Альма скользнула презрительным взглядом по фигуре компаньона, но ее тот час увлек танцевать другой кавалер. Ллойву отошел в сторону, вытер платком пот со лба.

— Вы пропускаете время приема лекарств и у вас режим, помните?

— Помню, — кивнул Ллойву. Лицо его незначительно покрылось потом, а глаза чуть потемнели. Сигрид вспомнил инструкции. Время дать страцию отдых.

— Ллойву! — какая-то дама, не спросясь, повисла у него на шее.

— Милле, — Ллойву, смеясь, отстранил от себя пахнущую вином и дорогими духами женщину. — Какими судьбами?

— Помолвка брата, разве это не повод? — улыбнулась Мильен. Ее платиновые волосы заплетены в толстую косу, украшенную тонкими серебряными нитями с нанизанными на них цветами тончайшей работы. А черты лица настолько походили на лицо стоящего рядом страция, что можно было заподозрить в них близнецов. — Меоке тоже будет. Позже.

— Я не видел тебя, понадеялся, что не придешь.

— Я все время рядом, братец, слежу за тобой, — расхохоталась Мильен.

— Не сомневаюсь. Отец тоже здесь?

— Нет, он сказал, что работает, не сможет прийти. Ты же знаешь...

— О, да.

— Не сердись. Так даже лучше, не так ли?...Учитывая, что вы готовы вцепиться друг другу в глотки при встрече, как два цепных пса...Ав — Ав...

— Благодарю, сестрица. Твое сравнение, как всегда, выше всех похвал... — Ллойву прижал девицу за талию, коснулся губами ее волос.

— Я любя. Ты не можешь обижаться, — Милле с интересом оглядела компаньона. — Как твое здоровье, кстати. Ты не ответил на письмо.

— Поэтому я отвечу тебе лично. Все в порядке. Скоро вернусь к работе.

— Отец говорил о тебе, — дама надула губки.

— Да, он тоже прислал мне письмо.

— В нашей семье бумаге доверяют больше чем словам, — расхохоталась астера.

— Прости, Милле, мне нужно отлучиться ненадолго.

Дама сделала вид, что нахмурилась, но потом, потеряв интерес к разговору, с хохотом убежала танцевать. Музыка стала громче, но шум гомонящей, смеющейся толпы все равно ее заглушал.

— Это Мильен. Моя единственная сестрица, — представил Ллойву с опозданием. — Немного ветрена, но в целом можно её не бояться.

— Где здесь вы можете спокойно отдохнуть? — нервно спросил Сигрид, шум и высокородное соседство порядком изводили его в этот вечер.

— Думаю, в библиотеке. В этом доме самое спокойное место — там.

— Идемте, — Сигрид поднял свой чемодан, словно призывая его в свидетели.

Ллойву кивнул и повел компаньона из шумного зала.

Глава 6 в которой случается неприятность

Библиотека находилась на первом этаже, вдали от шумных залов. Очевидно, пользовались ею не так часто, раз расположили вдали от жилого крыла. Сигрид шел след за след за мерно шагающим страцием и постепенно успокаивался от заданного ритма. Слуга распахнул перед ними двери, пропуская иллоев вперед. В этом доме экономили энергию Окто, как и в большинстве домов Первородных, дуговые лампы здесь были не в чести, а потому комнаты освещали масляные светильники и свечи. Теперь стало очевидно, что солнце давно село. Огромные, в пол, окна облепила плотная, влажная темнота. Ночь, по всему, грозила стать безлунной, полной ночных кошмаров. Изредка в стекло, выныривая из небытия, ударялся ночной мотыль. Лакей в бордовой ливрее принес пару канделябров с горящими свечами, поставил на стол возле кресел для отдыха.

Сигрид полез в чемоданчик, чтобы достать необходимое, отмечая мимоходом, как дрожат его руки. Оглянулся, не видит ли Ллойву этой слабости. Сегодня компаньон показал себя не с лучшей стороны. Ему казалось, он готов ко всему, но обманул сам себя. Страций вытянул с полки книгу, и теперь, увлеченный написанным, перелистывал страницы, не глядя на компаньона. Сигрид глубоко вдохнул несколько раз, чтобы успокоить распоясавшиеся нервы, и налил микстуру в рюмку. Предложил это Жертвенному, уютно устроившемуся в кресле. Перекинув ногу на ногу, и уже натянув на нос неизменные окуляры, Ллойву раскрыл книгу на коленях, подставляя её под свет свечи. Похоже, он со своим аксессуаром не расставался никогда.

— Вас раздражает эта толпа, — заметил Ллойву скорее утвердительно, чем с вопросительной нотой, и внимательно посмотрел на компаньона.

— Я не привык... — смутившись, ответил Сигрид. — Все они такие... Недостигаемые как будто, не замечают меня.

— Не волнуйтесь, это не только с вами. Они не замечают никого кроме себя, — Ллойву чуть улыбнулся компаньону и, казалось, погрузился в чтение. Рука его потянулась к виску,

— Нет ли средства от головной боли, боюсь до конца вечера мне не продержаться.

Была предложена и выпита очередная смесь из саквоаяжа. Потянулись долгие глухие мгновенья. Компаньон, не замечая за собой, напряженно смотрел, как Ллойву перелистывает страницы. Тишина не прерывалась даже играющей музыкой. Только где-то вдали загудела земля и стекла в окнах пугливо вздрогнули.

— Вы что-то хотите сказать? — не отвлекаясь, спросил страций, странно встряхнув головой.

— Я? Нет.

— Когда вы так смотрите на меня, я не могу сосредоточиться, — проговорил страций, разглаживая страницу.

— Простите, — Сигрид, смутившись, отошел к высоким окнам. Непроглядная тьма за цветными витражными стеклами заглядывала внутрь, не в силах преодолеть хрупкую преграду, зато отражение, словно зная, что таится там, в темноте и испугавшись этого, тарасило на компаньона из изломов стекла испуганные глаза. Вот дверь в отражении распахнулась, и в библиотеку ворвалось ещё одно лицо, словно из ночных кошмаров. Сигрид испуганно обернулся. Гость, иллой, в глухом светлом мундире в неприятных пятнах, похоже тоже из Первородных. Вновь прибывший буквально влетел в библиотеку, но тотчас сбавил

скорость. К соседнему со страцием креслу, что стояло напротив, через столик, он прошел развязным шагом порядком захмелевшего иллой.

— Знал, что найду тебя здесь, — весьма вольным тоном проговорил вновь прибывший. От него тянулся шлейф запахов алкоголя и табака. Сигрид незаметно отомкнул щеколду окна, чтобы запустить влажного свежего воздуха с улицы, а с ней, на свой страх, и темноту. Ллойву поднял глаза на новое лицо, посмотрел на него сквозь окуляры.

— Процветай, Дойванор, не заметил тебя на приеме сразу, извини. Ты один? — поприветствовал он гостя, и снова погрузился в книгу. — Твой брат не приехал?

— Я подумал, есть ли в этом доме дыра, в какую ты мог бы забиться? И вот! — нагло улыбаясь, гость развалился в кресле. — Я подумал еще про уборную, но это слишком... Даже для тебя...

— Ты что-то хочешь сказать? — Ллойву мимоходом снова взглянул на собеседника, но затем продолжил чтение.

— Да, хочу, — Дойванор наклонился вперед, перегнулся через столик. Резко выкинул вперед руку и перехватил чужое запястье обжатое обручальным браслетом. Сжал пальцы что есть силы на изящной вещице, словно стараясь сломать её. Ллойву взглянул на свою руку в чужих пальцах, затем поднял глаза на узкое, перекошенное злобой, лицо гостя.

— Ты взял ее? Взял, да? — Всхлипнул гость, пьяно икнув. — Она моей должна была стать, слышишь? Проклятый ублюдок! — Гость со злобой отшвырнул запястье, словно рука с ненавистным ему предметом могла оторваться и отлететь, с размаху опрокинулся на спинку кресла. Красное дерево жалобно скрипнуло, но сдержало натиск.

— Не волнуйся так, — Ллойву занял позу поудобнее, пропустив палец меж страниц, чтобы не потерять нужного места. — Неужели ты думаешь, что в этом вопросе она что-то решает? Или я? Или ты? Лиры стали более выгодными чем Вайзе. Только и всего.

— Но ты-то мог отказаться! — выплюнул Дойванор, слюна летела по большому радиусу. Сигрид осторожно вдоль стены двинулся к своему чемодану. Отчего они все такие неприятные?

— Меня она любит, меня! Не тебя! Она должна была стать моей!

— Ты же не так наивен? — от голоса страция, казалось, окна начали покрываться инеем и сильно похолодел воздух. Показалось. — Она никого не любит. — Продолжил он, делая акцент на слове «никого».

— Но еще не все потеряно, — усмехнулся недобро Ллойву. — Подойди к ней. Сумеешь договориться — она твоя. Только будь осторожен, иначе мне придется убить тебя. Тебе бы поучиться у нее... Правила игры она знает лучше всех.

— Ты мне угрожаешь что ли? — расхохотался Вайзе. — Ты? Да кто ты? Ничтожество! Калека! Книжный червяк! — и тут он заметил Сигрида, прижавшегося к стене, старающегося изо всех сил остаться незамеченным.

— Эй, стручок, принеси мне вина... — Сигрид боком пополз к выходу. Ллойву поймал его стеклянный от страха взгляд, кивнул чуть заметно, и компаньон пулей вылетел за дверь.

— Что ты можешь? За тобой только папенька стоит... Сам ты кто? Никто... — Вайзе развалился в кресле, распаяя себя все больше. — Что ты можешь? Откажись от нее...

— Вряд ли это возможно, — Ллойву отложил книгу на стол.

— Возможно... Скажи, ее отцу, что ты ничтожество! Что не достоин ее! — Дойванор наклонился вперед. — Скажи, иди скажи при всех... И отцу ее скажи... Она же богиня... А ты? Кто ты такой? Убогий, сломанный иллой, вот кто! — и Вайзе рассмеялся. — Откажись.

— Ты пьян, Дойванор. Иди, проспись. — Ллойву потянулся к книге, давая понять, что разговор окончен.

— Не-е-ет, — Вайзе стукнул ладонью по столу, отчего канделябры вздрогнули, а огоньки свечей затрепетали в страхе. — Я избавлю ее от тебя! Не позволю тебе погубить ее жизнь. — Дойванор подождал ответа и, к своей досаде, не дождался.

— Все знают, что женщине ты ничего дать не можешь! — продолжил он, твердо вознамерившись дожждаться реакции. — Ей не можешь... Ты просто больной урнинг, — Вайзе старательно выговаривал слова, боясь ошибиться, и расхохотался до слез на последнем. — Ублюдок! Больной ублюдок! — В запале вскочил на ноги и подошел к сопернику совсем близко, жарко дыша ему в ухо. — Вот ты кто! Я хочу Кейме, ублюдок! Кейме!

Ллойву поднял глаза на разгоряченное лицо.

— Повторюсь. Ты пьян, Дойванор. Иди проспись. Какой Кейме? Ты, о чем?

— Я? О сраном поединке, где я размажу тебя по земле. Выдеру, как девку. Ты будешь ползать в грязи, она посмотрит на ничтожество, за которое ее отдали. Продали! Много твой папаша заплатил, Ллойву?

Ллойву стянул окуляры, аккуратно сложил их в футляр. Безвинное действие это отчего-то распалило Дойванора еще сильнее. Он наотмашь махнув рукой, опрокинул бокал с водой со стола прямо в лицо ненавистного противника.

Ллойву медленно стер с лица капли ладонью. Мокрый мундир и рубашка на груди прилипли к коже.

— Будь, по-твоему. Время и место, — отрезал он.

— Сейчас! — жарко выдохнул Вайзе в ухо сопернику. — Здесь! Во дворе!

— Советник Гайо не будет рад такому повороту.

— Я на его глазах тебя размажу, — Вайзе с утробным хохотом направился к двери. — Готовься, Ллойву! Я скину тебя с пьедестала. Ты полетишь, как кусок дерьма... — Дойванор с хохотом распахнул двери библиотеки, за которыми обнаружился перепуганный компаньон.

— Где моя выпивка? — рявкнул распалившийся Жертвенный, нависая над несчастным. — Здесь ты больше не работаешь, стручок!

— Он работает на меня, Дойванор, — услышал окаменевший от страха Сигрид спокойный голос. — Не в его обязанностях носить тебе выпивку.

— Мерзкий ублюдок, — снова выругался Вайзе и пошел вперед. Сигрид жалобным взглядом проводил страция до поворота к летнему саду. Он же не ослышался? Кейме? Дуэль? Советник убьет его, точно убьет.

Дойванор Вайзе по пути к саду успел перехватить слугу в лиловой ливрее и потребовать себе еще вина. Походка его, несмотря на количество алкоголя, оставалась твердой, но речь становилась все более грязной и бессмысленной. Прокричав по пути все возможные оскорбления, которые он мог себе позволить, чтобы не обидеть хозяина, Вайзе собрал за собой приличную толпу. В сад поединщики вышли уже в окружении немалой свиты. Зрители рассредоточились по кругу, предвкушая интересное зрелище. Вайзе принял принесенный бокал с вином с подноса слуги, опрокинул его себе в рот.

Сигрид едва живой вышел следом. Отчего не прекратить это? Почему все эти господа улыбаются в предвкушении поединка? Почему они хотят крови? А она прольется, потому что в Кейме нельзя отступить. Счастье, если Жертвенный выйдет из схватки хотя бы живым. Сигрид припоминал старые летописи, прочитанные еще в школе, что поединок Кейме между

Жертвенными заканчивается со смертью одного из противников.

Ллойву встал напротив соперника, заложив руки за спину, ожидая сигнала к началу. Сигрид протолкался в первые ряды. Ему хорошо было видно обоих. Но оценить шансы он не мог. Дойванор Вайзе выглядел более уверенно, но был пьян, а Ллойву едва оправился от болезни. Здесь выступал вперед его величество случай.

Поляну для боя освещали принесенные и зажженные лакеями чаши — светильники. В неровном свете все выглядело зловеще. Сигрид прижал к груди свой саквояж. Помогите боги, почему это всё досталось ему?

Альма Гайо не считала, сколько раз была приглашена на танец. Наконец, она устала и направилась к своему трону, что определили молодым на этот вечер. Дурацкие традиции. С неудовольствием отметила, что место Ллойву пустовало. Поискала взглядом в разгульной, пьяной толпе своего жениха или хотя бы его невзрачного компаньона. Нет, кругом веселые, яркие лица, и нигде не видно этих зануд.

Она присела на свое место, обмахиваясь веером из тончайшего шелка. Рядом неотлучно смеялись и веселились ее подруги. Каждую из них Альма считала недалекой, но они позволяли ей чувствовать себя много умнее и увереннее.

— Где же Ллойву? — с капризной ноткой в голосе спросила одна из них. — Это такой день, а его нет.

— Он, по обыкновению, забился в какую-то дыру, — расхохотался стоящий рядом молодой иллой. Эту категорию отец называл «прилипалы», из тех, что готовы выполнять любой каприз в обмен на небольшие поблажки

— Со своим компаньоном, — подхватил еще один, такой же.

— Альма, ты должна их разлучить, — топнула ножкой первая девица. — Это же помолвка!

— В самом деле! — Альма подозвала лакея, и тот тотчас подошел.

— Разыщите господина Ллойву Лира. Скажите, что его зовет невеста, — лакей кивнул и пошел по кругу в зале.

— Ох, Альма! — девица все никак не унималась. — Самый завидный жених, как тебе повезло!

— Вот уж нет, — возразила Альма, не переставая обмахиваться веером.

— Ну, что ты. Он гораздо приятнее, чем его брат.

— Ты которого имеешь в виду? — рассеянно спросила Альма.

— Меоке, конечно, — хихикнула девица. — Вот уж где природа отдохнула.

— Я не считаю, что Меоке урод, — встряла вторая девица в разговор. — Он на лицо очень даже хорош.

— Да, но манеры... — первая закатила глаза. — Одним словом — солдафон. Вот Ллойву — совсем другое дело.

— А как же старший из братьев? — со скукой спросила Альма. — Дженве?

— С ним я не знакома, — фыркнула первая.

— Он служит в далёком гарнизоне, об этом писали в газетах, — доверительно сообщила вторая.

— И потом, Ллойву не убьют на войне, Альма, — первая коснулась сложенным веером плеча подруги. — Он для нее слишком...не здоров.

— Попридержи язык, — отрезала невеста и обе девицы замолчали.

Хохоча и увлекая за руку своего партнера подбежала Мильен Лир. Вот кого Альма желала видеть бы почаще. Мильен прикидывалась дурочкой, но дурой точно не была. Как и всем Лирам ей была свойственна расчетливая хитрость, и астера добилась немалого влияния в кругах Первородных. Она заставила всех поверить, что имеет влияние на отца и братьев. Что ж, даже если это не так, астера была вполне умной, образованной и красивой иллией. А это стало редкостью в современном обществе, иллои, с которыми можно вести беседу.

— Где же братец? — запыхавшись, спросила Мильен

— Я его не видела, — ответила Альма. — Он куда-то пропал

— Я видела его. Давно. Он со своим компаньоном собирался куда-то отойти. Сказал, что ненадолго. Странно, что жених пропадает во время помолвки, — не отставала Мильен.

— Ллойву не любит шумные праздники, к тому же если слухи не врут, он не здоров, — разумно заметила Альма. — Быть может статься, что он поехал домой.

— Не попрощавшись? — ахнула девица рядом.

— Это вполне в его духе, — Альма скривила губы. — Мне так кажется. Помнится, не приеме у Оластери он не пробыл и часа.

— Мой брат никогда бы так не поступил, — обиделась Милле. — Если это и так, то на то была веская причина.

— Что, ж, скоро узнаем, — Альма любезно улыбнулась кавалеру, который повлек ее за собой на танец. Невеста снова закружилась в вальсе. Мильен, обмахиваясь веером, следила за ней взглядом. Не то, чтобы ей не нравилась Альма, просто перспектива, что в дом Лир войдет еще одна женщина настораживала ее. Кавалер настойчиво тянул ее к танцующим парам, но Милле отмахнулась от него, намереваясь дать себе отдых. Она нашла свободное место и присела, потягивая, вино из протянутого официантом бокала. Альма была красавицей даже по меркам Жертвенных. Ллойву мог бы гордиться, что на всех приемах его будет сопровождать сей бриллиант производства Гайо. Однако энтузиазма в брате было ровно ноль. Когда Изольтар сообщил сыну, когда и с кем должна состояться помолвка, случился большой скандал. Отец, конечно, выиграл и эту битву, но Ллойву, как будто отстранился от семьи еще больше. Отцу это в очередной раз не понравилось. Но какое ей дело, что там за отношения у братьев с папашей. Все они усвоили с детства, что Изольтар Лир решает в доме все. Ослушание каралось без промедлений и поблажек. Даже Ллойву не посмел сказать нет, когда отец настоял на помолвке, хотя очень старался остаться независимым. Какая иллюзия. С другой стороны, что ему терять? Не уродина же она, не глупа, кажется. Братцу хотелось думать, что он свободен в своем выборе, но это не так. И он это понял, когда при последнем ритуале Жатвы выбрали Иливелли Лир, их общую матушку. От них, детей, требовалось лишь принять этот факт. Но Ллойву отчего-то не смог. Глупенький. Природа наградила его телом, которому завидовали многие, умом острее бритвы, и скверным характером. Что ж. Не будь в нем этого изъяна, он мог бы претендовать на титул Господина Совершенство. А так... Мильен улыбнулась своим мыслям. А так он просто утопит себя когда-нибудь.

Натанцевавшись, вернулась Альма, присела рядом.

— Ллойву не вернулся? — походя спросила она

— Нет.

Откуда-то сбоку вынырнул испуганный лакей.

— Ну, что? Вы нашли его? — с нетерпением спросила Альма, обмахиваясь веером, уже приготовив гневную фразу.

— Моя астера, господин Лир и господин Вайзе сейчас будут сражаться.

— Что? Это который из Вайзе? — Понимание пришло не сразу. Мильен застыла, а

Альма прикрыла тонкими пальцами губы.

— Асатр Дойванор, моя астера

— Что значит сражаться? Где? — не поверила Альма.

— Кейме, моя астера, — лакей бросил испуганный взгляд на приближающегося Советника Гайо.

— Безумие! — выдохнула Альма, впрочем, довольно громко.

— Где безумие, моя дорогая, — Тиллу с теплотой приобнял невесту за плечи.

— Этот глупец, Дойванор, похоже, вызвал Ллойву в Кейме. — капризно пожаловалась

Альма. Советник сразу посерьезнел.

— Где?

— В летнем саду, асатр Гайо, — Советник тотчас сорвался с места. Альма нехотя, пошла следом. Мильен тоже неспешно последовала за ними. Мало-помалу новость разнеслась по всему залу, и многие стали покидать зал, чтобы посмотреть на новое развлечение.

Глава 7 где неприятности продолжились

Сигрид ни разу не видел, как проходит поединок между Жертвенными. Это вам не обычное рукомашество где-нибудь в заштатной таверне. Здесь каждая мелочь имела значение. Во-первых, оружие. Только кимейры. Черная кровь Жертвенных портила обычные сплавы и заражала кровь продуктами этой реакции. Биться обычным клинком — значит, не уважать соперника. Во-вторых, никто не имеет права вмешаться. Может, поэтому все вокруг стоят и не предпринимают попыток их остановить?

Кимейры — особые клинки. Их сталь — черного цвета, под стать цвету крови, все лезвие испещрено сквозной замысловатой резьбой. По всем законам кузнечного дела их вообще не должно существовать, а если вдруг это случилось, то оружием кимейры определенно никто не назвал бы. Однако, едва Жертвенные брали эти клинки в руки, прочнее и надёжнее сплава не найти. Искра, дарованная им ушедшими из мира богами, делала сплав тверже стали. Секрет производства держался в тайне не одну сотню лет. Сигрид только видел, что кинжал длиной в полторы ладони обладал такой же длины рукоятью. Ллойву вытащил из ножен за спиной два своих клинка, встал в ожидании, пока Вайзе достанет свои. Тот же не спешил. Он допил вино в бокале, снова ему поднесенному, кинул его куда-то за спину.

— Готов? — громко крикнул он. Ллойву поднял кверху скрещенные клинки. Дойве фыркнул.

— Книжное дно, кому нужны твои ритуалы? — он небрежно достал свое оружие. — Я готов! — Ллойву опустил руки. Советник Гайо протиснулся меж любопытных к Дойвонару.

— Что ты делаешь? — прошипел он.

— Не волнуйтесь, я только поучу вашего будущего зятя манерам... Быть может, вы передумаете...

— Ты с ума сошел? В моем доме?

— Бойтесь, что Советник Лир будет в обиде на вас? — расхохотался Вайзе.

— Тупица! — прошипел Тиллу. — Я боюсь за тебя...

— Я легко справлюсь. Он же калека... — небрежно отмахнулся Жертвенный. Советник приник к уху Дойвонара и горячо прошептал.

— Он — Мастер меча, Дойвонар. Мой тебе совет, лучше извинись, чтобы ты не наговорил.

— Когда он успел им стать? — удивился Вайзе с пьяной искренностью.

— Пока ты предавался возлияниям с друзьями, полагаю. Извинись! Он примет твои извинения, я уговорю его.

— Ну, уж нет! Не перед ним...

Сигриду показалось поначалу, что глаза его обманывают, но нет. Клинки росли в руках у поединщиков. Теперь у противников в каждой руке было по хорошему мечу из черной резной стали. Ллойву сделал движение ладонями навстречу друг другу, соединяя рукояти, и теперь в его руках заплясала обоюдоострая смертоносная глефа с короткой ручкой и длинными лезвиями. Искра соединила сплав в одно целое, позволяя чувствовать его, как продолжение тела. Вайзе усмехнулся, встал в оборонительную стойку, приготовившись к бою.

Соперники пошли по кругу, очерченному зеваками. Сигрид сглотнул слюну. Может ли

он вмешаться и прекратить это безобразие? Хватит ли ему полномочий? Вокруг столько высокородных особ, отчего они не остановят все это? Все так хотят крови?

Поединок Кейме, сколько компаньон помнил, должен закончиться смертью одного из соперников, но в последние годы Жертвенные сошлись на извинениях, которые обидевшая сторона может принести во время поединка и закончить бой. Если вторая сторона их примет, разумеется. Поединки Кейме, случались все реже. Жертвенные с большей осторожностью относились к собственным жизням. Более того асатры старшего поколения всячески препятствовали этой затее. Каждый обладал достаточным опытом, чтобы не доводить ситуацию до смертоубийства, предостерегая от глупостей и собственных отпрысков. Однако, сегодня случилось исключение. Один — достаточно пьян, чтобы позволить себе зайти так далеко, а второй не пожелал прощать нанесенных оскорблений.

Соперники бились на равных. Дойванор, хоть и выпил порядком, уступал Ллойву в ловкости, но превосходил в силе. Но вот, Ллойву пропустил удар, Вайзе, парируя, отбросил его, и страций отлетев на приличное расстояние, тяжело ударился всем телом о землю, откатился почти под ноги зрителям. Сигрид стоял словно парализованный и смотрел, как страций с трудом поднимается с земли, как Дойванор с кривой ухмылкой подходит ближе, и казалось, что поединок уже закончен. Но вот страций поднялся на ноги, и бой продолжился. Нельзя вмешиваться в уже начавшийся Кейме — можно расстаться с жизнью.

Искра, укоренившаяся в крови, позволяла Жертвенным многое. Исчезнуть на доли секунды из поля зрения, например, зрители вокруг шептались об этом, называя это уходом в «слепую зону». Дойванор использовал эту способность постоянно, но кружащаяся в смертоносном танце глефа не подпускала его близко. Сталь глухо звенела, когда клинки натыкались друг на друга. Сигрид смотрел на это, не в силах двинуться, и не мог понять, кто одолевает. Вот и Вайзе не блокировал удар, и клинок прочертил глубокую царапину от плеча до груди. Выступила черная с переливами серебра кровь. Зрители ахнули и заволновались.

— Так, так, — Советник Гайо протиснулся в первые ряды и пошёл по кругу. — Мальчишки! — Нелестно высказался он об обоих, наблюдая, как противники стараются пробить защиту друг друга. Сигрид, в тайне признался себе, что зрелище его завораживало. Техника Кейме учит Жертвенных двигаться с кошачьей грацией, и, если бы не кровь на небесно-голубой тунике Вайзе, поединок бы выглядел как хорошо поставленное представление.

Однако, оба начали уставать. Это было видно по замедленным движениям Дойванора, и нетвердым шагам страция. Глефа снова закружилась, заставляя Вайзе отступать. Вот он пропустил еще удар, кровь уже пропитала тунику на груди, скрыв лазоревый цвет чёрным. Ллойву без труда отбивал его атаки.

Советник протолкался еще ближе.

— Прекратите! Вайзе!

Но тот словно не слышал. Вот он споткнулся. Ллойву занес свое оружие над ним, но Дойванор ушел в «слепую зону», возникая с правого бока, чтобы ударить снова. И все опять закрутилось. Наконец, Вайзе не смог уйти от атаки, его качнуло в сторону, без сил он опустился на одно колено, опираясь на свои мечи. Клинки на глазах уменьшались в размере, возвращаясь к исходному состоянию, слыша усталость и истощение хозяина. Толпа заволновалась. Отовсюду послышались вздохи и сетования на безрассудство.

— Вайзе! — снова крикнул Советник.

Дойванор с дерзкой улыбкой посмотрел на приближающегося противника. Ллойву, с

трудом удерживая равновесие, тяжело дыша, перекрутил глефу перед собой, заложил ее за плечо и подошел на расстояние двух шагов.

— Извинись! — рявкнул хозяин дома.

— Хорошо, хорошо, — рассмеялся, задыхаясь, Вайзе. — Я прошу прощения за свои слова. — Ллойву, покачиваясь, подошёл ещё на шаг. — Ты не больной ублюдок, нет, — Вайзе то ли засмеялся, то ли захрипел. — Ты — просто ничтожный калека!

Ллойву взмахнул глефой — толпа ахнула, ожидая страшного. Дамы закричали. На правой щеке поверженного Вайзе теперь красовался глубокий порез, кровь начала заливать шею и ворот. Дойвонар зажал рану рукой. Он сидел, покачиваясь на траве, прижимая ладони к порезам. И выглядел жалким.

— Какое убожество, — услышал Сигрид. Оглянулся. Альма Гайо с брезгливым выражением на лице покидала сад. Ллойву одним движением разъединил кинжалы, и пока он это делал, клинки уменьшились до обычного размера. Кимейры легко зашли снова в ножны.

— Я прощаю тебе твою дерзость, — сказал он.

— Это не все, слышишь? — прохрипел Вайзе, едва удерживая себя от падения. Из толпы к нему устремились сочувствующие.

— Доктора! — раздались возгласы.

— Мой компаньон мог бы помочь, — преодолев себя, предложил Ллойву к ужасу Сигрида. — Он — медик. Он мог бы оказать первую помощь.

— Благодарю! — воскликнула какая-то дама. Сигрид подошел ближе. Раненый гневно сверлил его единственным незакрытым глазом. Вдруг захотелось уйти. Этот Жертвенный запомнит его, наверняка. Служба закончится, и что потом?

— Помогите, юноша! — услышал Сигрид чей-то голос. Вздохнул, развернул свой саквояж.

Протолкался через толпу Тиллу Гайо.

— Ллойву! — он радушно распахнул объятия. — Прими мои извинения! Я не мог не пригласить его с братом. Роштар не приехал, а вот Дойве — да. Он оскорбил тебя?

— Всего лишь пьяная болтовня, — кивнул Ллойву, отворачиваясь от поверженного противника. Тиллу, скрывая ото всех слабость страция, повел его в дом.

— Я виноват, — продолжал Советник.

— Нет, ты здесь не при чем.

— Ты великодушно с ним обошелся, — со смехом заметил Тиллу. Они вошли в дом.

— Отправь его домой. Он в доску пьян.

— Конечно, конечно. Ты в порядке?

— Да.

Навстречу из зала поспешила Мильен.

— О, Ллойву! Меоке приехал! Идем, — и она потащила брата за руку в малую гостиную. Советник проводил их снисходительным взглядом.

Малая гостиная была предназначена для отдыха. Теперь тут пряталась от пережитого сама невеста, а рядом, на диванчике сидел статный иллой в форме первого легиона. При желании можно было заметить сходство между Мильен, Ллойву и этим новым лицом. Но сходство это было скорее поверхностным. Меоке Лир лицом походил на отца, Изольтара Лира. Сравнить Меоке и Ллойву все равно, что сравнивать грозного волкодава и

породистую гончую, думала Альма, разглядывая братьев рядом с собой. Ллойву всегда выглядел безупречно, но был скучен, как надоевшая книга, зато Меоке всегда готов поддержать любую авантюру, хоть порой и был похож на заштатного легионера. Ллойву Лира вообще никто не понимал. Даже собственная семья.

— Ллойву! — Альма с истомой протянула руку, и жених приложился к ней губами. — Это так ужасно. Отчего вы такие варвары? Словно людь.

— Дойванор сам виноват, — авторитетно встряла Мильен, присаживаясь на диван вместе с Меоке. — Он был пьян в стельку. Даже не понял, что случилось.

— Похоже, я пропустил самое интересное? — со смехом проговорил Меоке, отчего-то обращаясь в астере Альме и только к ней. — Ллойву, ты просто счастливчик! Астера Альма великолепна, как всегда.

— Без сомнений, — холодно согласился страций, выбирая себе место подальше от пахнувшей алкоголем компании. Лакей услужливо поднес поднос с богатым выбором напитков и каждый выбрал себе по бокалу. Младший из сыновей Лир так же, как и все предки по мужской линии, ушел на военную кафедру, и не далее, как два года назад получил назначение легионера первого легиона. Теперь он красовался яркими нашивками на мундире, чем сильно возбуждал некоторых дам.

— Ах, Меоке, как хорошо, что ты нашел время приехать! — Мильен со смехом прильнула к обтянутой мундиром спине. — Правда, Ллойву? Он так редко приезжает! Мы скучаем...

— Дженве мы видим еще реже, однако о нем ты так не горюешь, — с кривой усмешкой проговорил Ллойву.

— Дженве слишком правильный, — Милле надула губы.

— В нашей семье вся ответственность досталась старшим детям, — расхохотался Меоке. — Мы с тобой, Мильен, слишком несовершенно.

— Никогда не поздно измениться, брат, — заметил Ллойву.

— Ну, уж нет! — Милле вальяжно растянулась на диванчике, а Меоке отсалютовал своим бокалом. — Вы с Дженве решайте судьбы мира. Я лучше выпью, — и он залпом выпил напиток в своем сосуде.

— Как Дойванор? — вступила в разговор молчавшая до сих пор Альма. — Ты не убил его?

— Нет, дорогая, — Ллойву любезно улыбнулся. — Он сможет радовать тебя своим обществом и впредь.

— Правда, теперь он не так красив! — расхохоталась Милле. — Братец оставил ему автограф на щеке.

— Я заметила, это было лишнее, — брезгливо скривилась Альма.

— Это меньшее, что я могу для него сделать, — кивнул Ллойву. — Он чересчур рьяно следует твоим желаниям, особенно, когда выпьет слишком много.

— Моим? — оскорбилась невеста. — Ты полагаешь, я натравила его на тебя? Он всего лишь хотел поговорить с тобой. Мне показалось, ему есть, что сказать. Я не стала его отговаривать.

— Что ты, дорогая, разве ты могла? — Жертвенный холодно улыбнулся.

— Не ссорьтесь! — Меоке примиряющее поднял руки. — Я привез кое-что, что поднимет настроение вам обоим. — Он полез во внутренний карман.

— Что? — Милле с интересом приподнялась. Легионестер извлек из недр мундира

небольшую коробочку. Раскрыл перед сестрой

— Ого! Меоке! — Милле с азартом выудила из коробочки небольшой шарик, сунула под язык. — Ты знаешь, как раскачать неудачный вечер.

— Конечно, — Меоке предложил содержимое коробочки и невесте. Альма, не спуская с лица надменного выражения, так же вытянула шарик и изящным движением отправила под язык.

— Ллойву? — Меоке приподнялся, чтобы дотянуться к брату. Тот покачал головой. Нет. — Все твои беды, братец, оттого, что ты не умеешь расслабляться. — Легиотер положил стимулят и себе в рот. Захлопнул коробку. Все трое затихли на время.

— Ты зря воздерживаешься, братец, — Милле подняла руки, рисуя в воздухе фигуры. — Твоя чистая кровь никому не нужна. Даже наоборот. Когда начнётся Жатва, кто пойдет в расход?

— Эти старики помешались на чистоте крови, — брезгливо отозвалась Альма, наблюдая за руками соседки. — Я не желаю закончить как ваша мать.

— Она была слишком хороша для этого мира, — вздохнула Милле.

— Это не так работает, Милле, — возразил Ллойву.

— Откуда тебе знать, как это работает? — вскипела вдруг астера. — Ты еще не знаешь, но ты здесь как индюшка в клетке. Едва этим тупицам требуется новая жертва, они хоп. — Милле сделала кистью движение, словно отрезала что-то. — Хватают тебя и рубят голову.

— Как курам, — икнул Меоке.

— Точно, — Милле понравилась аналогия, — курам. И выбирают еще посочнее. — И она расхохоталась. Альма усмехнулась.

Ллойву посидел немного, потом поднялся.

— Уже уходишь? — отстраненно спросила невеста.

— Уже за полночь. Доктор настаивает на выполнении режима. К тому же я устал.

— Ты как дитя, Ллойву, — холодно заметила Альма.

— В соседнем зале осталось еще достаточное количество твоих любовников. Боюсь, со всеми мне не сладить, — Ллойву любезно улыбнулся всем троим.

— Какой же ты зануда! — проныла Мильен. — Тебе придется взять его на перевоспитание, Альма.

— Боюсь, он неисправим, — улыбнулась невеста.

Раздался низкий гул. Троица на диване поначалу не обратила на него внимания. Ллойву замер, коснулся ладонью виска. Гул нарастал, перерастая в оглушительный треск. Ладонь у виска сжалась в кулак, ногти впились в кожу.

— Что это? — вяло спросила Мильен. Потом что-то рассмешило ее, и она расхохоталась. — Гнев Ллойву? Ты опасен, братец.

Меоке поддержал ее и теперь они смеялись как безумные. Альма улыбнулась, но затем, не выдержав, рассмеялась тоже. Ллойву, побледнев, оглянулся на них. Гул стих, но затем набрал силу снова. Земля дрогнула. И изящные вещицы с полок полетели вниз.

— Что это? — отсмеявшись, спросил Меоке. — Землетрясение?

— Лиротрясение! — хохотала Милле. — И Гайотрясение. — Альма заливалась вместе с ней.

Спустя секунду треск и толчки прекратились. Ллойву, чуть расслабившись, обвел глазами развеселившуюся троицу. Молодые иллои хохотали, словно безумные. Он взялся за ручку двери.

— Доброй ночи...

— Ллойвутрясение...

— Не налегайте на спиртное, «эйфории» плохо сочетается с алкоголем.

— Утрясение...

Ллойву вышел, оставив хохочущих асатров в малой гостиной. Он перехватил первого попавшегося лакея.

— Передайте господину Армару, моему компаньону, что я жду его на улице. Мы отправляемся домой.

— Хорошо, господин Лир.

— Он, должно быть, рядом с раненым Вайзе.

— Да, я узнаю.

— И где мне найти господина Гайо. Советника.

— Он в большом зале, — с этими словами Ллойву отпустил слугу. И направился снова в большой, цветущий огнями и танцующий зал. Где-то в глубине обнаружился Советник. Толчки не сильно обеспокоили гуляющую толпу, словно бы и не были замечены вовсе. Музыка по-прежнему играла, пары танцевали.

— Ллойву! — Тиллу распахнул объятия. Как же здоровяк любит обниматься, когда выпьет. Ллойву терпеливо перенес еще одно объятие.

— Я вынужден покинуть твой прекрасный праздник.

— Праздник твой! — лукаво улыбнулся Тиллу.

— Неважно. Я зашел попрощаться.

— Уже уходишь? А как же Альма?

— С ней мы уже пожелали друг другу спокойной ночи.

— Она не против? — расстроился Советник.

— Доктор рекомендовал мне режим, Советник. Нет причин его нарушать.

— Неужели даже для Альмы не будет исключений? — ласково улыбнулся Тиллу.

— Я бы рад остаться на этом великолепном празднике, но я устал. И это правда.

— Чтож, — Тиллу еще раз прижал к себе своего зятя. — Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Ллойву с облегчением направился к выходу.

— Господин Лир... — Услышал Ллойву за спиной, с едва скрываемым раздражением повернулся на голос. Молодой иллой, одетый с претензией на роскошь, догонял его, хотя его товарищи тянули назад.

— Господин Лир. Прошу немного вашего времени, — иллой отмахнулся от рук, тащивших его за одежду.

— У вас минута. Я слушаю, — Ллойву заложил руки за спину.

— Я отправлял вам на суд свою работу... Эстилла Йорм. Помните? «О тока энергии». — Иллой волновался и с трудом формулировал мысли. — Вы не ответили мне. Быть может, работа ужасна, я понимаю... Я только хотел знать ваше мнение... Что... надо... доработать... — Иллой смутился, когда страций пристально взглянул на него потемневшими изумрудными глазами.

— Я помню. Вы же не мой студент, не так ли? Профессор Римм ваш наставник.

— Нет, но... говорят, что вы лучший в этом направлении...

— Я припоминаю. Ваша работа осталась в Окторуме. Я не успел оценить ее полностью но начало как будто было недурно. Я вынужден сделать перерыв в работе. Я отвечу вам

письмом, если не возражаете.

— Что вы! Я буду рад, — иллой, назвавшийся Эстиллой Йормом, густо покраснел. — Я бы хотел поступать на факультет физической теории. Там требуют...

— Я знаю. Публикации. Мы можем обсудить вашу работу чуть позже. Когда я вернусь к работе.

— Да, да, конечно. Я буду ждать письма.

Ллойву чуть поклонился и быстрым шагом покинул зал. Слишком много людей. Много событий... Душно.

«Вот видишь!» «Я так боялся». Выцепило ухо громкий шёпот недавнего собеседника. Все боятся Жертвенных. А Жертвенные боятся иллойского большинства. Верно Милле говорит. Едва им приспичит, они могут скормить Окто всех, до кого дотянутся.

Ллойву с наслаждением вдохнул прохладный вечерний воздух. Расторопный кучер уже подогнал коляску к крыльцу, однако задерживался компаньон.

Ллойву спустился с лестницы, прошел вдоль экипажа к самым кродовым мордам. Людье испокон веков седлала коней. Иллои же, не желая иметь ничего общего с ними, приручили этих вот нелепых животных. Полуптицы — полуящеры. Селекция за долгие годы уменьшила кродов в весе, вытянула их, нарастила мышцы. Теперь эти животные ничего общего не имели со своими приземистыми предками. Высокие, стройные и мускулистые бегающие на задних лапах, они могли развивать приличную скорость под седлом. Ллойву погладил морду правого запряжённого крода. Тот взглянул на иллоя сиреневым глазом и застрекотал.

— Осторожно, вашстратство. У Черныша несварение сегодня. Злится он.

— Он не станет, да? — Ллойву погладил животное по носовой пластине. — Не станет брыкаться. — Крод опустил голову в ладони Жертвенного, закрыл глаза. — Потому что ты славный мальчик.

— Как ему не быть славным, — довольно кивнул кучер, радуясь возможности поговорить. — Звери, они как иллои, к ласке льнут.

Ллойву почесал кроду под скулой, погладил по шее. Черныш застрекотал, отряхиваясь. Жертвенный прошелся вокруг коляски, вскочил на подножку.

После нескольких минут ожидания из дверей выскочил запыхавшийся Сигрид. Он быстро взлетел в коляску.

— Трогай, — кучер, устав ждать, подхлестнул кродов, и коляска покатила прочь от расцвеченного огнями дома. Ллойву молчал, отвернувшись от компаньона, а Сирид не знал, как извиниться за всё, где он сегодня не смог проявить себя должным образом.

— С Жертвенным Дойвоном все будет в порядке. Я наложил повязки. Раны неглубоки. Просто крови много. Шрамы останутся, — негромко вывалил он новости.

— Я знаю, — коротко ответил страций, не поворачиваясь. Сигрид ступешевался, не понимая, как себя следует повести, и тоже замолчал. Домой они приехали, не проронив ни слова. Там Жертвенный быстро прошел в дом, и поднялся наверх.

— Что-то нужно? — едва успел крикнуть Сигрид.

— Нет, — раздалось в ответ, и Компаньон оставил страция в покое. День выдался насыщенным. Этот прием, поединок, и ранение Дойванора Вайзе. Пациентом он оказался вздорным. Все время кричал и ругался, пока Сигрид накладывал повязку. Все просил передать Ллойву, «что это не конец». Жертвенный тоже устал сегодня, наверняка. Максимум, чего опасался Сигрид, это опьянение. Как же он ошибался. Сигрид вздохнул. Пошел на кухню. Кухарка уже спала. На столе стояла тарелка с утренним пирогом. Время

утолить голод. Сигрид сел за стол, постепенно отпуская от себя напряжение прошедшего дня. Осталось понять, что писать в докладе Советнику.

Глава 8 в которой старые кошмары вырываются из небытия

Господин Аноро Салле, мастер горнодобытчик, был назначен, пожалуй, на самый ответственный участок. В его сфере ответственности были две самые глубокие шахты Темного предела с многочисленными ответвлениями, шахта Лие и Ас. Обе они представляли высочайшую ценность, так как именно здесь добывали редкую и ценную латаровку породу. Ходили байки, что здесь, у Ломаного хребта когда-то, ещё до Большого Слияния, когда Аст'Эллот отделился от большой земли, упал последний дракон, и его кости обратились в бесценную латаровую породу. Поговаривали, чем глубже спускаться именно в этих шахтах, тем яснее слышно дыхание того великана. А в последнее время он, как будто ещё и заговорил на непонятном никому языке. Но это слухи, передаваемые от шахтера к шахтёру, чтобы развлечься во время спуска. Чего только не придумают, чтобы скрасить работу под землёй. Господин Салле усмеялся на это. Если даже представить, что это правда, как мертвый дракон, если это он, может говорить? Чушь! Сдвиги породы возможны, и это несомненно требовало внимания, потому как от них напрямую зависела безопасность в шахтах. Господин Салле распорядился укрепить стены, и запретил спускаться на максимальную глубину.

С другой стороны, — он взглянул на отполированный кусок породы перед собой с нанесенными мелом выработками — было в этом и зерно истины. Если посмотреть на целую картину, то похоже, похоже... И есть возможность прикинуть, куда можно сдвинуть штольню ещё, чтобы добыть больше.

Что-то заскрипело, завывало снаружи, казалось темнота из углов сгустилась и затопила огонёк масляной лампы. Почти физически ощутилось ледяное дыхание подземных потоков. Стало неудобно и, мастер Салле побоялся признаться себе, в душе поселился первобытный страх перед неизведанным. И к мастеру в палатку, огороженную тонкими перегородками у выработки, залетел мастер Нойз, отвечающий непосредственно за команду горнодобытчиков.

— Аноро! — мастер Лигарт Нойз был весь в черной пыли и выглядел, как призрак.

— Говори...

— Ты слышал? Опять! — Лигарт нелепо взмахнул руками в сторону шахты. — Опять этот звук!

— Порода ползет, возможно грунтовка... — мастер Салле нахмурился. — Мы же укрепили шахты...

— Нет! Мы четко слышали! Это похоже на слова! Я тебе точно говорю! Кто-то говорит с нами!

— Так... — мастер Салле положил руку на плечо товарищу. — Во-первых, никакой паники, потому что там некому говорить, слышишь? Некому! Возможно, это чья-то шутка... Кто-то пошутил, вот и всё...

— Какая шутка? — мастер Нойз движением плеча стяхнул чужую ладонь, — ты же слышал? Только что...

— Звучит скверно, но слов я не разобрал. Просто треск. Не сдвинулись ли пласты породы? Нет ли кого-то в шахтах в это время?

— Я дал команду на выход, — нехотя согласился Лигарт, — но не в этом дело, я тебе

точно говорю! В прошлый раз мы так же закрыли шахту, а оказалось напрасно! Это что-то другое. И, ты прости, Аноро, но ребята не хотят спускаться больше. Поговаривают про проклятье латарового дракона.

— Проверим, все проверим, — кивнул мастер Салле, — безопасность превыше всего. Какое проклятье? Ты с ума сошёл? Кто в него поверит?

— Ты меня не слушаешь! — вскипел мастер Нойз, — мне кажется, что Тёмный предел хочет нам что-то сказать! Нельзя пренебрегать предупреждением! Сам знаешь! Помнишь, что произошло в Железной шахте?

— Выдумки! — не выдержал мастер Салле, — Проклятье! Этот фольклор к городским теоретикам! Мы то с тобой люди дела! И знаем, в чем причина! Сдвиги породы!

Крики снаружи заставили обоих напрячься и поспешить на выход.

Шахтеры вываливались из зева шахты черные, перемазанные в пыли. Их встречали техники и мастера. У всех встревоженный вид.

— Что, что случилось? — господин Салле спешно считал выходящих. Девять. Девять! Где десятый?

— Оно забрало Дейле! Забрало!

— Какого... — вскипел мастер Салле, — как это забрало?

— Выпило его! — шахтёры, крепкие парни с перекошенным страхом лицами обступили мастера. — Как есть выпило!

— Это проклятье! Точно говорю, — шептал на ухо мастер Нойз.

— Где же тело? — скептически отозвался мастер Салле. И кольцо вокруг мастера разомкнулось, перед ним положили иссушенную мумию на грубом холсте.

— Оно иссохло, как мумия!

— Ничего не осталось! Только кости!

— Мы больше не пойдём туда!

— Ни за что! — донеслось со всех сторон. Мастер Салле поднял руку, чтобы призвать к тишине. Пригляделся к телу. Да, роба рабочего этой выработки, но как такое возможно?

— Я сообщу мастеру Вальму, а пока прошу не распространять глупые слухи. Мы расследуем этот инцидент. Тело Дейле Лурри мы обязательно исследуем и выясним причину его кончины. А пока до конца дня перерыв.

Шахтёры недовольно отступили. Никого не радовала перспектива возвращаться назад. А мастер Салле скрывая тревогу велел дать знать стратам и мастеру Вальму об инциденте.

Следующее утро в доме страция началось с переполоха. Сам Советник Лир со свитой прибыл в маленький особнячок на площади Сти. Сигрид был вынужден принять удар на себя. Утро не слишком позднее, но хозяин дома еще не выходил, что само по себе было странным. Сигрид не припоминал такого за дни, проведенные в этом доме. Страций вставал с рассветом, и дом наполнялся жизнью вместе с ним. Наспех одевшись, стараясь не показываться Советнику или его телохранителям на глаза, Сигрид шмыгнул наверх. Застучал в дверь спальни, моля всех богов, чтобы страций был в здравии.

— Господин Лир! Советник приехал! — первую минуту он стучал без результата, и вот уже, наполненный дурными предчувствиями, собрался войти, как дверь открылась. Ллойву в халате с окулярами на носу и книгой в руке, с удивлением взирал на взъерошенного, точно воробей, компаньона.

— Что случилось? Какой ещё Советник?

— Советник Лир, — снижая голос до шёпота, ответил Сигрид, косясь на подножие лестницы, где один из стратов Советника внимательным взглядом выцепил компаньона.

— Отец? Это розыгрыш? Впрочем, я ждал, ничего страшного, — Ллойву улыбнулся краем губ.

— Нет, не розыгрыш, — Сигрид нервно переступил с ноги на ногу. Ничего страшного? Смешная шутка.

— Я сейчас спущусь, — проговорил Ллойву, опуская взгляд снова в книгу и закрывая дверь перед носом Компаньона. Сигрид похлопал глазами, глядя на хорошую дубовую дверь, отрезающую компаньона от спасительного прикрытия.

Пришлось идти вниз, тем более, что телохранитель Советника уже скорее всего доложил, что встретил компаньона на втором этаже дома. Кухарка смотрела на него из дверей круглыми от пугающего соседства глазами. Никто из прислуги не решился доложить Советнику, почему поздним утром страций еще в постели.

Сигрид неуверенно вошел в гостиную. Советник восседал в любимом кресле хозяина, а по правую и левую руку его стояли страты с суровыми, точно у палачей, лицами. Компаньон сглотнул сухой комок, и набрал воздуха в грудь.

— Господин Лир сейчас спустится.

— Что с ним?

Сигрид растерялся и не понял вопроса.

— Что? — голос сорвался на шёпот.

— Я спрашиваю, что с ним? Он ранен?

— Нет, — компаньон для верности затряс головой. — Все в порядке. Вчера мы поздно...

— Меня не волнуют подробности! — грозно проговорил Советник. — Он здоров?

— Да... — компаньон совершенно растерялся. Что ответить? — Абсолютно...

— Что за дилетанты! Я не увидел твоего доклада этим утром. Он не может быть здоров абсолютно! У него неизлечимый изъян сердца!

— Я не...

— Сейчас ты сделаешь моему компаньону неизлечимый изъян сердца, — услышал Сигрид за спиной, и выдохнул. Ллойву прошел в гостиную, все так же в домашнем халате и босиком, что тоже казалось странным. Всегда собранный страций вдруг позволил себе расслабиться. — Пойдите, любезный, узнайте, нет ли у нас фруктов к завтраку. — Сигрид с облегчением ретировался в кухню.

— Ни к чему каждый раз напоминать, что со мной не так, — Ллойву окинул взглядом стратов, застывших, словно статуи. — Боишься, что я нападу на тебя?

— Выйдите. Ждите на улице, — отрывисто бросил Советник в сторону, и страты, чеканя шаг, вышли. Ллойву устроился в кресле напротив отца. Сигрид подрагивая от уничтожающего взгляда, принес блюдо с фруктами и с поклоном поставил на стол между отцом и сыном. Ллойву потянулся за кистью винограда, и походя небрежно махнул рукой, давая знак, что компаньон свободен от обязанностей.

— Чем обязан? — отправляя ягоду в рот, спросил хозяин дома. — До сих пор ты брезговал ездить ко мне лично.

— Не паясничай, — Советник огляделся. — Скучно... Хотя, я ожидал чего-то подобного.

— Меня устраивает.

— Сюда ты хочешь привести жену? Альма Гайо привыкла к роскоши. Эта халупа не для неё.

Ллойву пожал плечами, отщипывая еще ягоду.

— Придется подарить тебе дом к свадьбе, что бы ты не позорил семью.

— Как тебе угодно.

— С чего вдруг ты так покладист?

— Не каждый день ко мне утром заявляется Советник, — с изрядной долей яда выдохнул Ллойву.

Изольтар усмехнулся, наблюдая, как сын отщипывает от грозди ягоды одну за другой. Он впервые в новом доме отпрыска. С тех пор, как Иливелли растворилась в Окто, Ллойву съехал из особняка на проспекте Литы и поселился здесь, словно бы в пику отцу. Уже десять оборотов их обоих связывали исключительно деловые отношения. Нынешний вид, в домашнем, вызвал в Советнике множество воспоминаний, некоторые из которых поднимали осадок прошлых деяний.

— Я по делу, — Изольтар стряхнул с себя сантименты. — Что ты вчера устроил в доме Гайо?

— Во-первых, я был не один. Во-вторых, зачинщиком выступил Дойве. Я не виноват. Ну, почти...

— Гекато с самого утра был у меня, — Советник нахмурился, вспоминая надменный взгляд Гекато Вайзе, пришедшего возмутиться необдуманностью обоих асатров.

— Вот как? — Ллойву улыбнулся мыслям, покрутил ягоду в пальцах.

— Ты расписался на лице у наследника дома Вайзе.

— Я бы хотел, чтобы получилась буква «Л». Мне кажется, я сделал работу небрежно. Дойве обещал продолжение. В другой раз закончу начатое.

— Как ты вообще позволил втянуть себя в это? — возмутился Советник. — Кейме! Надо запретить его законом. Ты же знаешь, как я к этому отношусь!

— Повторюсь, это не я желал поединка. Он вызвал меня сам, — Ллойву закончил с виноградом и потянулся за следующей гроздью. — Я лишь исполнил его просьбу. Ты же помнишь, от Кейме нельзя отказаться. Честь семьи и все такое...

— Тебе придется извиниться.

— Нет. — Отрезал Ллойву, — в качестве извинений я могу вызвать его еще раз и на этот раз убить. Боюсь, даже не спросив твоего соизволения.

— Наглец, — протянул Советник с каменеющим лицом, — Советник Вайзе в негодовании...

— Что ж. Его право.

— Так и передать?

— Так и передай.

— Тебя ждет обследование... — напомнил Изольтар.

Ллойву сморщился.

— Это обязательно?

— Теперь — да! — заявил Советник раздраженно. — Дойве настаивает, что ты был под стимулятами.

— Враньё. Пусть найдут хоть одного свидетеля.

— На слово тебе никто не поверит, нужно мнение эксперта.

— Но ему вы на слово поверили.

— Он не ведет важный для Аст'Эллоа проект, и не занимает должность сравнимую с конс-Советником.

Ллойву задумался, глядя в окно. Изольтар тоже замолчал, давая ему время, обдумать ситуацию. Гул за окном прервал мысли страция. В этот раз он опустился до низкой ноты, на долю секунды заложив уши, и сразу прервался. Стёкла в окнах жалобно зазвенели, а тома энциклопедий с лёгким вздохом сдвинулись с места на своих полках. Советник беспокойно поерзал в кресле.

— Ты почувствовал? — Ллойву повернулся к отцу.

— Да. Я велел илатуму сказать газетчикам, что это обкатка нового оборудования. Нет повода для паники.

— Вчера даже случилось землетрясение! — Ллойву наклонился к отцу. — Окто подает нам сигналы. Его сигнатура изменилась. Спектр излучения сместился к низшей точке. Связь модуля с Аст'Эллотом слабеет. Дианоме постоянно гаснут. И вот доказательство... Сигнал для нас... Нам необходимо услышать. Понимаешь? Всё зависит от нас...

— Не надо драмы, Ллойву.

— Скоро иллои начнут задавать вопросы, а почему ваше оборудование трясет их дома? Что ты им ответишь? — Ллойву откинулся на спинку кресла и улыбнулся одними губами.

— Чего ты от меня хочешь? — раздраженно проговорил Советник, — легко сказать, надо вернуться к люди. Как ты себе представляешь наше возвращение? Мы жили порознь сотни лет. Они забыли о нас. — Советник постепенно выходил из себя. — Кто из люди уступит нам свою землю? Как заставить иллоев покинуть свои дома? Оставить все нажитое? Как разместить на земли люди тысячи иллоев, в одночасье ставших изгоями? Ты можешь ответить?

Ллойву помолчал, отвернувшись.

— Нет. Пока не могу. Но перечисленные тобой исходы не являются истиной. Можно вернуть Аст'Эллоа не разрывая связей внутри его. Наши предки смогли, сможем и мы.

— Не считай себя великим Астелло. Потому что ты не он. Люди — варвары! Они убивают друг друга за еду! У них нет медицины! Нет технологий! Ничего нет! Мы не сможем жить среди них! Это сродни катастрофе!

— Здесь мы тоже начнем убивать друг друга за еду. Когда Окто исчерпает свой последний резерв. Но прежде...твой подданные иллои скормят Жертвенных модулю Окто, одного за другим, ибо другого пути решения этой проблемы они не знают. Наша задача найти выход.

Изольтар стиснул зубы, запирая готовые вырваться резкие слова. Ллойву прав. Он молод и неопытен пока, но прав. Но и ума ему не занимать. Другое дело, что у Советника было свое мнение на этот вопрос.

— Слова, слова, — отмахнулся Изольтар небрежно. — В твоих словах было бы зерно истины, если бы Окто действительно умирал, но это не так.

— Ты словно не слышишь меня, отец. Не видишь того, что происходит! — со сталью в голосе произнес Ллойву.

— Это ты меня не слышишь, — в тон ему ответил Советник. — Перепиши свой доклад. В нем много неудобных тезисов. Пока это все, что от тебя требуют.

Ллойву помедлил с ответом. Посыл Советника ясен, как день. Ему не просто рекомендуют — требуют солгать.

— У тебя три дня, — продолжил Советник, как ни в чем, ни бывало. — Затем придет

доктор Урт. Оценить твоё состояние.

— Что за доктор Урт?

— По рекомендации Валлара. Он заведует отделением Спасения душ

— Я думаю, это лишнее... — возразил хозяин дома.

— Отнюдь, — Советник, довольный как кот, улыбнулся, поймав собеседника за слабое место. — Необходимая мера. Без его заключения Совет не станет тебя слушать.

— Если Совет желает слышать только то, что ему угодно, для чего вам я? — Ллойву саркастично улыбнулся. — Поставь перед ними любого, дай ему нужный текст, и он перескажет перед вами все что нужно.

— Любой не подойдет, — Изольтар покачал головой. — Мнение страция их убедит.

— Но мнение страция не нравится тебе.

— Ллойву.... — вздохнул Советник, словно сетуя собеседнику, что в сотый раз, как ребёнку, приходится объяснять одно и то же. — Пойми, то, что предлагаешь ты, невыполнимая задача. Со времен первых Слияний много изменилось. Иллоям нравится тот образ жизни, который они ведут сейчас. Окто дает им тепло и свет, позволяет запускать сложные механизмы, учиться новому, наслаждаться красотой нашего мира. Нашего, понимаешь? В мире люди все будет иначе. На наш народ упадет тяжелое бремя. Нам придется заново учиться жить. Мириться с этим грязным соседством. Не каждый к этому готов. Резкие перемены вызовут сильные волнения. Бунт, если хочешь. Ты не сможешь объяснить каждому, почему в его доме больше не будет благ, дарованных Окто. Нам всего-то нужно время, чтобы принять решение. Ты можешь нам его дать?

— Как ваше пустословие может дать нам время?

— Ты убедишь Кримма, а тот Мастеров Гильдий. Все в порядке, скажет он им. И волнения немного утихнут. Тебе поверят. Ты — страций. Иллой, асатр, стоящий рядом с Окто. С остальными я смогу договориться. Я подумаю, как можно все устроить, не поднимая излишнего шума. Если гильдии поднимут бунт и настанет время гнева, ничего хорошего не будет, сам понимаешь. Ты и сам сказал, они потребуют Слияния. Кто пожертвует свою жизнь ради умирающего Окто, а в этом случае все узнают, что он умирает? Кому-то придется это сделать, иначе иллои сами сделают выбор. Возможно, жертвой станет кто-то из нас, или Гайо. А зная, что жертва напрасна, Жертвенные не отдадут своих жизней просто так. Это война, Ллойву. Ее у нас не было с начала нового времени, и, надеюсь, не будет. Нам с тобой необходимо найти решение, которое устроит всех. Но для этого ты должен дать нам время. Согласен со мной?

Ллойву потер начавший вдруг пульсировать висок. Отец говорил разумно. Сколь бы он ни был властолюбив, он заботился о тех, над кем имел власть. Возможно, он прав.

— Вижу, что почти убедил тебя, — голос Советника стал почти по-отечески мягким. — От тебя этот проект потребовал максимум сил. Последние дни ты работал на пределе. Возможно, ты не судишь беспристрастно. Я всегда ценил и ценю твоё мнение, и я обязательно учту его при принятии окончательного решения, но сейчас обстоятельства требуют от нас действий, идущих в разрез с нашими желаниями. В этом проклятье нашего положения. Мы вынуждены действовать в интересах большинства. Как бы нам не хотелось обратного.

Ллойву взглянул на Советника. В искусстве убеждения ему не отказать.

— Я изменю доклад, при условии, что вы не станете отрицать худшего исхода и проработаете план спасения, — согласился Ллойву, боль в виске плавно растекалась по

затылку. Где-то на грани слышимости пульсировал басовитый неспешный ритм, словно там, за горизонтом, невидимый кузнец бил молотом по наковальне. «Иди к нам, иди к нам»

— И постарайся быть убедительным, — добавил Советник. — В прошлый раз ты всех напугал. Особенно Кримма. Гильдии гудят до сих пор и оббивают мой порог.

Помолчали. Изольтар от скуки рассматривал скудный интерьер, затем взгляд его перескочил на сына. Ллойву, как и дочь, сильно напоминал ему Иливелли, любимую жену, но дочери он мог простить столь сильное сходство, а вот сыну... Сколько нежности в нем пробуждалось при взгляде на Мильен, столь же сильно твердело его сердце, когда он видел среднего отпрыска. Словно в укор ему, Ллойву не отправился в военную академию. Врожденный порок в сердце. Этот изъян закрыл перед сыном многие дороги, однако тот нашел свою. Чересчур любознателен, слишком дерзок, прямолинеен и неподкупно честен. Но полезен. Из-за этих качеств Советники и мастера слушают его, открыв рты. Только взять его под контроль. Пока невыполнимая задача. Только пока. У всех есть свои слабости. Женитьба на Альме Гайо станет еще одним рычагом, чтобы поставить и этого крода под общую упряжь.

— Как твоё здоровье? — нарушил Советник молчание. Ллойву словно очнулся, потер висок.

— Кажется, ты вызываешь во мне головную боль, — отозвался он.

— Сомневаюсь, что это моя заслуга, — рассмеялся Изольтар. — Надеюсь, мы поняли друг друга. Ты все сделаешь, как мы договорились.

— Да, — Ллойву провел ладонью по лицу. — Я посмотрю, чем могу тебе помочь.

— Через три дня доктор Урт даст свое заключение, и затем я назначу заседание.

— Да.

— Что ж, — Изольтар поднялся. — Не стану и далее тебя обременять своим присутствием. Кстати, Мильен настаивает, чтобы мы собрались все вместе завтра. К вечеру после заката.

— Зачем? — вяло отозвался Ллойву.

— Дженве приедет. У него отпуск. К твоей свадьбе готовится вся семья. Ты придешь?

Ллойву расслабленно откинув голову на подголовник кресла, рассеянным взглядом обвел гостиную.

— Дженве? — рассеянно спросил он.

— Он был в отъезде почти год, — напомнил Изольтар.

— Мы можем с ним встретиться здесь. Или в другом месте. Не обязательно мне переступать порог твоего дома.

— Ллойву, — с укором проговорил Советник. — Семейные встречи важны. Не разбивай сестре сердце. Она мечтает, чтобы мы помирились.

— Хорошо. Не обещаю, но постараюсь.

— Верное решение, — одобрил Советник.

— Не возражаешь, если я не стану тебя провожать?

Изольтар улыбнулся, навстречу из прихожей уже спешил услужливый лакей. Советник важно прошествовал на выход.

Сигрид дождался, пока хлопнет дверь. Поспешил в гостиную со своим арсеналом.

— Лекарства, господин Лир. — Ллойву без слов выпил все предложенное.

— Возьмите выходной, Сигрид, — предложил Ллойву. — Съездите к семье. Вы не видели их уже несколько дней, не так ли?

— Что вы, мне нельзя, устав запрещает покидать пациента, — Сигрид замотал головой.

— Съездите. Это приказ, — тихо и коротко оборвал его страций. — Я же могу вам приказать?

— Но... Господин Лир... — беспомощно проблеял Сигрид, чувствуя, что уже проигрывает. — Как же...

— Лекарства я смогу принять и сам. Мне крайне необходимо закончить дела, для этого мне придётся работать весь день. Доктор Валлар будет вами недоволен. Можете все свалить на мое распоряжение. Скажете, что я вас заставил.

— Он спросит, на каком основании я оставил вас...

— На основании моего приказа, — Ллойву поднялся. — Советник настоял на моем возвращении на службу, значит, я могу приказать вам. Страцию может приказать только Советник. Тут даже Валлар бессилён. Если что, пусть обращается к Советнику. Поезжайте к родным.

Сигрид взглянул на непроницаемое лицо Жертвенного. Наверняка, таким его видят все, кто его окружает. «Ллойву Лир не щадит никого, особенно себя».

— Хорошо. Но это дурная затея... — согласился Компаньон. — Я вернусь до заката. К приезду доктора Валлара. Не перетрудите себя.

Ллойву уже был у лестницы, и казалось, не слышал его. Сигрид постоял в пустой гостиной, а затем отправился к себе в комнату, чтобы собраться в дорогу.

В дом на площади Сти Сигрид вернулся за несколько минут до заката. Искусственное солнце, что питалось силой от Окто, уже удлинило тени. Матушка всю дорогу сетовала, что солнце нынче не такое, как в былые времена. Свет его уже ее не радовал. Сигрид только улыбнулся в ответ на эти слова, списав все на возраст. Каждое следующее поколение сеует на ушедшие времена. Так всегда было.

Дом встретил его тишиной. С кухни ароматно пахло тушеным мясом. Кухарка, исполнив свой долг, ушла восвояси. Сигрид тихо поднялся наверх и прошел к кабинету, прислушался, ни лучика света, ни единого звука не доносилось из комнаты. Что может быть хуже тишины? Он распахнул дверь. Кресло за рабочим столом пустовало. Идеальный порядок на полках и аккуратные стопки чьих-то трудов на полу. И девственно чистый стол. Ничего не понимая, компаньон постучал в дверь спальни. И снова тишина. Что произошло за это время? Тяжелые предчувствия охладили кровь.

— Ив! — Сигрид спустился вниз. Из двери, что вела в комнаты слуг, показался лакей.

— Да?

— Боги! Ив! — Сигрид с облегчением кинулся к нему, обнял в порыве чувств. — Где господин Лир?

— В саду. Он велел принести туда чаю и не мешать ему.

— Давно это было?

— Ещё до полудня.

Сигрид в порыве снова обнял растерянного слугу.

— Я вообразил себе невесту что!

Ив не ответил в силу воспитания или же характера, он не отреагировал на проявления чувств компаньона. Он пожал плечами и вернулся к себе. Сигрид отправился в сад.

Страция он нашел в беседке, спрятанной от посторонних глаз в кустах сирени. Перед ним лежала кипа бумаги с текстом, написанным убористым подчерком. Некоторые строки

были безжалостно вымараны, неудавшиеся листы скомканы и лежали тут же, на столе, дрожащие от лёгкого ветра. На расстоянии вытянутой руки стоял остывший чайник и нетронутая чашка. Ллойву поднял голову.

— А, Сигрид, я уже заканчиваю. В сумерках плохо видно.

— Давно вы работаете?

— Неважно, — Ллойву снял окуляры, положил их на кипу отработанной бумаги перед собой. Помассировал виски. — Я почти закончил.

— Вы принимали лекарства? Вы обещали.

— Да, — Ллойву задумался. — да.

Сигрид набрал воздуха в грудь, набираясь смелости.

— Лжете.

На это Ллойву улыбнулся.

— Вы были у родных?

— Да, я ездил к матери, — Сигрид присел на скамью напротив Жертвенного. Теперь их разделяла гора бумаги.

— Вы один в семье? — с интересом спросил Ллойву, откладывая перо от себя.

— У меня младшая сестра. Ей только шестнадцать. Она хочет идти в медицину. —

Сигрид усмехнулся.

— Откуда столько скепсиса?

— Мне кажется, она недостаточно тверда для этого... — честно признался Сигрид.

Ллойву пожал плечами.

— Быть может, вам только так кажется? А что думает ее мать?

— Матушка боится, что ей не хватит денег, чтобы оплатить обучение в Инститосе.

— Она сдала вступительные испытания?

— Еще нет. Вступительные через четыре декады.

— Если она их сдаст, я оплачу обучение, — Сигрид замер.

— Не нужно.

— Отчего? — с интересом спросил Жертвенный.

— Я не смогу отдать вам этот долг, — пробубнил Сигрид себе в колени, низко опустив голову.

— Я не одалживаю Вам, я желаю, чтобы талантливые иллои заняли подобающее им место. Довольно бездарей. Я устал от них.

— Это много, — смутился компаньон.

— Для вас, — согласился Ллойву. — К тому же, если она не сдаст экзамен, ничего не случится. Не мучайте себя.

Сигрид помолчал, разглядывая уголки листов в стопке. У страция мелкий, кудрявый почерк. Буквы витиевато переплетались между собой, цепляясь друг за друга замысловатыми завитушками.

— У вас есть отец? — продолжил Жертвенный.

— Нет, — Сигрид вздохнул. — Он погиб три оборота назад. В Железной шахте. Помните?

— Да, припоминаю, — Ллойву расслабленно отодвинулся к самой спинке скамьи. — Обвал в Подгорном. Тогда много илоев погибло.

— Он был там, — кивнул Сигрид.

— Вы расстроились?

— Разумеется, — Сигрид даже опешил от постановки вопроса.

— Вы были близки? Он любил вас?

— Как все... — Сигрид задумался, — да, любил, возможно. Он заботился о нас.

Некоторые называют это любовью.

— Не поймите неправильно, — оправдывался Ллойву. — Наши отношения с отцом отличаются от остальных. В моей семье все несколько иначе. Он тоже заботится о нас. По-своему...

— Советник — не простой иллой, — осторожно заметил Сигрид, стараясь не слишком глубоко вкапываться в чужую жизнь.

— Да, — Ллойву улыбнулся и опустил голову. Молчание затянулось. Светило опустилось за горизонт, и в саду стало прохладно и совершенно темно. Высокие кусты сирени теперь выглядели, как огромные враждебные тени. Протяжно застонала земля, чуть вздрогнув, словно большой раненый зверь. Долго, с отяжкой выла где-то из-за горизонта, стараясь, чтобы её услышали. Небо над головой сгустилось и затвердело непроницаемым антрацитовым кристаллом. Ллойву тряхнул головой и отвернулся.

— Нам пора в дом, — осторожно заметил Компаньон.

— Вы не могли бы отнести мои бумаги в кабинет? Я еще посижу.

— Все в порядке? — так же осторожно поинтересовался Сигрид.

— Да. Я... просто хочу посидеть в тишине.

Сигрид осторожно сгреб кипу в подобие аккуратной пачки. Снял с вершины сложное приспособление и положил на стол перед страцием.

— Я завтра разберу бумаги, — зачем-то уточнил Ллойву ни кому не обращаясь.

Оттащив бумаги в кабинет, и прихватив масляный фонарь, заботливо зажженный Ивом, Сигрид вернулся в сад.

— Немного света, — улыбнулся он, поставив светильник на стол, присаживаясь на свое прежнее место на скамье. Стеклышки лежащих окуляров веселыми бликами подмигнули ему. Сигрид поднял глаза на страция. Ллойву задумчиво перебирал в пальцах сорванный цветок сирени. Неровный свет масляного фонаря без стеснений рисовал глубокие тени под глазами. Радужки глаз страция снова налились цветом, и это был дурной знак.

— Вам нездоровится?

— Нет, все в порядке. Просто немного устал.

Сигрид положил руки с локтями на стол и уронил на них голову. Здесь звуки улицы звучали намного глуше. Казалось, что особнячок стоял за городом, а не в центре столицы.

— Завтра вам предстоит еще одно испытание, — нарушил молчание Ллойву. — Отец пригласил меня на семейный ужин. Сомневаюсь, что список приглашенных ограничится кругом семьи.

— Ничего, — тихо прошелестел Сигрид, предвкушая ещё один тяжёлый вечер. — Это моя работа.

— Не принимайте это, как удар судьбы, — рассмеялся Ллойву. — Все не так плохо.

— Можно задать вопрос? — Сигрид перевел взгляд на страция.

— Разумеется. Раз уж мы живем вместе...

Сигрид натянуто улыбнулся шутке.

— Это моя работа, — возразил он.

— Без сомнений. Без сомнений. Не принимайте близко к сердцу, — Ллойву поднял ладони вверх. — Не сомневаюсь, что в иных обстоятельствах мы бы с вами даже не

пересеклись.

— Вы в ссоре с Советником? — выпалил Сигрид на удачу. — Он настолько скверный отец?

— Хм... — Ллойву смял ветку сирени в кулаке. — Я бы назвал это состоянием холодного перемирия. Мы не в ссоре. Но и мира между нами нет. Это не для новостных листков, если вы понимаете.

— Да, понимаю.

— Вы знаете, что такое Уравнитель? — глаза Ллойву недобро блеснули в свете фонаря, и Сигрид напрягся. В спину, словно вогнали стальной прут, как в первые дни службы, и Сигрид выровнялся, прижимаясь к спинке скамьи. Жертвенный подался вперед, сокращая между ними расстояние, а компаньон постарался его увеличить, отодвинувшись на край.

— Да, — кивнул Сигрид.

— Эту технологию списали со способности при помощи Искры стирать память. Она берет начало от Окто, но Жертвенному Окто не нужен.

— Что вы хотите сказать?

— Все, о чем мы говорим в этих стенах, должно в них и оставаться. Если хоть что-то попадет в газеты... — Ллойву неловко попытался дотянуться до руки Компаньона, а тот спрятал ладони меж своих колен, избегая контакта. — Я без сомнений лишу вас памяти и сознания. До скончания своей жизни вы будете пускать слюну на грудь.

— Простите, — Сигрид виновато улыбнулся, сглаживая неловкость. — Я не хотел вас обидеть.

— Я тоже, — Ллойву откинулся снова на спинку скамьи, неловко дернул головой. — Некоторые иллои ошибочно полагают, что мой дом не защищен от проникновений, и здесь можно выведать пару сенсаций. Это не так.

Сигрид неловко сцепил руки в замок на коленях.

— Простите, — снова сказал он. Отношения страция с отцом определенно были темой, которую трогать не следовало, понял Сигрид. Иначе он бы не стал так остро реагировать. Помолчали. Ллойву встал и, молча, ушел в дом. Сигрид остался в беседке один.

Глава 9 в которой всё внезапно усложнилось

Господин Салле не спал всю ночь. Комиссия, прибывшая на место происшествия, не увидела состава преступления в смерти Дейле Лурри. Но и причин объяснить не смогла, тело его просто высохло. Как мог крупный иллоид просто высохнуть за несколько минут подъема в клетке? Чудеса. И, что ещё более странно, шахта теперь не переставала гудеть, а мастер Нойз не переставал утверждать, что слышит чей-то голос. Чертовщина! Шахту опечатали, загадки оставили дознавателям, а вот кто покрывает убытки, так и не сообщили. Мастер Вальм, узнав об инциденте, посетовал, что из-за сокращения подачи энергии в шахтах стало меньше света. Но при чём здесь это? Лурри мёртв, его вдова до сих пор не может поверить в произошедшее, а господин Вальм, как заведённый, ведёт речь о том, что Совет Жертвенных бездействует. Если Жертвенные асатры могут положить конец безобразию, творящемуся на глубине, то без сомнений, пусть сделают это! Невозможно просто закрыть шахту и забыть про неё. Нужно найти причину этого странного происшествия, и потому с рассветом господин Салле уже был на месте службы, не в силах оставаться дома. Там же оказался и мастер Нойз, по-всему тоже проведший ночь без сна.

— Процветай, мастер Нойз, — мастер Салле прижал правую ладонь к сердцу, приветствуя своего мастера.

— Бросьте, мастер Салле, мы с вами не из неприкасаемых, — отмахнулся невысокий, сгорбившийся за ночь, мастер Нойз, протягивая натруженную ладонь. Мастер Салле ухватился за предплечье и крепко сжал, получив в ответ столь же обнадеживающее пожатие.

— Шахту закрыли до выяснения, — зачем-то уточнил мастер Салле.

— Я тебе точно говорю, там что-то не чисто! — зловещим шёпотом донес до него мастер Нойз. — Я слышал! И ребята слышали!

— Что же ты слышал, Лиго? — не заметив, мастер Салле перешёл на фамильярное обращение, но мастер Нойз был так возбуждён, что не заметил.

— Я не уверен, — прошептал он, хотя они были одни возле выработки, — но мне кажется это старый иллоид. На котором говорили наши предки.

— Разве он так сильно отличается? — удивился мастер Салле. Стало обидно, что мастер Нойз вдруг оказался знатным языковедом, когда мастер Салле не разобрал были это слова или просто никчемный шум.

— Я разобрал только несколько слов, — смутился мастер Нойз, — мне так показалось.

— Ты сообщил дознавателям? — может это и не чушь вовсе, кто знает? — Сказал?

— Не знаю, Аноро, боюсь, как бы мне не назначили визит Спасителя Душ... Это знаешь, здорово ударит по моей репутации.

— Куда уж хуже, Лиго! Лурри мёрв! Разве время заботиться о репутации?

— Кровь, оно говорило о крови... — тихим могильным шёпотом сообщил мастер Нойз, — мне кажется, оно просило больше.

— Боги, Лиго, — мастер Салле воздел глаза к сводчатому, укрепленному толстыми деревянными распорами потолку. От солидного мастера ли он это слышал?

— Хочешь, пошли и сам послушаешь! Ты же не считаешь меня дураком? А если так, то ты мне не друг, Аноро! — мастер Нойз скосил глаза ко входу в злополучную шахту.

— Пошли! — одни боги ведают, отчего вдруг в мастере Салле проснулся авантюрист. Ещё чего сказал! Не друг, — Послушаем, что там вещает этот голос!

— Ты мне не веришь! Не богохульствуй, Аноро, а то оно доберётся и до тебя...

— Нет никаких голосов, Лиго! Есть сдвиги породы! — и мастер Салле, уже не в силах отступить от обозначенной позиции смело направился к провалу, где виделась клетка подъёмника.

Легкая вибрация ствола шахты немного остудила пыл. Рука застыла над рычагом, управляющим движением.

— Слышишь? — мастер Нойз, зашедший следом, как-то сжался и стал ещё меньше. Мастер Салле прислушался. По началу ничего кроме неясного гула, который можно списать на подземные воды, он не слышал, но вскоре начал различать слова. И от этого всё тело его сковал такой ужас, что он не смог даже сдвинуться с места, столь проникающе в самый костный мозг, столь леденяще страшны были эти звуки, словно бы исходящие из самой утробы огромного чудовища. Словно старые легенды ожили, и сейчас, как в той песне, латаровый дракон восстанет, дабы поглотить полмира.

«Мы рядом... нам... нам... нужна... кровь...к нам...» — бились о стены рубленые фразы на давно забытом языке. Получается мастер Нойз прав?

— Ч-что эт-то... — сам не свой одними губами спросил мастер Салле, — Л-лиго?

Вдруг страх сменился умиротворением, а следом пришла слабость.

— Уходим, Аноро! Уходим! — и маленький мастер Нойз потащил высокорослого товарища прочь. А мастер Салле почувствовал, как из него уходит жизнь.

— Над-до с-сказ-зять, — выдохнул он, падая на колени, — с-сказать... вс-сем... что это...

Шахта взвыла чужим запредельным голосом, оглушив ненадолго обоих. Камень под деревянной опалубкой в зёве шахты расцвёл чёрными блестящими венами пробирающегося наружу неведомого чудовища.

— С-сказать, — прошептал мастер Салле, наблюдая гаснущим взором, как мастер Нойз так же падает без сил. Где-то на границе сознания билась мысль, что их спасут, помогут. Но с чем им предстоит столкнуться? И смогут ли сдержать эту неведомую опасность?

— Не подходите, — выдохнул мастер Салле неясным фигурам перед собой. Но уже не был уверен, что они ему не померещились.

Весь следующий день Сигрид скучал в одиночестве в гостиной. Утром принесли письма и неизменный новостной листок. Ллойву мельком пробежался по заголовкам, но письма прочёл внимательно и лицо его помрачнело. Подмывало спросить, что так сильно испортило настроение страцию, но Сигрид был напуган реакцией на невинный интерес накануне, и потому не задал вопроса. Компаньон исполнил свою роль по беглому осмотру пациента и вручению необходимых пилюль, после чего был отпущен с богом. Земля взвыла снова, но быстро успокоилась, отчего страций, казалось, стал ещё мрачнее. Интересно, что это. В газетах писали, новое оборудование, но в эту версию верилось все меньше.

С компаньоном Ллойву перемолвился всего несколькими словами, большая часть из которых состояла из приветствий. Кухарка так же молчаливо нарывала на стол за завтраком. Взгляд ее выражал сочувствие, но говорить вслух ободряющие слова она не стала. Так и прошли полдня. В праздном безделье.

Сигрид от скуки прочитал новостной листок от первой буквы до последней. Несколько статей о финансовой напряжённости в банках не вызвали в нём интереса, но вот небольшая заметка о происшествии в шахтах Темного предела — да. В заметке указывалось, что один из

шахтёров трагически погиб, и это очень странно. Если бы произошёл обвал, матушка сразу же дала бы знать, она следила за новостями не хуже репортёров. Что-то странное, невысказанное читалось между строк. Определённо. Хотелось узнать больше, но страций выписал себе только одно издание, по большей части сухо освещающее происшествия и в основном решения Совета Жертвенных и Гильдий. Нужно издание более свободное в публикациях. Но отлучиться никак нельзя. Придётся подождать.

Сигрид вытянул с полки какую-то книгу, пытался читать. Но не смог. В голову лезли непрошенные мысли. Что произошло вчера? Что он такого вчера сказал, что Жертвенный отгородился от него высокой стеной? Неужели тема отношений между Советником и страцием настолько запретна в этом доме? Неужели придется работать теперь вот в такой атмосфере? Такая служба может растянуться в пытку. Нет, нельзя этого допустить. Проще найти новую службу, чем выносить это.

К обеду Ллойву спустился в гостиную сам.

— Господин Лир! — Сигрид поднялся навстречу.

— Да? — Жертвенный поднял на компаньона взгляд.

— Вчера я не хотел вас обидеть. Я прошу прощения. Я лишнего себе позволил... возможно...

— Дело не в вас, — Ллойву пристально взглянул компаньону в глаза, так, что по спине пополз холодок. — Скажите откровенно, Советник платит вам?

— Мне платит господин Келлер, — растерялся Сигрид, скрывая неловкость.

— Ваш владелец?

— Он владеет компанией по найму, где я работаю, — объяснил Сигрид. — Мной он не владеет.

— Я понял, — Ллойву подумал. — Я напугал вас вчера. Простите.

Сигрид не ответил.

— Так вышло, что вам придется жить в этом доме ещё как минимум декаду. Было нечестно по отношению к вам угрожать Уравнителем. Я был неправ. Давайте забудем вчерашнее происшествие.

— Давайте, — с облегчением выдохнул компаньон.

— Чтобы впредь таких ситуаций не возникало, не нужно выспрашивать, как я отношусь к Советнику, — Ллойву сузил миндалевидные глаза, отчего Сигриду снова захотелось отступить подальше. — Я готов поддержать беседу по любому вопросу кроме этого.

— Я понял, — кивнул Сигрид. — Тогда я попрошу вас не спрашивать о моей семье.

— Договорились, — Ллойву протянул руку для закрепления договора. Сигрид помедлил. Не ловушка ли это? Рядовым иллоям нельзя касаться Первородных. Это каралось смертью, даже теперь. Тем более, что страций патологически не любит чужих касаний. Быть может, Жертвенный ведет свою игру?

— Вы колеблетесь? — усмехнулся Ллойву.

— Я опасаясь, что могу поплатиться за это, — парировал Сигрид.

— О, не бойтесь. Все что происходит в доме, в нем же и остается, — и Сигрид несмело пожал руку. Ладонь Жертвенного на ощупь казалась теплой. Ллойву чуть задержал пожатие, затем улыбнулся. Компаньон неловко переступил ногами. Голова неожиданно закружилась, улыбающееся лицо расплылось перед глазами. Казалось, он стремительно полетел вперёд и вокруг замелькали знакомые лица. Через секунду все прошло. Компаньон переступил ногами, стараясь не упасть.

— Вы удивительно честны со мной, господин Армар, — Сигрид выдернул руку. — Это редкость. Обычно все мне лгут. По разным причинам.

— Вы «прочитали» меня? — говорили, что Искра позволяет Жертвенным читать мысли. Сигрид сомневался, но теперь был уверен — это правда. Для этого, похоже, им надо коснуться объекта «кожа к коже». Вот отчего касания под запретом. Этот закон защищает обе стороны. Сигрид невольно вытер руку о штаны.

— Я должен был убедиться, — Ллойву, как ни в чем ни бывало, прошел в кухню. Что ж, это, кажется, придется проглотить.

— Готовьтесь. Скоро мы отправимся в дом Советника. Там будет много высокомерных особ.

— Таких, как вы? — глухо спросил Сигрид. Ллойву удивленно оглянулся, удивляясь неожиданной дерзости компаньона.

— В том числе, — совладав с собой согласился он.

— Я готов.

— Рад это слышать.

Кухарка накрыла стол, блюда источали такой аромат, что в желудок тотчас отозвался урчанием.

— Госпожа Лисса вкусно готовит, — согласился страций с улыбкой. Сигрид виновато пожал плечами.

— Простите, я не могу это контролировать.

— Если отставить в стороны все диеты, то жизнь кажется не такой пресной, не так ли? — пошутил Ллойву.

— Возможно, — Сигрид присел за стол.

— Я планирую заскочить в Окторум перед визитом к отцу. Мне прислали весть, что мое присутствие необходимо. Вы поедете со мной? — между делом осведомился Ллойву.

— Мне придется. Я должен сопровождать вас везде. Доктор Валлар и так уже угрожает мне потерей работы.

— Это из-за меня? — удивился Жертвенный. Лисса пока неспешно раскладывала явства на столе.

Компаньон промолчал, вдыхая аромат из своей тарелки.

— Что ж. Мне жаль. Я — довольно скверный пациент. Возможно, доктор Валлар поэтому и сплавил меня из госпиталя с облегчением, — улыбнулся страций

— Он сделал это с сожалением, и не раз говорил об этом, — возразил Сигрид. — Вы же сами настояли на выписке.

— Да, это кажется вам неосторожным?

— Мне сложно судить, я не в вашем положении... — Сигрид занялся своей едой. Ллойву замер на доли секунды.

— В каком я положении?

Опять что-то не то сказал! Сигрид был готов провалиться сквозь землю, и возблагодарил кухарку, что положила в тарелку так много. Пока он хлебал суп, обдумывал, как ему не углубиться в новую катастрофу. Суп, кстати, был бесподобен.

— Вы делаете важное дело, и попали из-за этого в госпиталь, — выдавил Сигрид, взвешивая каждое слово.

— Не трудитесь, я прекрасно осознаю, о чем все говорят, — продолжил Ллойву как ни в чем ни бывало. — Меня это не беспокоит.

— Я просто хотел сказать, что если что-то случится, то некому будет вас заменить, — попытался Сигрид еще раз, и провалился еще глубже. Ллойву замер снова, с ложкой в руке.

— Думаю, вы ошибаетесь, — тихо возразил Жертвенный. — Незаменимых в этом мире нет. Каждого можно заменить. Быть может, с небольшими потерями.

Сигрид промолчал, лучше уж есть, чем тонуть в словах еще глубже. Закончили обед в тишине. Сигрид молча подал необходимые микстуры.

— Что ж, собирайтесь, — сказал Ллойву. — Мы выезжаем в Окторум. Вы же там ни разу не были?

Конечно же нет. Окторум, огромный комплекс в пригороде, где разместился сам Окто. Говорят, он похож на пылающий шар.

Сигрид неопределённо махнул головой. Нет. А Ллойву ободряюще улыбнулся.

Много позже, уже сидя в рабочем кабинете страция в Окторуме, Сигрид Армар с круглыми от пережитого глазами вспоминал события прошедшего дня. Ни разу в своей жизни он еще не терпел столько страха за день, даже когда отец приходил со смены в сильном подпитии. Страций в свое время отказался от стат — кабистера, и теперь Сигрид посылал немой вопрос небесам — почему? Сколько проблем бы удалось избежать этим утром.

Сигрид уткнулся взглядом в фигуру илатума у двери кабинета. Тот сидел на стуле поперек створок в твердом намерении не выпустить компаньона из комнаты. Мысли переметнулись к событиям утра.

Ничего не предвещало бури. Он вдвоем спокойно собрались к отъезду в Окторум. И день, пожалуй, не задался как раз с этого момента.

Сначала гда-то за горизонтом завывла земля. Но к этому Сигрид уже начал привыкать, и почти не обратил на это внимания, а потом странные осадки начали падать на плечи. Белые, как снег, хлопья, но не тающие в руках. Летом? Взглянув на белый налёт на перилах, страций коротко сказал, что это пепел. Сигрид с удивлением провел пальцем по поверхности, растер в руке белые хлопья. Действительно пепел. Астеро засыпало пеплом, а страций только лишь стряхивал с плеча белые хлопья. Что это? Разве не должно сей же час что-то предпринять? Откуда в нём столько спокойствия? Неужели препараты, что он принимает не без помощи компаньона, настолько притупляют реакцию?

Затем события завертелись с ужасающей быстротой. И здесь Сигрид был готов забиться в угол.

Сначала в сад влетел снаряд, коптящий на фоне пеплопада горьким черным дымом. Снаряд пролетел через полисадник и ударился о стену, обдав обоих обжигающими брызгами. Сигрид прижался к стене. Новый, позавчера купленный костюм оказался безнадежно испорчен едкими тлеющими каплями. Страты у ворот тотчас выскочили на площадь и устремились за группой иллоев, бодро удиравших в сторону сапожных кварталов. Вместо того, чтобы остаться дома после такого оглушительного знака, страций велел подать коляску и поманил с собой и компаньона. Возражения, разумеется, услышаны не были. Самоубийственная тактика. Слова "никого не щадит" заиграли новыми красками. Совсем не хотелось стать жертвой недоброжелателей страция, но, похоже перспектива эта открывалась перед компаньоном ярче прочих. Но самое страшное ждало его впереди.

Глава 10, где Сигрид узнаёт, что такое Окто

Окторум, институт изучения Окто находился за городом. Ехать к нему не очень долго. И это был самый длинный отрезок времени в жизни Сигрида Армара. Пепел перестал сыпаться на головы, но легче от этого не стало. На выезде из города дорогу преградила толпа иллоев с самыми серьезными намерениями. У кого-то в руках были дубины, а кто-то вооружился сеткой с булыжниками. Укатанная дорога с обеих сторон зажата высокими заборами, не объехать. Коляску заблокировали и впереди, и сзади. Ничего хорошего эта встреча не предвещала, особенно после знака перед отъездом.

— Чего они хотят? — Ллойву подался вперед. Происшествие вызвало в нем досаду, потому как обещало немалую задержку в пути.

— Кто же их знает! — резонно заметил кучер. — Чего-то хотят, иначе чего им тут?

Коляска остановилась, не имея возможности двигаться вперед. Их обступили иллои с суровыми лицами, все, как один в шахтёрских робах.

— Вот он! Ллойву Лир! — крикнул рослый илло, выступавший впереди. — Он ответит нам!

— Возможно отвечу, если будет задан конкретный вопрос. Вы перегородили мне дорогу. Зачем?

Теперь все напряженно ловили каждое слово с обеих сторон.

— Мы желаем знать, отчего в наших шахтах ограничили резерв на освещение? Ты стоишь во главе института энергий. Фактически ты распоряжаешься распределением, — крикнул заводила. — Ты понимаешь, что невозможно осветить шахту огнем? Мы работаем в полутьме! Нам нужны энергетические дуги! Верни их нам.

— Энергию ограничили повсеместно, не только в шахтах, — возразил Ллойву. — Я думал, вам были предоставлены все разъяснения. Эта мера — временна, пока мы перераспределим потоки.

— Я вчера проезжал возле здания оперы, там дуги горели всюю! Для себя вы не жалеете энергии! — выплюнули справа и эти слова, ударили больнее дубины. Ллойву на доли секунды замер, но быстро взял себя в руки.

— Директор здания оперы нарушил предписание Совета и будет наказан, — спокойно ответил страций.

— Враньё! Никто его не накажет, — крикнули из толпы.

— Скормим его Окто!

— Мы работаем на вас!

— Почему нельзя обеспечить бесперебойную работу Окто? — крикнул заводила, выдержав достаточную паузу для подогрева толпы, — Это ваша задача! Таков был договор с начала времен! Вы его не исполнили!

— Здесь вы правы, — согласился страций. — Последнее время приходится экономить энергию. В том числе оттого, что жизненные циклы Аст'Эллота не являются статичной системой, они постоянно меняются. Мы в данный момент ищем пути решения этой проблемы. В том числе для этого мне сейчас необходимо попасть в Окторум, но вы преградили дорогу.

— Быть может нужна Жатва, Слияние? — крикнули справа.

— И не одно!

— Вы загадили свою кровь!

— Быть может Окто не нравится на вкус, чем его кормят!

— Быть может, Жертвенных вообще больше нет?

— Вы врете нам?

— Проклятые лгуны!

— Под ногами гудит земля! Говорят, это из шахт с латаровой породой! Ты знаешь, что там происходит?

— Это вранье!

— Что вы творите?

Ллойву повернулся на крики. Сигрид со страхом смотрел на распаленные лица вокруг коляски. Кучер так же страстно желал покинуть это место, но толпа перед кродами совершенно заблокировала дорогу. А бежать, оставив страция, отчего-то не позволяла совесть.

— Слияние — не сможет решить нашу проблему. Какое-то время придется экономить энергию. Мы перенаправим резервы в шахты. Я поговорю с Советниками. Думаю, все можно решить. По поводу происходящего в шахтах, нет, я не в курсе, но если род моей деятельности потребует вмешательства и туда, я выясню...

— Красиво говоришь! — крикнули слева. — Там умирают иллои!

— Вы только говорите!

— Какого цвета твоя кровь? — раздалось справа злое, наполненное жаждой крови.

Сигрид, похолодев, обернулся на крик. Лица выражали мрачную решимость.

— Это что, сынок Ветиго Армара? Какой костюмчик!

— За сколько ты продался, щенок?

— Для чего вы нам нужны?

— Для чего мы содержим вас?

— Что за дела творятся в вашем Окторуме?

Ллойву поднял руку, и крики, как ни странно, стихли.

— Я понимаю ваши сомнения. Мы откажемся от использования энергии Окто везде, кроме необходимых сфер деятельности, пока кризис не минует. В некоторых случаях, в частности для личного пользования, думаю, ей можно найти замену. Я сожалею, если на выработках произошёл несчастный случай. Гибель иллоев это всегда трагедия, и не одного, а целого поколения...

— Поинтересуйся, что там произошло!

— Минует ли он?

— Мы найдем решение, — страций едва успевал следить за каждым, кто выкрикивал вопросы.

— Что говорит Советник?

— Почему гудит земля?

— Что за чертовщина творится?

— Советник согласится со мной. Я вас услышал. Вы можете отправляться по домам. Мы обеспечим вам достойные условия.

— Поинтересуйся!

— Ты хочешь заткнуть нам рты!

— Кто ты такой!

— Ответь!

Толпа распалась все больше. Сигрид уже не надеялся выйти из этой ситуации невредимым. Помнится, о чём-то подобном он читал в учебнике по истории, а матушка рассказывала, как её отец участвовал в мятеже гильдий. Время гнева, так обозначен этот период в иллойской истории. Неужели опять? Удастся ли страцию погасить ещё не разгоревшуюся искру?

— Что бы вы нас услышали должна пролиться кровь, — крикнул заводила.

— Твоя? — надменно спросил Ллойву, поворачиваясь к нему всем телом.

— Какого цвета твоя? — крикнули в толпе.

И полетел первый снаряд. Кусок камня, возможно выкорчеванный из мостовой, или принесенный с собой и вынутый из корзины. Ллойву успел среагировать, не смотря на то что стоял спиной к метателю. Повернув голову на едва уловимое предупреждение об опасности, он резко поднял сжатый кулак, и брошенный камень рассыпался пылью, обдав мелкими обломками и страция, и компаньона.

— Пригнитесь, — прошипел Жертвенный компаньону, едва сдерживаясь от падения. Еще несколько вывороченных их мостовой камней полетели в коляску. Пара пролетела мимо, остальные рассыпались в воздухе, что произвело мало впечатления на толпу. Кучер суетливо закрыл голову руками.

— Что ж вы творите? Ваше стратство... — старик всем телом повернулся к Жертвенному. Ллойву предупреждающе поднял руку, чтобы тот не двигался с места.

— Хватит! Довольно! — крикнул заводила. Град камней прекратился. Он с превосходством взглянул на своих жертв. — Теперь я вижу, у Ллойву Лира черная кровь, быть может, он станет следующей жертвой для вашего Окто? Даст ему энергии?

Сигрид в страхе скорчился на сиденье, постепенно сползая на дно коляски. Повлиять на ситуацию он не мог никак, геройство в его крови не прижилось, а вот страх — да, его было в избытке.

— Вы понимаете, что этого не должно было случиться? — спросил Ллойву заводилу, поднимаясь во весь рост и расправляя плечи. — К чему все так усложнять?

— Это вы все усложняете! — крикнул заводила. Сигрид очень надеялся, что страты уже в пути. Говорят, у них на каждом углу наблюдатели. Неужели об этом происшествии ещё не знают? Тогда им всем конец. Толпа того гляди разорвет их прямо на месте. — Все что нам нужно — условия для стабильной работы! Мы много не просим! Ваша задача обеспечить их!

— Вы их получите, — Ллойву оглядел всех свысока. — Я не дам вам больше, чем могу. Больше чем могу дать, я не обещаю. Вы получите стабильный резерв в шахтах. Мы перераспределим энергию. Все остальные требования рекомендую высказать в прошении Совету. Желательно в письменном виде.

Почувствовав нерешительность в окружающих их иллоях, Сигрид поднял голову. Жертвенный и заводила сверлили друг друга взглядом. У этого иллоя крепкие нервы, на его лице читалась решительность и воля. В этом он был схож со страцием. Неудивительно, что за ним пошли, несмотря на угрозу расстаться с жизнью.

— Я не всемогущ, — продолжил Ллойву. — Все ваши вопросы мы могли решить, не применяя насилия. Теперь последствия для вас могут стать непредсказуемыми.

— Ты не можешь нам угрожать, — выкрикнул заводила. — Это для тебя последствия могут стать непредсказуемыми, даже фатальными.

— Страты! — крикнули в крайних рядах. Сигрид, как гончая, повернулся на звук. Кучер тоже с облегчением выдохнул.

— Мне и незачем, — согласился Ллойву с опозданием.

— Уходим! — Заводила быстро обернулся. — Я услышал тебя. Поинтересуйся, что произошло в Тёмном пределе! — Крикнул он. — Если твое обещание не будет исполнено, мы не остановимся!

Сигрид с удивлением смотрел, как, казавшаяся огромной толпа вдруг сжалась, рассредоточилась по проулками и улицам. Дорога быстро опустела. В погоню за протестующими бросились несколько десятков стратов. Словно ничего и не было. Только песок на дне коляски как немые свидетели, что все это не приснилось.

Ллойву снова прижал пальцы к вискам

— Позвольте? — компаньон со стыдом поднялся, сел на бархатное сидение, достал из саквояжа набор для оказания первой помощи. — Было неосторожно вступать с ними в переговоры, — заметил он, стирая грязь с лица Жертвенного. — Вам дурно?

— Нормально... Они не виноваты, — Ллойву всем телом оперся о спинку сидения. — Они не понимают происходящего и напуганы. Они все видят пока сквозь призму своего ремесла. Но вскоре поймут, что... — и Жертвенный замолчал, словно сказал слишком много.

— Что?

— Не важно. Я думаю, это только первый сигнал. Скоро такое будет происходить повсеместно.

Компаньон молча сложил свои склянки обратно в чемодан и замер.

— Что теперь будет? — прервал молчание Сигрид, пока коляска пробиралась по извилистому пути дороги к Октуруму.

— С кем? — очнулся Жертвенный от своих мыслей.

— С ними?

— Ничего. Они вернутся в свои дома, получают, все, что требуют.

— Но почему? — удивился Сигрид. — Это же насилие!

— Потому что они правы. Вот почему. — Ллойву вздохнул и отвернулся.

— Но вы то вряд ли в этом виноваты... — возразил Сигрид.

— Они хотели, чтобы их слышали. Я их услышал. На этом все, — отрезал Жертвенный.

Но на этом беды несчастного компаньона не закончились. Едва коляска въехала на территорию Октурама, их встретил седой, почтенного возраста иллой в строгом костюме и еще один, полноватый, беспрестанно вытирающий лицо платком, не менее представительного вида.

— Господин Лир!

— Хвала всем богам, вы приехали! Мы не надеялись!

— Ситуация нехороша... — торопливо затараторил первый, — модуль сбоит и очень серьезно! Мы зафиксировали изменения сегодня утром, я бы назвал их критическими, я написал вам в письме.

Страций кивнул и прошел следом за суесящимися иллойми мимо охраны внутрь. Пришлось не отставать и компаньону, потому что остаться одному перед суровыми лицами стратов он не хотел. Слишком свежо была в памяти недавнее происшествие.

— Дианоме вышли из строя...

— Три, если точнее...

— Мы пытались переподключить связи, у нас ничего не вышло. Что-то блокирует наши команды.

— Поле разделения нестабильно... Я бы осмелился предположить, что что-то вмешалось извне...

— Я понял... — страций так бодро шагал по коридорам, что провожатые едва поспевали за ним. Процессия все спускалась и спускалась по спиральному коридору вниз. Сигрид ни разу не бывал здесь, и теперь белые стены и мерцающие квадраты светильников вызвали в нем жгучее желание уйти и больше никогда здесь не появляться. Слишком сильно все напоминало ритуальные залы погребения. Что-то происходило сейчас, чего не должно быть. Что-то страшное.

— Господин Лир, — со всей строгостью, на какую он был способен в данный момент, проблеял Сигрид в спину страция.

— Слушаю, — Ллойву повернулся всем телом на звук так же стремительно, как шел вперед до сих пор. Глаза страция налились изумрудным цветом и потемнели, как небо перед бурей. Скверно.

— Я...я запрещаю вам... — еще тише пролепетал компаньон, поймав холодный непримиримый взгляд, и обмякая от одного только взора.

— Что? — Ллойву склонил голову к плечу, опасаясь, что ослышался. Сигрид, собрав остатки мужества, решительно ступил вперед и преградил дорогу страцию.

— Это опасно для вашего здоровья. Вы помните, что произошло в прошлый раз? Как компаньон, я могу приказать...вам... — Сигрид говорил все тише, по мере того, как страций неспешно приближался.

— Вы знаете, отчего его зовут Окто? — тихо спросил Ллойву. Сигрид мотнул головой не отрывая взгляда от холодных зелёных глаз. Нет.

— Восемь семей расстались со своей Искрой, чтобы он мог существовать. И еще многие после пожертвовали собой, чтобы продолжил. Вы хорошо делаете свою работу, Сигрид, — Ллойву положил ладонь на плечо компаньона. Только теперь юноша обратил внимание, что страций снял неизменные перчатки. Дурной знак. Через секунду шею где-то у сонной артерии коснулись горячие пальцы, и компаньон почувствовал, что теряет контроль над собой. Илатум и тот, второй, подхватили обмякшее тело.

— Отнесите в кабинет, и проследите, чтобы ему не стало дурно. Может немного кружиться голова. И не мешайте мне, — распорядился Ллойву, отворачиваясь. Сигрид не совладав с негнущейся шеей, бросил беспомощный взгляд вперед, где страций уходил вниз по спиральному коридору один. Самого же его оттащили в кабинет, подхватив под руки, на самый верхний уровень подземного строения, в рабочий кабинет страция, где он сейчас и сидел. Вскоре власть над телом вернулась. Но дверь охранял илатум, в ожидании возвращения страция.

— Вы понимаете, чем это для него может закончиться? — попробовал Сигрид надавить на совесть своего стража. Что он должен предпринять сейчас? Мужественно отстаивать свое право на исполнение обязанностей или положиться на течение событий?

Тот, тоже с круглыми от страха глазами, кивнул.

— Я понимаю, чем это может закончиться для всех, если ничего не сделать, — выдавил из себя илатум. — Дианоме должны работать все, иначе одни боги ведают, что с нами станет. Никто из Жертвенных не стремится решить наши проблемы, хотя мы все здесь на одном корабле. Все как будто забыли об Окто, делают вид что его нет. Но он есть, и мы от него зависим. Господин Лир знает, что делает. Я уверен.

— Но вы же сами нашли его тогда, это же были вы? Неужели в вас нет ни капли

сочувствия?

— Я, — согласился илатум, — я сожалею, что так случилось. Если бы каждый из асатров был, как господин Лир, ситуация бы не зашла так далеко.

— То есть вы согласны, что для него это опасно...

— Окто опасен для каждого из Жертвенных, — илатум поерзал на месте, — для него они только пища. Но господин Лир знает, что делает...

Заладил...

— Если случится, то же, врядли исход будет благополучным, — не отставал компаньон.

Илатум отвел глаза.

— Жертвенные обязаны следить за благополучием Окто. Для этого им была дарована Искра. Так написано в Статосе, — проговорил илатум, — при необходимости они должны жертвовать свои жизни. Таков порядок вещей.

Сигрид закусил губу. Илатум прав. Но отчего-то стало гадко. Посидели в тишине, слушая гомон птицы, доносящийся с улицы. Глупые птахи копались в белых хлопьях, укрывших землю в поисках съестного. Гроыхнуло за окном, молочно белое небо на горизонте потемнело, предвещая грозу.

Ллойву не стал терять время, проверяя остановившиеся дианоме — распределители потоков. Причина известна, так ни к чему пустая трата времени. Он спустился до самого низа спирального коридора и остановился перед большой аркой, закрытой сплошной ровной стеной. Никто, кроме Жертвенных, не сможет войти. Окто, по сути, безразлично, чью жизнь выпить, но Жертвенные дают ему больше, об этом не говорят, но скоро придётся. Страций сделал глубокий вдох и положил ладони на расчерченную руническим письмом плоскость. Стена в арке дрогнула, по контуру рун появилась вертикальная трещина и начала расширяться, расходясь в стороны. За открывшимся проемом ослепительно белый, пылающий всем видимыми цветами существовал модуль, ставший для Астеллота основой жизни.

Визуально зала не как будто имела дна. Окто существовал в своем измерении вне времени и вне пространства. Волей асатров он поддерживал Аст'Эллот на соседнем от люди плане, давал ему защиту от небытия, а попутно снабжал дома и производства энергией. То, что Окто когда-то иссякнет, было очевидно, вопрос, как быстро это произойдёт. Ответ не заставил себя ждать: сейчас. Ныне живущим иллоям просто не повезло оказаться на сломе времён. Необходимо что-то предпринять. А пока важно выиграть время.

Страций сделал шаг. Под ногой тотчас, словно только сейчас обнаружив себя, возник небольшой кусок тверди, сотканной из протянувшихся из небытия тончайших нитей. Затем второй шаг, и еще. Казалось, иллой парил где-то посередине огромного сияющего вихря. Ллойву встал, заложив руки за спину. Створка за спиной со скрежетом захлопнулась. Пути назад нет.

Смешанные чувства охватили страция. В прошлый раз, помнится, все закончилось плачевно. Окто манил своей мощью, но при этом отталкивал от себя ею же. Это благо Астэллота. Он давал иллоям воздух и пищу. Покрыв остров куполом и зажег на нем искусственные звезды и солнце. Разделил два мира, сместив остров в другое, чуждое всем измерение, куда не смогла бы проникнуть людь. Это был самый грандиозный и самый необдуманый эксперимент.

Это проклятье Астэллота. Он выпивал жизни живущих и грозился стереть созданное в

один миг, исчезнув, обнажив крошечный островок жизни перед жадной пропастью небытия.

«Ты вернулся» — крутящиеся огненные вихри обдали страция жгущими кожу волнами.

— Я вернулся, — согласился Ллойву. Сердце подпрыгнуло к горлу. Но не время сейчас.

Не время. Нужно выторговать еще немного.

«Мы ждали»

— Ты отключил дианоме. Этого нельзя допускать. Это грозит катастрофой... Для всех...

«Почему? Мы устали... Мы хотим покоя...»

— Прошу, дай нам время, мы что-нибудь придумаем. Мы вернем Астеллот на поверхность. Я смогу уговорить их...

«Иное...не вернется...»

— Нет, уверен, это выполнимо. Но нам нужно время.

«Хорошо. Ты получишь время. Но мы свое возьмем тоже... Ты дашь нам? Желаем осязать тебя. Иди к нам» — Ллойву не двинулся с места.

«Нет?»

— Сегодня я хотел только получить ответы на вопросы. Слияние еще возможно? Чтобы выиграть время — помедлив, ответил Ллойву.

«Ты не уйдешь. Ты останешься с нами. Каждый из вас останется с нами. Веди к нам. Веди к нам».

— Ответь мне. Скажи, ты можешь дать нам еще время?

«Что даст вам время? Ничего не измениться. Мы смотрим. Столетия за столетием. Ничего не меняется»

— Мы вернем иное к людям...

«Это иллюзия. Как и ваши жизни. Мы уйдем вместе»

— Ты сможешь вернуть Астэллот на поверхность? Тогда ты обретешь свободу.

«Ты желаешь спасти его?»

— Скажи, это возможно? В прошлый раз ты не договорил...

«Если ты уйдешь с нами, мы растворимся вместе. Иное может вернуться к истокам, если найдет их»

— То есть да?

«Возможно...»

— Как это сделать?

«Иди к нам...»

— Я должен знать.

«Если найдешь, откуда исторгли иное. Если найдешь способ освободить нас. То иное вернется к истокам»

— Я не понимаю. — Ллойву стер пот с лица. Окто, обволакивая сознание, выпивал силы капля за каплей, забирая свое. — Мне надо найти место, откуда подняли остров? На поверхности? Ты это имеешь в виду?

«Место, откуда исторгли иное. Раствори нас, освободи нас».

— Как? Как найти это место?

«Иди к нам. Мы желаем обнять тебя. Ты все увидишь»

— Еще рано. — Ллойву коснулся пальцами виска. Голова снова раскалывалась, отчего-то было понимание, что это из-за невольной связи с модулем. Отчего-то он выбрал его. В голове всплыли события недавнего прошлого. Как ни странно, воспоминания придали сил,

словно вернули сознание к настоящему.

— Как растворить тебя? Что это значит?

«Искра последних богов растворит нас. Освободит нас. Так же как она питала нас. Иди к нам»

Ллойву потянул ворот пальцем. Душно. Жарко. Это огонь вокруг? Нет, это Окто. Он растет и заполнил уже весь зал. Заполнил все мысли, влез в сознание.

«Нам одиноко. Мы звали тебя. Ты пришел. Иди к нам»

— Я смогу освободить тебя?

«Твоя Искра сильна, но ее мало. Так мало, чтобы освободиться. Но много для тебя. Дай нам ее. Освободи себя вместе с нами. Иди к нам»

— Остров вернется на поверхность, когда тебя не станет?

«Когда мы освободимся, иное должно вернуться к истокам. Но ему нужно указать путь. Иначе его растерзает...»

— Дашь нам время?

«Ты дашь нам твою Искру? Она сильна. Дай нам ее. Мы дадим вам ваше время. Немного времени»

Ллойву несколько раз вдохнул полной грудью. Голова кружилась.

— Мне кажется, это ловушка. Ты получил Искру десять лет назад.

«Она была сильная. Как у тебя. Славная Искра.»

— Как узнать, откуда подняли остров? Об истоках?

«Первая Искра хранит ее. Первая Искра. Она внутри нас. Глубоко. Иди к нам. Он несет знание. Мы покажем тебе. Иди».

— Это твоя ловушка, я уверен. — Ллойву повернулся, чтобы уйти. — Быть может, в архивах что-то найдется. — Пробормотал он, с усилием переставляя ноги. — Скажи... ты дашь нам время?

«Мы взяли Искру, взяли немного, и ещё три крохотные... мы хотим больше. Ты не дашь нам всю? Не дашь нам обнять тебя?»

— Позже, теперь ты взял свое.... — Ллойву с трудом преодолел оставшиеся шаги до арки. Ноги проваливались на нетвердой опоре, не подпитываясь внутренним резервом. Еще чуть, и он просто упадет в бездну, где его уже ждет голодное чудовище. Повинуясь Искре, арка разошлась, выпуская страция в прохладный коридор с белыми стенами. Створки захлопнулись, но в голове все еще звучал хор голосов. Расстояние ничего не значит для Окто. Он не отпустит еще какое-то время. Ллойву прижался спиной к стене. Голова кружилась, сердце пропускало удары. Кажется, его повело в сторону, и тело скользнуло вдоль опоры на пол. Но не упало. Чьи — то руки потянули вверх.

— Господин Лир!

— Все в порядке, Сигрид, — Ллойву навалился на подставленное плечо. — Я немного отдохну...

С другого бока пристроился илатум. Странно, что он решил рискнуть своей жизнью, промелькнула мысль в назойливом хоре настойчивых голосов.

Сигрид и илатум помогли Жертвенному добраться до кабинета. Усадили в кресло. Компаньон с тревогой вглядывался в потемневшие глаза, вытаскивая из своего саквояжа необходимые лекарства.

— Господин Лир! Это неразумно! Доктор Валлар меня уволит!

— Я должен был... узнать... — Ллойву попытался улыбнуться. В голове звучал хор

голосов. «Иди к нам. Иди к нам» — Отец не верит мне, ... Сегодня я продвинулся еще на шаг... почти рядом...

Сигрид, молча, отмерил порцию тонизирующих лекарств. Подал больному, и убедился, что все выпито. Затем нашел себе стул и сел в ожидании, когда страцию полегчает. Илатум молча взирал на все действие с немым вопросом в глазах, нужно ли послать за каретой помощи. Сигрид отпустил его кивком головы. Давно ли он стал так уверен в себе? Ситуация не выглядела критичной. Страций в сознании, значит, все не так плохо.

Ллойву закрыл глаза, в надежде, что хор голосов утихнет. Но нет. То ли близость Окто так много значила. Голоса кричали, визжали в голове. Сначала ласково, потом требовательно, затем угрожающе. Вскоре в голове начал стучать набат.

— Есть что-то от головной боли? — не открывая глаз, спросил Ллойву. — Только не ваш мятный бальзам...

Глава 11 где ночь не приносит облегчения

— Ты с ума сошёл! — прошипел Советник Кримм едва переступив порог дома мастера Вальма. Дурные вести нагнали его в дороге. Пока коляска катилась по улице Роз, ведущей прямо к зданию Совета, он как раз размышлял о странностях в последние дни. Пепел, что укрыл мостовую главных магистралей быстро смешался с пылью и перестал быть различимым, но сильно напугал многих. Кто-то заговорил о конце времён, кто-то вспомнил давние события, которым как раз предшествовало нечто подобное. Но это слухи, слухи. Кримм, как мог, успокоил семью и товарищей. Но после полудня ситуация стала ещё хуже. Кто-то напал на экипаж страция, после чего закономерно последовали аресты. И задержанные к вечеру уже начали давать показания. Всплыло доброе имя мастера Вальма. И об этом сообщил ему посыльный мальчонка. Советник поблагодарил посланца и вручил ему монетку с чеканным гербом почившего дома Йорм.

— Что ты творишь? — шипел Советник, дёргая шей в тонкой гусиной коже, — ты хоть понимаешь, что сделал?

— Ничего из того, о чем я должен пожалеть, — надменно отозвался мастер Вальм, жестом приглашая Советника из прихожей в небольшую уютную гостиную.

— Это твоих рук дело? Признайся, твоих? — Советник, не в силах находиться в покое, заметался по деревянным доскам меж мебели. — Одуматься только! Напасть на страция!

— Никто на него не нападал, — осадил Советника мастер Вальм, — только донесли до него нужные нам вопросы. Ты в курсе про латаровые шахты?

— Слышал мельком... — отозвался Кримм, крепко задумавшись, — что там произошло?

— Погибли трое, один рабочий и двое мастеров, и знаешь, смерть их весьма странная... Я велел закрыть выработку и никого туда не пускать.

-. Это ты молодец, — согласился Кримм. — Надо обсудить на совете...

— Ничего нам от них не надо Сфен, — мастер Вальм, вдруг стал жестким, как сталь, — нам надо решать самим!

— Но они тоже часть нашей жизни, причем не малая, — возразил Советник, потеряв львиную долю своей решимости, уступая более жёсткому собеседнику.

— Весь ствол почернел, Снеф, словно обуглился! — Продолжил мастер Вальм, — я такого ещё не видел. Что-то творится! И они — он ткнул пальцем в сторону центральной площади, — знают это! Но не говорят!

Советник замер, потом отвернулся. Знание, что он таил в себе, жгло ему глотку, и ещё больше язык. Он представил, что все, о чем говорил страций — правда. Представил весь ужас ситуации.

— Если ты что-то знаешь, скажи! — С нажимом проговорил мастер Вальм.

— Нам надо подождать декаду, тогда все решится, — глухо проговорил Кримм.

— Что решится? Ты не представляешь, что я видел! — мастер Вальм покачал головой, — их трупы просто высохли, словно кто-то выпил их. Представляешь? Мы выпустили на волю чудовище! И нам надо загнать его обратно...

— Но зачем ты послал людей к Лиру? — Кримм со странной обреченностью взглянул на мастера. — Как это поможет?

— Он — самый короткий путь к Советнику Лиру. Ничто так не стимулирует как угроза

жизни, Снеф, ничто... И если чтобы подстегнуть этих индюков, придется прикончить одного из них. Пусть будет так...

— Я этого не слышал, — Советник Кримм покачал головой. — Не от тебя.

— Можешь и дальше прятать голову в бочке, Снеф. Я больше не буду. Я буду действовать.

К дому Советника подъехали после заката. В Окторуме Сигрид терпеливо ждал, пока Ллойву придет в себя после визита в злополучную залу. Казалось, что не было этих дней после госпиталя и они снова вернулись на исходную, но к закату страцию стало лучше. Жертвенный настойчиво попросил не раскрывать всего, что произошло в Окторуме. Даже не упоминать о визите. Компаньон всей душой был согласен. Лучше, если об этом никто не узнает. Ему не будет грозить потеря работы, страцию не придется объясняться с Валларом. Если Советник решит, что Армар плохо исполнял свои обязанности, единственное место, где его после этого примут, это госпиталь Имерит. Семья останется без дохода. А сестра без надежды на будущее.

Они прошли через целое крыло стратов, вошли в просторную прихожую. Судя по звукам из гостиной где-то далеко в глуби дома, на праздник они прибыли последними. Все коридоры заполнились перезвоном бокалов и невнятным говором. Ллойву, впрочем не выказал ни намек на сожаление по этому поводу.

Страций неспешно последовал к гостям. Сигриду ничего не оставалось, как плестись за ним.

— Ллойву! — дама, которую страций представлял раньше, как свою сестру, поспешила навстречу. Сигрид, смущаясь своего вида, спрятался за спину своего пациента. — Мы уже думали — не придешь.

— Как я могу пропустить столь важное событие, — улыбнулся Ллойву. Сигрид стесняясь оглядел гостей. Вопреки ожиданиям, представительных лиц собралось немного. Из тех, кого он помнил с прошлого приема, были все Лиры, и Изольтар в том числе, а также Альма Гайо в сопровождении какой-то стыдливой дамы, постоянно прикрывающей лицо веером. Невеста сидела за праздничным столом, беседуя с неизвестным в форме Серебряного Легиона. Этот иллой лицом походил на Советника, как и он, носил аккуратно стриженую бороду, но при этом глаза его, в отличие от Ллойву и Изольтара, выдавали благодушный настрой и веселое настроение.

— Я удивлен, что здесь так мало иллоев, — усмехнулся Ллойву, оглядывая сборище.

— Это же семейное событие, — с упреком сказала Мильен. — Дядя обещался быть, но не приехал. Тебя не все любят, к сожалению. Кто-то даже ненавидит всем сердцем. Ты слишком прямолинеен иногда. Тебе пора исправляться.

— Ллойву! — тот самый легиотер, распахнув объятия, пошел навстречу.

— Дженве! — Ллойву искренне рассмеялся и так же раскрыл объятия. — Давно тебя не видел.

— Дела, будь они не ладны...

— Рад, что ты приехал!

— Я не мог не приехать!

— О делах после, — надулась Мильен, потеряв львиную долю внимания со стороны братьев. — Идемте к столу. Ллойву отправь своего компаньона к слугам.

— Мильен...

— Пожалуйста.

Ллойву коротко кивнул Сигриду.

— Пойдите в кухню. Вас там покормят, и компания будет поприятнее.

— Ллойву! — возмутилась астера.

— Как всегда, в точку, — расхохотался Дженве, прижимая брата крепче. — Я скучал по тебе.

— Вы оба просто невоспитанные варвары! — фыркнула Мильен и поплыла к столу.

— Она подросла, — усмехнулся Дженве, обрисовывая руками фигуру, и надутая щёки.

— Только ей не показывай, — тихо кивнул Ллойву.

— Я все слышу!

Начали рассаживаться по местам. Советник, как и было заведено в доме, сел во главе стола. По левую и правую руки накрыли для обоих старших братьев. Возле Ллойву справа опустилась на свое место астера Альма, а рядом с Дженве присела Мильен. Меоке сел рядом с сестрой. Невзрачная спутница постеры Альмы устроилась рядом с подругой.

— Рад, Ллойву, что ты, наконец, смог уделить нам время, — сурово проговорил Советник. — Дурной тон опаздывать на собственный праздник.

— Я старался исполнить твою просьбу, — с ноткой раскаяния проговорил Ллойву. — У меня для тебя новости. Нам надо будет поговорить.

Неведомо откуда Советник извлек вечерний выпуск новостной газеты. По всему, приготовил его заранее, сложив рядом с салфеткой. Потряс над столом листком.

— Эти новости?

— А что там? — с интересом спросила Мильен.

— Там твоего брата закидали помоями на площади... — Коротко бросил Советник, сурово взглянув на страция. Ллойву выпрямился и чуть улыбнулся. Преимущество слухов в том, что за ними скрывается правда, а потому столь оглушающая ложь могла надёжно спрятать истину. Дженве с лукавой улыбкой опустил глаза на приборы перед собой.

— Видимо, большего ты не заслужил? — едко добавил Советник.

— Ну, может не все так плохо, — развязно вступил Меоке. — Поэтому он и не спешил. Что-то съедобное было?

— Замолчи, Меоке, — оборвал его Советник, и снова обратился к Ллойву. — Почему ты отказался от охраны? Этого бы не случилось!

— Этого бы не случилось, если бы ты держал в узде своих подкормышей! — резко возразил Ллойву. — Я просил не опустошать дианоме. Сократить расход энергии. Это значит всех! И оперу, и твои любимые рестораны и все, что может обойтись без подпитки Окто! Ты сказал, что услышал меня!

— Но это же премьера, Ллойву... — жалобно проблеяла Мильен, беспомощно взглянув на отца.

— Есть сферы нашей жизни, где энергетические дуги необходимы, как воздух. Опера не входит в их число, — четко проговаривая каждое слово, парировал страций. — К тому же в газете снова наврали, все было не так...

— Я дал добро на один день, — кивнул Советник. — Один день. Ничего бы не изменилось...

— Видимо, изменилось.

— Не ссорьтесь, — умоляюще протянула Мильен.

— Да, давайте выпьем, — встряхнулся Дженве. — Вина! — И он подставил свой бокал

официанту. Лакей в черной ливрее пошел по кругу разливать прохладный напиток в подставленные сосуды. Советник брезгливо скомкал новостной листок и отшвырнул его от себя.

— Я думаю, отец прав. Тебе нужен стат-кабистер, — согласился Дженве. — Мейе Горр вполне подходит. Я слышал, он как раз в городе.

— Я подумаю, — кивнул страций.

— Братец, — Мильен подняла бокал. Ллойву любезно улыбнулся, салютуя своим бокалом.

— Да, — Советник встал, — вспомним, для чего мы собрались. Милая астера Альма. Я рад, что ты войдешь в нашу семью.

Альма кокетливо улыбнулась.

— Мой средний сын не прост характером, — продолжил Изольтар, обращаясь, казалось, только к ней. — Тебе придется запастись терпением. Увы, это, похоже, наследственное. — И за столом с облегчением рассмеялись. — Но я могу обещать тебе одно, войдя в нашу семью, ты не пожалеешь. За тебя! — И Изольтар протянул бокал к высокому сводчатому потолку. Все за столом повторили его движение, и вино было выпито. После этого официанты начали разносить горячее.

— Ну так, что произошло сегодня? — не отступил Советник, поворачиваясь к сыну, пока все занялись едой.

— Шахтеры протестовали против ограничений, — Ллойву потянулся к своему блюду. С самого утра им с компаньоном пришлось пробыть в Окторуме. — Они считают меня виновным в отключениях.

— Где были страты? — поинтересовался Дженве, уже приступив к мясу.

— Недалеко, но они все равно не успели.

— Тебя могли убить!

— Нет. Врядли.

Советник хмуро взглянул на Ллойву из-под бровей.

— Это тебе не росчерки на щеках оставлять, — коротко бросил он, наконец, придя к какому-то решению.

Дженве рассмеялся.

— Я, к сожалению, только мельком слышал эту историю. Расскажи, — Ллойву едва заметно покосился на Альму, увлеченную беседой с Меоке.

— После.

— Хорошо, — согласился легиотер.

— Не вижу повода для гордости, — холодно заметил Советник, промокнув губы салфеткой. — Ты повел себя необдуманно.

— Я тоже не понимаю, чем он так гордится, — кивнул Ллойву, отпивая из бокала. — Зато в другой раз, криво улыбаясь, он вспомнит, для чего нужна голова.

— Не паясничай, — прошипел Советник, а затем громко обратился к невесте. — Где бы ты пожелала отметить свадьбу, дорогая?

— Я пока не думала. Мы... — сразу поправилась астера.

— У меня есть для вас предложение. У нас на поверхности есть имение, — Ллойву и Дженве одновременно застыли в удивлении. Ллойву прочитал по губам брата «Имение?». — Называется «Орел на вершине». Прекрасное место! Виды великолепные! Тишина! Давайте перенесем свадьбу туда.

— Я, право, не знаю, — смутилась Альма. — Отец не очень любит бывать на поверхности.

— Я уговорю его! — заверил Советник. — Правда же, Ллойву? Мне кажется, отличная идея!

Ллойву растерянно кивнул.

— Да, возможно.

— Давайте назначим дату.

В это время лакей распахнул двери и вошли еще пара гостей.

— Тиллу! — Советник поднялся из-за стола. — Говорили, ты не придешь!

— Наглая ложь! — воскликнул Тиллу Гайо, помогая супруге занять место рядом с дочерью за столом. Невзрачную компаньону оттеснили на край стола.

— Что ж, рад, рад, — развеселился Советник. — Мы как раз обсуждали дату прекрасного события.

— Как и предполагает традиция. Тридцать дней, — важно сказала Сильвана Гайо.

— Вина! — распорядился Советник.

— Я как раз уговариваю молодых отметить событие у нас в имении на поверхности.

— Фууу, — Скривилась Сильвана. — На поверхности? Вместе с людьми?

— Нет, ни в коем случае! — Советник улыбнулся. — Имение расположено высоко в горах. Изолировано от всех. Виды — просто потрясающие. К тому же там бьют горячие ключи. Воздух — не сравнить со здешним.

— Ты умеешь уговаривать, — рассмеялась Сильвана.

— Да, этого не отнять, — проговорил Ллойву, вытирая губы салфеткой.

— Ты что-то сказал? — наклонился Советник.

— Я сказал, что твоему дару убеждения стоит позавидовать, — повторил Ллойву громко. Дженве спрятал улыбку в бокале, отпил немного.

— Ну, так что?

— Мы подумаем, — кивнула Сильвана. Невеста сидела рядом, напряжённая и не улыбкавая. Официант подлил ей вина, и она сразу опустошила бокал.

— Не усердствуй, — прошептал Ллойву, склоняясь к нежному уху, кокетливо обвитому серебряными локонами.

— Ты мне еще не муж, — тихо ответила Альма, улыбаясь, чтобы все выглядело невинно. Ллойву положил свою ладонь поверх ее, надеясь привлечь внимание к своим словам, но астера выдернула пальцы. Дженве отвернулся, стараясь не стать свидетелем драмы.

— Тост за вас! — Советник поднялся, обращаясь к родителям невесты. Все подняли бокалы. — За то, что вырастили столь прекрасный цветок.

— Ты прав мой друг, ты прав, — согласился Тиллу. Снова зазвенел хрусталь и полилась оживленная беседа. Меоке всеми силами старался развеселить невесту, но это ему никак не удавалось. Ни похождения его в легионе, не пошлые фельетоны не вызвали даже тени улыбки на лице красавицы.

— Ты так меня ненавидишь? — прошептал Ллойву невесте на ухо.

— Нет, — Альма дерзко взглянув на жениха, усмехнулась. — Это слишком для тебя. Я тебя презираю.

— Отчего же? — Ллойву чуть развернулся к ней, пока остальные увлеченно обсуждали достоинства горного курорта.

— Ты мне противен. Вот и все. Из всех асатров любая меньше всего хотела бы лечь в

твою постель, — Альма залпом выпила еще один бокал. Ллойву отвернулся от нее. В висок снова ударил приступ головной боли.

— Прощу извинений, — страций поднялся.

— Куда ты? — удивился Советник.

— Я хочу проведать своего компаньона.

— С ним все в порядке, — рассмеялась Мильен. — Брось, Ллойву. Это несерьезно!

— Пусть идет, — отрезал Советник, и Мильен отстала, хотя взгляд ее выражал возмущение, негодование и досаду.

С облегчением Ллойву вышел из-за семейного стола. Кто знает, отчего последнее время ему было душно среди них. Возможно, оттого, что он никак не мог оправдать ожиданий Советника. И никогда не оправдает. Ноги сами понесли его в сад. Там, на веранде, по-прежнему, как в старые времена, стояли столы и стулья для завтраков. Ллойву прошел по крепко подогнанным доскам и с облегчением опустился в плетеное кресло. Слуга, увязавшийся за ним, принес трехголовый канделябр, чтобы разогнать тьму перед страцием.

— Благодарю, — кивнул Ллойву. Тишина приятно холодила мысли, а легкий ветерок обдувал лицо. Альма считает, что приносит себя в жертву ради семьи. Какое совпадение. Они оба ненавидят друг друга. Прекрасный брак. В виски снова ударило. И вновь из-под земли раздался низкий гул, сопровождаемый редкими сильными толчками. Вскоре все к этому привыкнут. И перестанут задавать вопросы, отчего так происходит.

Теперь стучало в обоих висках. Ллойву устроился как можно удобнее в плетеном кресле и закрыл глаза. Отец снова будет недоволен, что он покинул прием. Что ж, так тому и быть. Потянулись минуты приятной неги в полной тишине. Идиллию нарушала лишь головная боль. С неудовольствием Ллойву уловил чьи-то шаги.

Глава 12 в которой гаснут звёзды

— Ты снова бежишь? — услышал страций над собой мужской голос. Дженве. Ллойву открыл глаза. Дженве походил на витязя из сказок, что как водится приходит в последний момент и спасает всех от неминуемой гибели. Таким он представлялся теперь, с этой своей бородкой и честным лицом. Ллойву в шутку представил себе, на кого похож он сам в этой сказке. Скорее, вечно суевающийся алхимик — самоучка, к тому же какой-нибудь горбун. В конце сказки уродец неизменно погибает, чтобы освободить место для витязя на пьедестале.

— Я не бегу, — улыбнулся Ллойву. — Просто скверно себя чувствую.

— На меня вывалили целый ворох новостей по приезде, — вздохнул Дженве и прошел к креслу по другую сторону стола. Он поставил принесенные с собой бокалы с напитком на столик. — Не знаю, чему верить. Говорят, ты был почти при смерти?

— Врут, — улыбнулся Ллойву, поворачивая голову на подголовнике в сторону брата.

— Хм. Играем в «правду и ложь»? — Дженве лукаво улыбнулся.

— Давай сыграем.

— Ты загремел в госпиталь?

— Правда.

— Все серьезно?

— Ложь.

— Теперь ты здоров?

— Почти. Мне надо закончить этот проект.

— Окто?

— Да, — Ллойву задумчиво взглянул вверх. — Мы думали, что это пустяки, что все можно исправить, как всегда было. Но, кажется, мы ошиблись. И пребываем в заблуждении.

Дженве задумчиво перевел взгляд в черное небо.

— А отец? — спросил он.

— Отец занял непонятную мне позицию. Осознавая всю серьезность ситуации, он не желает ничего предпринимать.

— Он что-то задумал, — кивнул Дженве. Поднял свой бокал. — За тайные знания!

Ллойву рассмеялся и потянулся за вторым.

— За тайные знания, — они чокнулись и выпили. Дженве снова обратил взгляд к небу.

Помолчали.

— Звезды погасли, — сказал легиотер. — Никогда не думал, что это возможно.

— Что? — Ллойву взглянул в черное небо. И верно, звезды, что древние астрономы посадили на искусственный купол в память о прародительнице Астэллота, исчезли. — Боги...

— Это плохо? — Дженве отпил из бокала огромный глоток, почти до дна.

— Вероятно. Наверное, следовало ждать чего-то подобного. После сегодняшнего. Мне надо вернуться в Окторум.

— Не сегодня, — сказал Дженве, поворачиваясь к брату. Ллойву подумал, прислушиваясь к себе.

— Не сегодня, — скрепя сердце согласился он.

— Расскажи, что произошло сегодня на площади, — попросил легионестер.

— Было несколько десятков илоев, одетых в шахтерские робы. И это было не на площади,

а на подъезде к Окторуму. Что очень предусмотрительно. Там стратов кратко меньше, и врядли попадутся посторонние — Ллойву потянулся к своему бокалу. — Мне показалось, что это было проплаченное событие, мы старались не убить друг друга...

— Как интересно. И кем же?

— Пока не знаю. Быть может, Кримм... Хотя... Гильдии не действуют так грубо. Их оружие — перо.

— Это было направлено против тебя? Как считаешь?

— Раз это оказалось в вечернем новостном листке, скорее, против Советника. Это сигнал ему. Так что будь осторожен. Быть может, они не остановятся на мне.

— Тебе нужен стат-кабистер, Ллойву. Дело принимает серьезный оборот.

— Не уговаривай. Если это будет Мейе, то я соглашусь.

— Вот и договорились, — рассмеялся Дженве, поднимая бокал. Снова чокнулись и выпили.

— Теперь расскажи про Кейме с Дойве. Я слыхал только мельком. Ты научил его держать язык за зубами? — хохотнул Дженве.

— Было много любопытных, — отмахнулся Ллойву. — Пришлось соблюсти приличия.

— Он вызвал тебя? Как ему хватило запала?

— Он набрался до самых ушей, чтобы это сделать, — усмехнулся страций. — Пьяный Дойве с клинком наперевес, почти что драма...

— Он всегда был задирой. Помнишь, в детстве он постоянно цеплялся к Меоке, — заметил Дженве. Ллойву рассмеялся воспоминаниям.

— Да, а Меоке, как воробей, насакивал на него. Всегда ходил весь в синяках и ссадинах.

— И ведь даже не жаловался, воробушек, — покачал головой Дженве. — Упрямый, как и ты. Помнишь? Как ты бился с мастером Куто за право заниматься со всеми? До последнего, и победил...

— Да, брось, это отцовский характер. Он раздает его направо и налево, вот уже чего ему воистину не жаль... — Ллойву пригубил из бокала. Снова взглянул в пустое черное небо. — Надолго ты приехал?

— У меня отпуск до твоей свадьбы, а затем я снова на службу.

— Что ж. Я рад.

Братья посидели еще немного, воскрешая события детства и юности. Лакей принес им бутылку вина, и она была выпита под хохот и звенящие в памяти воспоминания. Он провели на веранде почти весь вечер, пока вечерняя прохлада не превратилась в ночную сырость. Потом их прервал визит самого Советника.

— Так, господа! — сурово оборвал он веселье. Дженве и Ллойву, уже порядком выпив, поскольку за первой бутылкой последовала и вторая, и третья, обернулись на звук. — Что происходит? Ллойву! Ты поступаешь неразумно. Там тебя ждут гости!

— У них есть ты! — рассмеялся Ллойву. — Я там не нужен.

Советник подошел ближе. С неудовольствием отметил развязные, неуверенные движения обоих.

— Ты пьян? — удивился Советник.

— Отец, — поднялся Дженве. Легионера чуть покачивало от выпитого. — Это я виноват... Я предложил выпить...

— Сядь, Дженве, пока не упал! Боги что с вами! — рывкнул Советник. И Дженве тотчас

опустился на место. Непонятно с чего, ситуация развеселила легионера и его вдруг пробрало на хохот. Он так заразительно смеялся, что Ллойву оглянулся на брата и расхохотался тоже.

— Непонятно, отчего веселье? — недовольно спросил Советник. — Ллойву! — Гаркнул он. Страций тотчас поднялся и встал, заложив руки за спину.

— Я слушаю.

— Какого черта ты делаешь? — громко спросил Советник. — Ты должен быть в другом месте! В гостиной, вместе с невестой! А не напиваться здесь, в этой норе!

— Это твой дом вообще — то, — фыркнул страций. На лицо Советника опустилась непроницаемая маска. Он быстро и резко ударил стоящего перед ним сына по щеке. Оплеуха качнула страция в сторону, но он устоял на ногах. Дженве почувствовал, как хмель сразу сошел. Легионер тоже поднялся.

— Отец....

— Ко мне в кабинет. Оба, — коротко и веско отрезал Советник и ушел, тяжело ступая. Дженве поплелся следом. Ллойву потер щеку и нехотя отправился за братом.

Пропустив обоих братьев в рабочий кабинет, Советник вошел тоже и закрыл за собой дверь. Звук поворачиваемого в замке ключа прозвучал как приговор. Оба провинившихся встали перед Советником, стараясь не качаться. Изольтар присел на свое кресло. Долго время молча разглядывал обоих. Ллойву снова надел свою маску, которая так всегда раздражала, никакие эмоции не отражались на его лице. Он просто стоял, заложив руки за спину, и вперив взгляд куда-то за пределы комнаты. След от удара медленно светлел на его щеке. Дженве, напротив, всем видом выражал раскаяние. Он вытянулся по стойке смирно, и прятал глаза от прямого контакта со взглядом Советника.

— Вы что себе позволяете? — тихо начал Советник, выдержав паузу. Поднялся, прошел к братьям, встал напротив Ллойву. — Ты что себе позволяешь?

— Отец, это я виноват, — протянул Дженве.

— Молчи! — Советник грозно сверкнул глазами в его сторону. И снова к Ллойву — Все, что требовалось от тебя сегодня, это улыбаться и быть любезным, это ведь тебе не трудно? — Ллойву не ответил, и это отчего-то разозлило Советника еще сильнее. Он снова сильно и хлестко ударил его по щеке, на этот раз по другой. Ллойву снова качнуло, но он устоял и в этот раз.

— Отвечай мне. Это невыполнимо? — едко спросил Советник.

— Выполнимо, — согласился Ллойву. Дженве сжал зубы. Отец постоянно перебарщивал с воспитательными мерами в детстве и юности, и теперь, как будто, все вернулось, словно и не уходило.

— Так почему ты не сделал того, чего от тебя ждут? — разделяя каждое слово, спросил Советник. «Скажи что-нибудь, ответь», — умолял Дженве брата. — «Он ведь не остановится»

— Я не желал портить вам вечер. У меня разболелась голова, и я вышел на воздух, — оправдывался Ллойву.

— Я нашел его в саду и предложил выпить за встречу, — вставил Дженве.

— Молчи! — прикрикнул Советник на первенца. — Я спрашиваю не тебя сейчас.

Дженве стиснул зубы.

— Покинуть гостей надолго посреди вечера — верх неуважения. Тем более, что там твоя невеста и ее уважаемые родители. Ты — наглец, Ллойву. Всегда им был и, по-

видимому, останешься. Тиллу может сейчас разорвать помолвку. И будет прав. Ты должен извиниться перед ними. Этот брак должен состояться.

— Хорошо, — согласился Ллойву. — Я извинюсь, хоть сейчас.

Советник брезгливо скривился на это.

— Когда протрезвешь. Сейчас даже показываться не смей в гостиной!

— Я настолько плох? — усмехнулся Ллойву.

— Не думаю, что ты в состоянии сейчас, — походя заметил Советник. — Надо бы отправить тебя домой под арест на сутки.

— Не так уж много мы выпили, — протянул Дженве, поняв, что опасность миновала. — Детская доза.

Советник подступил к старшему сыну и тот напрягся.

— Все бы выглядело невинно, если бы вы не посмели сделать этого в моем доме! Останетесь здесь, пока я не провожу уважаемых гостей. Я извинюсь за тебя, Ллойву, а завтра ты сделаешь это сам.

Дженве выдохнул. Вроде обошлось. Советник прошел между братьями, невзначай коснувшись обеих руками где-то в районе шеи. Оба услышали, как повернулся ключ в замке, чтобы отворить дверь, затем створка хлопнула, и ключ повернулся еще раз.

Дженве выдохнул, и тотчас напрягся снова. Тело не подчинялось ему. Все мышцы застыли ровно в той позе, в какой их застало прикосновение Советника. Кроме мышц лица.

— Вот подонок, — выругался Дженве. — Он опять это сделал.

Ллойву рассмеялся. Он тоже застыл посреди кабинета, с заложенными за спину руками.

— Чего ты ржешь? — недовольно спросил Дженве.

— Р-разве не смешно? Нам придется стоять здесь, пока он не вернется...

— Молчи, пьянь, — рассмеялся и Дженве.

— Кто бы говорил! — хохот сотрясал тело, но даже он не мог разбить паралича, что сковал обоих.

— Во имя всех богов! Нос зачесался! — застонал Дженве сквозь смех.

— Оближи его... — хохотал Ллойву. — Меня беспокоит другая проблема.

— Какая? Что может быть хуже чешущегося носа? — не унимался Дженве.

— Надолго ли это?

— Он ведь может оставить нас и до утра... — вздохнул Дженве. — Помнишь, когда мы раскошмарили окно на веранде.

— Да, было жестоко, — согласился Ллойву. — Сутки потом все болело.

— И чего он прицепился? — удивился Дженве. — Ох...

— Что? Нос?

— Хуже...

— Сочувствую.

— Ллойву...

— Что?

— Как ты его выносишь?

— Мы с ним не пересекаемся. По большей части.

— А когда пересекаетесь?

— Когда пересекаемся, я его не заносу, — хохотал Ллойву.

— Ты тупица! И шутки у тебя такие же, — беззлобно отозвался Дженве.

— Пьянь, — донеслось в ответ.

- Мне кажется, у меня все затекло уже.
- И пяти минут не прошло, Джев, ты же военный, разве вас этому не учат?...
- Чему?
- Стоять смирно?
- Слушай, умник, ты не можешь все исправить?
- Что именно?
- Разчаровать нас?
- Я же двигаться не могу, как я нас разочарую?
- Ты же семи пядей во лбу, профессор, маг, чародей, придумай что-нибудь!
- Сегодня я бессилён. Маг и чародей ушёл в отпуск...
- Я тебе не верю! — Дженве подергал головой. Словно в плену у собственного тела.
- Ловкач...
- Что?
- Ловкач...
- Слушаю.
- Ллойву...
- Я тебя слушаю, Дженве.
- Придумай что-нибудь.
- Сегодня я бессилён.
- Ловкач...
- Что?

Молчание.

- Ллойву... Ловкач...Отзовись. Ты умер там?
- Нет, я слушаю тебя, Дженве.
- Придумай что-нибудь.
- Я словно вернулся в детство, — рассмеялся Ллойву.
- В детстве ты всегда знал, как нам выпутаться, — прокричал Дженве
- А ты всегда знал, где найти приключений.
- Как видишь, ничего не поменялось, — вздохнул Дженве. — Пить охота.
- Так молчи. Это сэкономит влагу.
- Дурацкая ситуация.

Ллойву не ответил. Возможно, он поступал более мудро, не делая лишних движений, но бездействие выматывало Дженве все нервы. Он был готов рвать и метать. Не было худшего наказания в детстве, чем это.

- Отец просто садист, — наконец выдал Дженве после нескольких минут молчания.
- Да, — последовал короткий ответ. — И он этого не скрывает.

Дженве замолчал. Тело было парализовано, но все чувствовало. Выпитое давно дало о себе знать. Предстояло дожидаться Советника.

- Ллойву...
- Я слушаю.
- Это так унижительно, не находишь?
- Думаю, для этого он с нами так и поступил.
- Чтобы унижить?
- Чтобы указать нам наше место.
- Ну, если тебе так интересней... — Дженве помолчал еще. Потом издал звук, похожий

на смех. — Такого со мной еще не было.

— Заходи завтра ко мне, — предложил страций. — Никто нам не помешает...

— Снова напиться?

— И это тоже.

— Боюсь, после сегодняшнего ты не захочешь со мной пить.

— Да, брось. Когда нам это мешало?...

За пустой болтовней пролетело время. Все мышцы болели от неподвижного положения. Даже Дженве уже потерял желание к разговору. Ллойву тоже молчал. Так их и застал Советник, пришедший, казалось, спустя целую вечность.

— Спасибо, что дождались, господа, — кивнул он, проходя к столу.

— Очень смешно, отец, — отозвался Дженве. Советник улыбнулся, но не спешил снять паралич.

— Надеюсь, урок понятен?

— Более чем, — согласился Ллойву. Советник снова прошел между братьями и коснулся обоих. Оба с трудом сгибая суставы, двинулись на выход.

— Ллойву, я жду тебя завтра. Кажется, нам надо кое-что обсудить, — бросил Советник до того, как створка двери закрылась.

— Урок еще не окончен? — простонал Дженве, когда дверь кабинета осталась позади.

— Видимо, нет, — Ллойву размял шею.

— Ничего не меняется, — Дженве завернул к уборным. — Минуточку...

Спустя время братья встретились в гостиной. Огромные напольные часы показывали без десяти минут три ночной поры.

— Раз ночь уже испорчена, предлагаю продолжить, — кивнул Дженве. — В погребе найдется пара бутылок моего любимого.

— Не возражаю.

— Тогда я вниз. Ты все равно не увидишь, что написано на этикетках...

— Посмотрю, что осталось в кухне, — кивнул Ллойву.

— Встретимся у меня, — Дженве заговорщицки поднял палец. — Только тихо. Главное чудовище должно спать...

— Ты про Мильен? — невинно уточнил Ллойву.

— И про нее тоже... — кивнул Дженве. На том и разошлись.

Ллойву вошел в комнату, что занимал Дженве, раньше, небрежно бросил на столик возле кровати завернутые в полотенце сыр и мясо. Прошел к окнам. Узкая стрельчатая дверь витража открывалась на небольшой балкончик. Ллойву распахнул ее и вышел. Ночь встретила его прохладой и непроницаемой тьмой. Из-за экономии энергии фонари на улицах гасили в полночь. А звезды так и не зажглись. Словно за пределами балкона — бездна, черная непроницаемая бездна. И стоит сделать только шаг, и ты уже там. Ллойву потряхнул видение наклоном головы.

— Я принес четыре. Чтоб два раза не ходить, — донеслось до него. Дженве позвенел бутылками в комнате, затем тоже вышел на балкон, захватив трёхголовый канделябр со свечами.

— Я покурю? — он уже достал портсигар, раскрыл, протянул брату. Ллойву взглянул, что ему предлагают. В коробке лежали рядком ароматные узкие сигары.

— Что это?

— Это новый сорт. У нас там все давно перешли на него, — Дженве взял одну сигару из коробки, сунул в зубы. Ллойву усмехнулся, и тоже вытянул себе одну. Дженве спохватился, поднёс свечу. Прикурил, потом предложил и Ллойву. Оба задымили прямо в бездну.

— Прости, ты вроде бросил... — с запоздалым раскаянием проговорил Дженве, затягиваясь. Ллойву не ответил, с удовольствием пропуская дым сквозь легкие. Помолчали.

— О чем там отец хочет с тобой говорить? — невинно поинтересовался Дженве. — Ты вроде как советником у него? Советник у Советника.

— По части Окто, — Ллойву выпустил кольцо дыма, затем еще одно. — Только по части Окто. В остальном клал он на мои советы. — И рассмеялся.

— Ему вообще никто не нужен, — кивнул Дженве, оглядываясь назад. — Секундочку. Бутылка была принесена и разлита по бокалам. Братья стояли на балконе над кажущейся пропастью, потягивая двенадцатилетнее вино.

— Что там за переполох с Окто? — Спросил легиотер.

— Он умирает, Джев, — Ллойву затянулся и выпустил кольца одно за другим. — Окто умирает, а мы танцуем на его останках. Он жрёт нас... а мы как крысы жрём друг друга... Как тебе такое сравнение?

— Ты стал злым, — Дженве затянулся и выдохнул, — я опасаясь оставлять тебя с ними наедине...

— Что-то происходит, Джев, вчера был переполох на латаровых выработках. Помнишь? Мне кажется, Он проснулся...

Дженве не ответил, молча выпил всё, что осталось в бокале и налил ещё. Себе и брату.

— Дело прошлое, Ловкач, — и в голосе легиотера прорезались угрюмые ноты, — мы это пережили. И возвращаться я не хочу.

— Он не спросит, Джев, Он придёт сам... — Ллойву потёр висок, — Окто ослаб, и теперь эта тварь ползёт наружу...

— Ты уверен? — Дженве снова отпил из бокала, — что это не привиделось им.

— Уверен, я словно опять слышу его. Слышу Окто и его. Эти твари живут в моей голове, — Ллойву впился пальцами в волосы, но быстро взял себя в руки. — Вот так...

— Слияние было десять лет назад! — возразил Дженве, — почему Окто сбоят?

— Это было последнее слияние, — Ллойву отпил из бокала, подумал и отпил еще. — Теперь он желает «раствориться».

— Что значит желает?

— Это и значит. Впитывая с Искрой сознания, он создал себя сам. Создал коллективное сознание «Окто». Теперь мы все у него вот тут, — Ллойву сжал кулак. — Он будет глодать по пути наружу всё, до чего дотянется. А отец все ещё думает, что он здесь всем управляет. Какая наивность...

— Погоди... — Дженве долил из бутылки вина себе и брату. — Он хочет нас убить?

— Отец?

— Окто! И этот второй...

— Окто хочет избавиться от нас, — усмехнулся Ллойву. — Он больше не хочет питать Астэллот. Он устал. И я устал. А эта тварь из латаровой шахты... я не знаю, чего Он хочет... но Он голоден. Почти как Окто. — Он затянулся почти погасшей сигарой.

— Что же нам делать?

— Нам надо вернуться к людям. Думаю, избавившись от Окто мы избавимся и от Него. Мне видится, что они тесно связаны. Это сохранит большую часть жизней. Окто дает нам

время, что бы мы что-то предприняли, но я никак не могу достучаться до Совета.

— А отец?

— Отец требует, чтобы я молчал.

— Странно, — Дженве почесал в голове всей пятерней. — Смерть Окто означает конец всему.

— Точно, — Ллойву отсалютовал своим бокалом брату. — Конец всему.

— Но ты знаешь, как все исправить? — с надеждой спросил Дженве. — Да, Ловкач, у тебя всегда есть план, да?

— Я... Мне не хватает сил, Джев, — признался Ллойву. — Если мы узнаем, откуда подняли Астэллот, Окто поможет нам опустить его на поверхность. Прежде чем «раствориться». Так я понял. Нам надо найти эти координаты.

— Хорошо, где их искать? — с готовностью идти хоть сейчас неважно куда отозвался Дженве.

— В архивах, полагаю, — Ллойву подставил пустой бокал.

— Отлично. Это по твоей части, — с облегчением кивнул Дженве, наливая вино.

— Или в недрах Окто. В Первой Искре, как он говорит.

— Это еще что такое?

— Первые Жертвенные, «слитые» ему. Они могут знать.

— Это проблема?

— Боюсь, из этого путешествия я могу не вернуться, — с усмешкой проговорил Ллойву. — Мне не осилить его.

— Я помогу! — Дженве кивнул для верности. — Давай я пойду вместо тебя.

— Тебя он может поглотить, — Ллойву затряс головой. — Как жертву. Нельзя рисковать.

— А тебя? Тебя не поглотит?

— Со мной у него особые отношения, — рассмеялся Ллойву. — Мы с ним вроде как договорились...

— За это надо выпить, — согласился Дженве. — Это вино разлито в бутылки еще при матери. — Задумчиво проговорил он, поднимая бокал, и силясь разглядеть хоть что-то в крошечной тьме.

— Все в этом мире сделано при ком-то, Джев, — Ллойву опрокинул бокал в рот, подставил снова. — Наливай.

Дженве долил брату и себе.

— Пфффф, — Дженве обвел рукой бездну. — Прошла почти тысяча оборотов. Откуда тебе узнать про координаты?

— Пока не знаю, — сокрушался Ллойву, и вдруг рассмеялся. — Что за вино? Я пьян в доску!

— Еще не предел, братец! — Дженве чокнулся с ним и выпил. — Ты просто долго воздерживался, вот и все. Почему, кстати?

— Без тебя здесь не с кем пить! — возразил Ллойву.

— Эт все объясняет, — удовлетворенно кивнул Дженве, подливая еще. — Пошли в комнату, я опасаясь, что упаду отсюда. — Дженве опасно покосился на кованые перильца. Ллойву приобнял брата за плечи.

— Я скучал, Джев.

— Я тоже скучал, Ловкач, тоже скучал, — Дженве стиснул брата в объятиях так, что

выдавил из него невнятный вдох. — Так выпьем же!

И кутеж переселился в комнату. Братья расположились прямо на полу.

Глава 13 в которой пьянство никого не красит

На следующий день Сигрид проснулся с рассветом в доме Советника. Он хорошо помнил, что предыдущим днем не дождался страция с семейного ужина. И, посчитав, что волноваться не о чем, да и вмешиваться себе во вред, напросился спать в лакейской. Теперь же его мучили сомнения. Надо было убедиться, что пациент лег вовремя. В конечном итоге, — это же Ллойву — как сказал бы доктор Валлар. Теперь уже поздно думать об этом, но надо хотя бы быть уверенным, что он лег. И с этими мыслями Сигрид подступился к обслуге, не смея показываться на глаза хоть кому из Лиров. Сначала он выспросил всё у лакеев. Выяснилось, что господин Ллойву вместе с господином Дженве, старшим из Лиров, пили вчера на веранде и весьма немало. Это уже не хорошо. Значит, все пошло по худшему для всех сценарию. Затем лакей видел, как их уводил Советник в свой кабинет. Это известие порадовало. Значит, он их урезонил. Но последняя новость окончательно добила. Ночью господин Дженве спускался в подвал за вином (его видел один из лакеев), а сторож в саду видел обоих курящими на балконе второго этажа, аккуратно в комнатах господина Дженве. Курящими???

Сигрид выяснил, где находится комната Дженве Лира и поспешил туда. Дверь оказалась крепка, плотно пригнана и закрыта на ключ. Сигрид потоптался у створок, постучал, послушал. Никто ему не ответил. Помявшись в нерешительности немного, Сигрид забарабанил в дверь, рискуя навлечь на себя гнев Советника.

Спустя пару часов Лир, собрались в гостиной к завтраку всей семьей. Во главе стола, как обычно восседал Советник, Меоке и Мильен сели по правую и левую руку. Старшие братья к завтраку не вышли.

— Где он?

— Кто? — невинно спросила Милле, намазывая себе бутерброд.

— Дженве. Уже десять утра!

— Спит, наверное. Мне кажется, они здорово набрались вчера, — отозвался Меоке.

— С чего это? — удивился Советник.

— Они кутили до рассвета, — заметила Мильен, отправляя в рот свой бутерброд, и округляя подкрашенные глаза.

— Кто они? — посуровел Советник.

— Ллойву и Дженве. Их нельзя оставлять вместе. Ты что, забыл? Они теряют всякий контроль... — хихикнула Милле.

— Ллойву нельзя, у него режим, и он об этом знает, — строго сказал Советник.

— Скажи ему это. Они до утра дымили с балкона.

Советник поднялся, с грохотом отодвинув стул. Милле замерла. Советник, ни слова не сказав, отправился прочь из гостиной.

К комнате Дженве Советник подошел в сопровождении крепкого слуги. Подергал за латунную ручку закрытую дверь.

— Ломайте, — коротко бросил Советник и отступил в сторону. Слуга пожал плечами и приналег на створку. После нескольких толчков дверь приоткрылась. Слуга вежливо распахнул двери и отошел в сторону. Советник, готовый рвать и метать, зашел в спальную, пропахшую алкоголем и табаком. Взгляду его открылась картина небрежного веселья.

Комната была пуста, а дверь на балкон распахнута, впуская в помещение свежий воздух. На полу валялись пустые бутылки от дорогого вина. Советник некоторое время молча взирал на эту картину.

— Где они? — спросил он в пустоту. Слуга, стоящий рядом пожал плечами. Зато со спины подросла Мильен. Заглянула, любопытствуя, в комнату.

— Ммм, — пропела она, — братцы снова за свое.

— Если хоть одно упоминание появится в газетах, обоих под арест. В Ромуе! До моего распоряжения! — бросил Советник, разворачиваясь, чтобы уйти. — Уберите здесь.

Мильен почти довольная поворотом событий, догнала отца.

— Быть может, стоит послать за ними?

— Нет,ждемся, пока сами объявятся.

В это время Сигрид торопился в дом на площади Сти.

Пробарабанив в дверь какое-то время, Сигрид понял, что комната пуста, и помчался к каретным сараям. Коляска стояла на месте, распряжённая и брошенная. Вопросы к кродшему дали смутное представление, что оба асатра к утру велели седлать кродов и умчались в неизвестном направлении. И кродший, благообразный седоватый старикан, доверительно склонившись к уху, прошептал, что оба Лира были в сильном подпитии, отчего кроды поначалу не хотели заходить под седло, но потом успокоились. А вот асатры — нет. Они умчались в ночь, и с тех пор их никто не видел.

Ллойву оставил компаньона в доме Советника, а сам нарушая все возможные предписания куда-то пропал. И поэтому, Сигрид, не дожидаясь, пока ему начнут задавать вопросы, спешно покинул дом на проспекте Лита. Что делать, он не представлял. Ни одна инструкция не даёт ответов на такой случай. Вот уж воистину вздорный пациент. Кто бы мог подумать! Господин Лир производил впечатление степенного и благоразумного илюя. Но вот едва они встретились с братом...

Особнячок встретил его привычной тишиной. Садовник молча, открыл воротца в полисадник, засаженный сиренью. Лакей отворил дверь, приглашая войти в дом. Его уже узнавали и, похоже, ждали. Сигрид уже по запаху в прихожей понял, к своему облегчению, что нашел обоих. В гостиной, стащив кресла к открытому окну, закинув ноги на чайный столик сидели оба Лира. На столике стояла ваза полная остатков сигар, из которой безжалостно были выброшены все цветы. Дом вместо привычного аромата сирени, наполнился запахом алкоголя и табака и стал похож по ощущениям на притон.

— Господин Лир, — с укором произнес Сигрид, сдерживая резкие слова. Было понятно, что Жертвенный не ложился со вчерашнего вечера, что никоим образом не похоже на режим, рекомендованный доктором. Тем более в него не входили алкоголь, табак, и ночные верховые прогулки по городу. Следовало немедленно прекратить кутеж, но компаньон пока не представлял как.

Ллойву обернулся, обернулся и Дженве.

— Ба! Эт еще кто? — протянул легиотер, поднимаясь и нетвердой походкой подходя к компаньону.

— Эт мой компаньон. Знакомьтесь, Сигрид, это Джев, Дженве — мой...брат.

Дженве навис над Сигридом, дыша ему в лицо крепким табачным дыханием.

— Не трудись, Сиг... — Жертвенный икнул. — ...грид. Лучше выпей.

Компаньон с трудом переборол себя, чтобы не отвернуться. Повернулся к Ллойву в

последней надежде призвать к голосу разума.

— Доктор Валлар будет недоволен. Алкоголь не сочетается с вашим лечением. Вы не подумали об этом?

— А, точно, — Ллойву кивнул. — Лечение...я з'был про него. Не б'спокойтесь, валите всё на меня. Я вас з'ставил...

— Скрутил! — поддакнул Дженве, широко улыбаясь, — и привязал к кровати в лакейской! Смутьян!

— Ещё какой, — кивнул Ллойву, расслабляясь на своём кресле, — спроси у папеньки, он тебе расскажет, насколько я б'знадѐжен...

— Мы все безнадёжны. Сколько знаю, ему не нравится ничего, что не укладывается в его версию вселенной, — Дженве фамильярно приобнял Сигрида за плечи, отчего компаньон напрягся и застыл, опасаясь двинуться с места. — Проходи, Сигрид, чем тебя угостить?

— Благодарю, асатр Дженве, я сыт. Я бы настаивал на выполнении предписаний, — проблеял Сигрид куда-то в сторону, незаметно освобождаясь от объятий.

— Пффф, — фыркнул Ллойву, — такая мелочь...

— Для вас это не мелочь! — возразил компаньон, — вы и сами знаете!

— Знаю... — Ллойву вдруг потух и отвернулся.

— От чего тебя лечат? — поинтересовался Дженве, проходя обратно к креслу.

— От всего, — протянул Ллойву. — От удара, от жизни...

— От смерти, — возразил Сигрид.

— От скуки? — спросил Дженве.

— От скуки не лечат, она надёжно держит в когтях весь Аст'Эллот, — затряс головой Ллойву, снова настраиваясь на бесшабашный лад. — Или выпейте с нами или идите к себе, Сигрид. — Развязно бросил он.

— Быть может, вам хватит? — робко спросил Компаньон. — И стоит пойти отдохнуть?

— Хватит и того, что мы сидим здесь тихонько как мыши, — прошипел Дженве. — Вместо того, чтобы идти к шлюхам.

— Тшшш, — Ллойву прижал палец к губам. — А как же твоя супруга, Джев? Не гневь богов!

— Что? Шлюхи услышат и придут сами? — возмутился Дженве. — Моя супруга, как и твоя, кстати, — Дженве нацелил на брата палец, — будущая, ненавидит меня. Это, похоже, уродливо-семейное... Как это... Наследие, мать его...

— Я пойду, пожалуй, буду у себя, если понадобится, — вяло пробормотал Сигрид, осознав, что переубедить асатра лечь в постель, пока они вдвоём, не удастся, и скрылся в своей комнате.

Ллойву рассмеялся.

— Я что? Не прав? — возмутился Дженве.

— Ты всегда прав, братишка, всегда! Но не забывай, что ты женат, а это накладывает определённые обязательства...

— Плевать. Почему мы никуда не идем?

— Потому что Советник нас приѐдет, — Ллойву поднял палец. — Прямо на шлюхах. Весьма занятные выйдут з'головки в утренних новостях. Т'кого про меня ещё не писали... Кто-то знатно порадует. Или разочаруется...

Дженве расхохотался, представив себе картину. Он потряс пальцем перед носом брата.

— Ты пра-а-ав. Черт тебя дерит, Ловкач, ты всегда прав. Отчего ты всегда прав? — Дженве полез обниматься. — Помнится, за дебош отец сажал нас Ромуе под замок на несколько суток... Какие были времена... Куда делось все веселье, Ловкач?

— Стерлось... — пожал плечами Ллойву. — Мы повзрослели... стали умнее.

— Скучнее, — скривился Дженве. — Словно серый тусклый день...

За окном снова загудела земля, на этот раз тяжело, с воем. Ллойву скорчился в кресле, сжимая голову в руках.

— Боги... — простонал он сквозь зубы. — Джев... это Он... Он рядом...

Хмель тотчас выветрился, когда в голове начал простреливать разряд от виска до виска в такт гудящей за окном земле.

— Что? — Дженве, ничего не понимая, не в состоянии реагировать, посмотрел на брата. — Что с тобой? Позвать этого... Как его...

Гул не утихал, перерастая в оглушительный треск. Ллойву вцепился в кожу головы ногтями, словно пытаясь выдрать из нее источник, разрывающий череп на части. Дженве постепенно нагревался до состояния паники. Наконец, до размягченного сознания дошло, что надо делать.

— С-грид! — он рванул из гостиной. — Эй! Кто-нибудь!

Сигрид услышал гул и крики и выглянул из дверей в тревожных предчувствиях. На него из коридорчика налетел Дженве, схватил за ворот и потащил в гостиную.

— Что... Что случилось? — ничего не понимая, вопрошал компаньон. Дженве притащил его к брату. Сигрид мигом оценил ситуацию и побежал за своим саквояжем. Дженве растерянно смотрел, как Ллойву закрыв глаза и обхватив голову руками, пытается выровнять дыхание. Ладони его на висках тряслись так, что легиотер по-настоящему испугался.

— Я здесь, братец, — Дженве сел на колени рядом, положил руку на плечо.

— Я сделаю инъекцию, — запыхавшись, прибежал Сигрид. Голос предательски дрожал. — Алкоголь в крови очень не к стати... Сколько вы выпили?

— Что? — не понял Дженве.

— Сколько вы выпили? — до чего непонятливый.

— Не знаю, — растерянно пожал плечами Дженве, — пару-тройку бутылок... Детская доза...

— Помогите, — Сигрид начал разгибать правую руку больного. Но мышцы, скованные судорогой никак не желали подчиняться. Дженве сдал плечо брату и мягко отвел руку в сторону. Сигрид все приготовил для инъекции и аккуратно ввел иглу в вену. Для таких случаев не было инструкций, и Сигрид очень надеялся, что его решение не приведет к худшим последствиям. Здесь или принимать решение тотчас, или ждать приезда доктора Валлара, что грозит потерей драгоценного времени. Как ни крути, одинаково опасно. Гул за окном постепенно стих, оставляя после себя тревожную тишину.

— Слышишь меня, Ллойву? — жалобно спросил Дженве. — Ты здесь?

— Да, — Ллойву медленно помассировал висок. — Здесь. Благодарю...

— Ты напугал меня, — выдохнул Дженве. Сигрид прижал место укола и согнул руку больного в локте. Ллойву обмяк и почти перестал реагировать.

— Нельзя столько пить! — посетовал Сигрид. Ллойву усмехнулся, закрывая глаза. Краски медленно возвращались на его лицо, только темные тени под глазами наливались, казалось, еще сильнее. — Вы же знали об этом!

— Знал, — как эхо согласился Ллойву, потирая висок.

— Что теперь? — растерянно спросил Дженве.

— Ступайте спать, господин Лир, — осмелился приказать компаньон. — Оба.

Дженве скорчил гримасу.

— Вот так сразу?

— Да. Господину Лиру необходимо соблюдать режим, и никаких нагрузок на сердце!

Вы же видите... Это опасно!

— Ты похож на рассерженную мышь, — хохотнул Дженве. — Хорошо, Ловкач. — Он накинул себе на плечо руку брата и легко поднял его с кресла. — Твой компаньон велит тебе лечь в постель.

— Какая ирония... — выдохнул Ллойву, обвисая на брате.

— Идем, — Дженве потащил хозяина дома в спальную.

Сигрид с неудовольствием отметил череду бутылок под столом и гору окурков в вазе. Ближайшие часы для обоих Жертвенных легкими не станут. Как и для всех в этом доме.

Как ни странно, асатры угомонились сразу же. Сигрид осмелился подняться наверх, в спальную, и ему открылась занимательная картина. Ллойву Дженве закинул на постель, а сам прилег прямо на полу. Отец, приходя после смены, напивался ровно так же. После пробуждения обоим понадобится лимонный морс. Сигрид спустился в кухню, чтобы дать распоряжения. Горничная прибрала в гостиной, и теперь весь дом проветривался от въедливого запаха табака и алкоголя.

Жизнь вернулась в дом только к позднему вечеру. Ллойву спустился в гостиную сам.

— Боги, Сигрид, что произошло? — удивился он, увидев распахнутые настежь окна. — Пожар? Погром?

— Вы не помните? — удивился компаньон.

— Частично, — Ллойву коснулся головы, словно желая убедиться, что она на месте. — Дженве приехал.

— Вы пили у Советника, а затем отправились путешествовать, а к утру приехали сюда, — вкратце описал компаньон.

— А, точно, — Ллойву свернул в гостиную и осторожно опустился в кресло. — Мы вели себя смиренно, я надеюсь?

— Более чем, — кивнул Сигрид.

— Что ж, это радует, — Жертвенный коснулся виска снова. — Принесите воды.

Сигрид сходил на кухню за приготовленным лимонным морсом, поставил кувшин и стакан на столик перед страцием.

— Благодарю

Сигрид дождался, пока Ллойву утолит жажду.

— Куда вы стремились посреди ночи? — осмелился он спросить.

— Что? — не понял страций.

— Говорят, вы уехали верхом из дома Советника.

— О, — Ллойву задумался, пытаясь воскресить в памяти события прошедшей ночи, — кажется, мы хотели попасть к Тёмному пределу. Дурная затея, и бестолковая. Кажется, мы заблудились, но я плохо помню. Дженве расскажет лучше...

— Завтра приедет доктор Урт, помните?

— Помню, — скривился страций, — ещё один бестолковый визит.

— Желаете ужинать? — подступилась кухарка

— Н-нет, нет, благодарю. Позже, когда Дженве спустится.

— Не уверен, что он сможет смотреть на еду, — проворчал Сигрид. — Такое количество алкоголя валит крода!

— О, это не про Дженве, — рассмеялся Ллойву, — вы не читали? Он удивительно крепок. Наверное, поэтому его и держат за при-легиотера, впрочем, я не силён в рангах.

— А вы? Зачем надо было так напиваться?

— Вы похожи на мою жену, хотя ей-то как раз было бы всё равно, — усмехнулся страций, — это очень трогательно, Сигрид, но иногда излишне.

— Вы пропустили прием лекарств. Два раза, — укорил его Сигрид. — Необходимо провести сеанс иглоукалывания и массажа.

— Я не виноват, — Ллойву вскинул на компаньона невинные глаза. — Ваши травы не сочетаются с алкоголем, к сожалению. А ваши сеансы могут и подождать. Ими вы потчуете меня ежедневно, а братец приезжает раз в год.

— Вы могли не пить.

— Увы, уважаемый, не мог. В доме Советника невозможно не пить, — Сигрид решил не развивать тему больше.

— Отец желал меня видеть сегодня. Припоминаю такое... — Ллойву поднялся. — Я съезжу один. Приглядите за братом.

— Вы уверены? — насторожился Сигрид.

— Абсолютно, — затем Жертвенный отправился наверх, чтобы освежиться и привести себя в порядок.

Глава 14 в которой наступает время гнева

К Советнику Ллойву попал уже с наступлением темноты. Предстояло выслушать очередную лекцию о вреде алкоголя на репутацию, но к этому он был готов. Почти. Советник принял его в своем кабинете. Изольтар Лир был суров и непреклонен за огромным столом, защищавшим его от любых возражений. Ллойву, как обычно, накинул на себя маску безразличия, и встал перед Советником, заложив руки за спину.

— Наконец-то! — с издевкой проговорил Изольтар. — Я ждал новостей из газет...

— Сплошное разочарование... — согласился Ллойву.

— Где Дженве?

— Отдыхает у меня...

— Отдыхает? — бровь Советника поползла вверх. — Чем же он себя перетрудил?

— О чем ты хотел поговорить? — оборвал его Ллойву.

— Ах, да, — Советник поднялся и обошел стол, присел на столешню, сократив расстояние до собеседника до двух ладоней. — Я желал поговорить о предстоящей свадьбе.

— Я думал, что Окто станет темой нашей беседы. И происшествие в Темном пределе. Ты в курсе, надеюсь. Это много важнее.

— Без сомнений. Скажи только, ты согласен со мной?

— В чем? — не понял Ллойву.

— Что свадьба перенесена на поверхность.

— Мне, право, безразлично. Ты можешь играть, сколько вздумается.

— И тебя не заботит, что играю с твоей жизнью? — усмехнулся Советник, надеясь вызвать хоть сколько живой отклик на свои слова.

— Ты делаешь это с самого начала, еще один ход не изменит общей картины.

— Тебе настолько безразлична собственная жизнь? — Ллойву замер на мгновение, затем губы его раздвинула холодная усмешка.

— Едва я пытаюсь оторвать твои руки от нее, ты угрожаешь мне. Поэтому, развлекайся, отец.

— Все не так, — сокрушаясь, покачал головой Советник. — Просто ты не видишь целой картины. Я всю жизнь защищаю вас.

— От кого?

— От мира! — Советник вздохнул, успокаиваясь. — Нас осталось мало. Наша задача — сохранить наследие.

— Я по своей наивности полагал, что наше наследие — Аст'Эллот.

— Он лишь часть его. Главное, это то, что сокрыто в нашей крови. Искра. И ее мы должны сохранить любой ценой.

— К слову об этом, — Ллойву переступил уставшими вдруг ногами. — Позволишь сесть?

— Разумеется.

Ллойву разыскал себе стул и сел перед Советником, и теперь казалось, что тот нависает над собеседником.

— Я выяснил, как ним вернуть остров. Почти... Это решит обе наши проблемы, я уверен.

— Как интересно. И как же? — заинтересовался Советник.

— Я... нам надо разыскать координаты, откуда на поверхности подняли остров. Тогда мы сможем проложить для него путь назад. И он вернется в мир людей.

— Ох, Ллойву... — Советник покачал головой. — Опять ты за своё. Нужно ли это?

— Отец, звезды погасли! — Ллойву подался вперед. — Ты видел? Даже если нет, кто-то точно обратил внимание! Окто постепенно угасает. Из-за этого начинают гибнуть илои. Нам или попытаться, или погибнуть!

— О, нет, — Советник улыбнулся. — Только не нам.

— Что это значит? — Ллойву вдруг замер.

— Мы уходим, Ллойву. На поверхность. Через северный портал.

— Кто это мы? Илои?

— Жертвенные. Все мы уходим. Кто желает, может уйти с нами. Остальные... Что ж. Быть может, они и останутся живы. Где-то без времени и без пространства.

— Нет, нет, нет. Давай попытаемся! Подумай только, сколько это жизней, — голова снова загудела, точно колокол. — Мы обязаны... Наша...

— Мы не обязаны, сын. Долгие столетия мы кормили модуль своими жизнями, а в ответ слышали лишь страх и презрение. Слишком долго. Теперь нас осталось так мало. Илои жили, дышали, питались за наш счет. Теперь мы говорим, довольно.

— Все не смогут уйти, — глухо проговорил Ллойву. — Ты же знаешь это. Они — это мы. Неотъемлемая часть нашего народа...

— Знаю. Портал не сможет пропустить всех. Здесь вопрос времени. Уйдут те, кто достоин спасения.

— И кто же определит достойных? Ты?

— Я. Можешь ты...

Ллойву покачал головой.

— Это... жестоко...

— Это жизнь, мой сын. Тебе просто повезло родиться в числе избранных. Просто прими это и все. Тебе надо собраться.

— Я хочу попытаться опустить остров, — глухо проговорил Ллойву.

— Тебе не хватит сил, — Советник по-отечески ласково положил руку на плечо сыну. — Ты и сам это понимаешь. Это провальная затея.

— Так помоги мне... — Ллойву поднял глаза на отца. Советник встретил взгляд твердо и выдержал его.

— Это будет пустая трата сил, сын. Если ты найдешь добровольцев, а я сомневаюсь, что ты их найдешь, то может быть у тебя получится. Шансы малы, но даже малейшая возможность провала никого не вдохновляет. Все семьи согласны со мной. Ни грамма нашей крови мы больше не отдадим.

Ллойву тяжело оперся о спинку стула. Новость придавила ему грудь свинцовой плитой. Казалось, что в этот миг и сердце решило предать его. Дыхание сбилось, а сердце стучало в ушах неровными частыми толчками. Все тело потяжелело. Ллойву беспомощно поднял глаза на Советника.

— Позволь мне попытаться, — прошептал он.

— Ну, разумеется, — согласился Советник, опускаясь перед сыном на колени. На лице его отразилось подобие сочувствия. — Но ты один ничего не сделаешь, и знаешь это сам. Тебе нехорошо? Что я могу сделать?

— Дай мне доступ к Протосу. И к архивам Инститоса.

— Ты его получишь, — Советник поднялся, потрепал сына по плечу. — Но через четырнадцать дней тебе надо будет быть у телепорта. Смирись.

Ллойву опустил глаза.

— Завтра доктор Урт составит заключение, а послезавтра ты выступишь перед Советом в неформальной обстановке. Без Протоса. Будь убедительным, прошу.

— Я... не уверен, что смогу...

— Сможешь, — заверил Советник. — Подумай о панике, которая может возникнуть после твоих слов.

— Здесь... мои слова...уже не...имеют...значения... — Ллойву невольно вцепился пальцами в мундир на груди.

— Я открою окно. Где твой компаньон?

— Дома... — Ллойву старался дышать ровно и глубоко. — Я попросил... его...

— Неосторожно, — заметил Советник, распахивая окно. Он налил воды в высокий бокал и поднес сыну.

— Вышей.

— Она... отравлена? — выдохнул Ллойву.

— Не паясничай, — Советник отошел на свое место и какое-то время наблюдал, как гость восстанавливает дыхание.

— Мы договорились с тобой? — спустя время поинтересовался Советник. — Или мне вызвать Валлара и тогда завтрашний день ты встретишь в госпитале. И проведешь там все дни до отъезда.

Ллойву наградил Советника тяжелым взглядом, свежий воздух и вода несколько взбодрили его, и он всем сердцем желал покинуть этот дом.

— Тогда... я получу...архивы?

— Получишь, — кивнул Советник. — Если все сделаешь, как нужно.

— Хорошо, — Ллойву кивнул. — Все будет..., как ты хочешь.

— Славно, — Советник изобразил улыбку. — И само собой, ты молчишь обо всем. Это тоже часть сделки. Согласен?

Ллойву, уже успевший совладать с собой, кивнул.

— Согласен.

— Прекрасно. Можешь идти. Ты же можешь идти? — Ллойву выпустил бокал из рук, и он с тихим звоном упал на ковер, разлив остатки воды. Затем медленно поднялся и вышел, надеясь, что ему хватит сил добраться до коляски.

По счастью, в пути Ллойву не встретил ни Меоке, ни Мильен. Отчего-то именно теперь не хотелось видеть их, улыбающихся и счастливых в своем неведении. Мимо сновали илои с поклажей. Слуги суетились, собирая Жертвенных в долгий путь. Тоже, наверняка, не знают, что происходит на самом деле, или же Советник берет их с собой. Как душно... Ллойву, придерживаясь рукой за стену, медленно спустился во двор. Все казалось бесполезным и бестолковым. Надо отправляться в Здание Совета. Взглянуть на Протос. Времени совсем мало. Жертвенный стер рукой отчего-то проступивший на висках пот.

— Ллойву! — Дженве соскочив с крода, уже спешил навстречу. — За тобой не угнаться! Ты уже здесь! Возле твоего дама творится настоящий ад! Кто-то бросил зажигательный снаряд в сад.

— Вот как? — отстраненно кивнул страций. — Пожар потушили?

— Ну, разумеется! Меня разбудили крики. Я — вниз, а там уже все догорает. Я на крода и сюда. Я знал, что найду тебя здесь! Тебе нужна охрана!

— Да, наверное... — Ллойву взялся за борт экипажа.

— Нет, — Дженве решительно сжал руку брата. — Ты не поедешь никуда без статкабистера.

— Дженве...

— Тогда поедем вместе.

— Я смогу за себя постоять, уймись, — устало увещевал Ллойву.

— Ты от отца?

— Да, мы поговорили.

— Чего он хотел?

— Как обычно. Властвовать над всем и всеми...

Дженве взял руками брата за плечи и развернул к себе лицом.

— Что он сказал тебе?

— Что свадьба состоится на поверхности, — Ллойву отвел глаза.

— Все?

— Все.

— Я тебе не верю.

— Твое право... — Ллойву стряхнул с себя его руки и сел в экипаж. — Трогай. В Инститос.

— Ты не поедешь домой?

— Нет, сегодня — нет, — коляска медленно тронулась с места. Дженве повернул в дом с твердым намерением переговорить с отцом.

Улица Лита вспыхнула сразу с двух концов, загорелись дома Вайзе и Оластери. Пожарные страты с трудом удерживали ситуацию под контролем. И, словно по мановению чьей-то руки на город кружась начал снова падать белый пепел. Он танцевал в воздухе, повинуюсь воздушным потокам и ложился тонким кружевом на мостовую.

Кримм долго слушал далёкий перезвон пожарного колокола. Потом собрался на улицу.

— Папа! — младшая дочь прибежала из детской, надеясь на близость.

— Ничего, милая, ничего, — успокаивающе прошептал Советник, поднимая её на руки, — что бы там не случилось, уже всё закончилось.

— Страшно! — девичья головка легла на плечо.

— Не бойся, — Кримм погладил её по волосам, — папа всё сделает, все будет хорошо!

— Обещаешь?

Кримм вдохнул запах: что-то молочное и немного сладковатого пота. Защемило где-то внутри от страха перед будущим.

— Обещаю.

Советник поцеловал дочь в макушку и кивнул няньке, чтоб увела дитя в глубь дома. Едва стих пожарный колокол, как в дверь ввалились поздние гости.

— Процветай, Снеф! — бросил мастер Риго, протискиваясь в дверь вместе с мастером Круцием. — Что нам делать?

— Процветай, мастер Риго, — Кримм плавным жестом пригласил мастеров к себе в кабинет. Раз уж они нашли время после заката приехать и сочли это важным, то пренебрегать не стоило.

— Мико совсем помешался, — громким заговорщицким шёпотом сообщил мастер Риго, — Тёмный предел обезлюдел! Страты оцепили всё, и это никого не спасает!

Кримм медленно обошёл свой кабинет. Посреди тяжёлых, заставленных справочниками полок стояла ещё одна, там лежали дочернины сокровища, которые она приносила с прогулок. Странной формы камни, сушёные травки и рисунки.

— Ты знал? — прошипел мастер Круций, — почему Совет молчит?

— Нет, я не знал, — Кримм повернулся к мастерам всем телом. — И что же мастер Вальм?

— Он грозитя сжечь весь город! Урезонь его!

Криммм задумчиво прислушался. Назойливый звон колокола стих, видимо, пожар потушили.

— Зачем? — он взглянул на мастеров, — если это единственный способ заставить их обратить внимание...

— Но тыходишь в Совет! Донеси до них!

— Этого мало... — Советник Кримм глубоко вдохнул, успокаиваясь, — они не слышат голоса разума. Значит будут слушать голос гнева...

Такой страх Сигрид испытал единственный раз в своей жизни, когда они со страцием угодили в ловушку вчера. Он думал, дома Первородных защищены лучше всех от нападений, но как же он ошибался. Спустя час после отъезда хозяина, дом на площади Сти был закидан колбами с зажигательной смесью. Две попали в полисадник к самому входу, а две полетели на задний двор. В одночасье весь дом, казалось, стал объят пламенем. Едкий дым сразу забился в открытые окна. Крики кродшего разбудили асатра Дженве, и тот, быстро сориентировавшись, организовал мероприятия по тушению пожара. С улицы быстро росла толпа зевак. Сквозь них едва пробилась пожарные страты и со своей стороны тоже начали тушить пожар. Жертвенный Дженве был сильно разгневан этим обстоятельством и ругался на чем свет стоит. Таких витиеватых выражений Сигрид не слышал со времен своего детства в бедняцких кварталах. Уши краснели не только от жара тлеющих сиреневых кустов.

После того, как пожар потушили, Дженве послал кому-то записку, вскочил на крода и умчался, оставив несчастного Сигрида и лакея с кродшим один на один с обугленным домом. Спустя время дом на площади Сти был оцеплен целым крылом стратов. Стало чуть спокойнее. Взрывная смесь испортила фасад дома и сгубила кусты сирени на заднем дворе и в полисаднике. Сигрид в ужасе думал, что ему лично стоит предпринять. Страций попросил позаботиться о Дженве, но тот уехал. Страция в доме нет. Что же теперь?

Спустя пару часов посыльный принес записку от Ллойву, в которой он просил Сигрида составить ему компанию в архивах Инститоса. Сигрид с опаской сел верхом на крода и отправился в Инститос вместе со своим саквояжем.

Улицы были темны и опасны. Фонари погасли, небо над головой оставалось абсолютно черным. Ни звёзд, ни луны. Лишь масляные фонари частых патрулей разгоняли тьму на улицах. Придерживаясь больших проспектов, Сигрид добрался до здания Инститоса, сферическим куполом возвышающегося над остальными постройками. У дверей второго выхода стояла знакомая коляска. На бортах еще сохранились царапины от брошенных в страция камней. Кучер кивнул Сигриду, как старому знакомому, и компаньон почти обрадовался, что со страцием всё в порядке.

У дверей его остановили страты.

— Я к господину Ллойву, — проблеял Сигрид. Суровые лица чуть смягчились.

— Вам в ту дверь. И в подвал, — один из стратов указал на спуск в подвальную часть, спрятанный под навесом.

И Сигрид поплелся, куда сказано. В подвале горели неизменные масляные светильники. Похоже с энергетическими дугами пришлось попрощаться навсегда. Помещение небольшой высоты — до потолка можно дотянуться рукой, зато в длину едва ли можно было увидеть противоположную стену. Стеллажи с книгами уходили далеко вперед, терялись в полумраке. Сигрида всегда пугали подобные помещения. Словно иной мир, где царят свои законы, и ты в них, определённо, не вписываешься. В одном из проходов его встретил бледный, как моль, архивариус с несколькими пыльными томами в руках.

— Где мне найти господина Лира? — поинтересовался Сигрид, стараясь чтобы голос звучал твёрдо. Архивариус вяло кивнул в сторону и понес свои фолианты дальше. Компаньон направился в указанном направлении. Идти между книгами, что были похожи на немых свидетелей, и казалось, взирали на компаньона с укором, было очень некомфортно. Хотелось бесконечно извиняться, а лучше бежать, чтобы невысказанные вопросы не успевали залетать в сознание. «Почему ты бросил своего пациента?», «Как далеко ты готов идти за ним?»

Ллойву он обнаружил сидящим на полу между стеллажей в самом конце галереи. Вокруг него выросла целая стена из старинных томов. Словно крепость.

— Я здесь, — вяло проговорил Сигрид. Ллойву поднял голову от книги. Окуляры тускло блеснули при свете светильников.

— А, господин Армар. Я слышал, на мой дом снова напали. Никто не пострадал?

— Нет, все находились в доме, а снаряды попали в сад, — тихо проговорил Сигрид. — Ваша любимая сирень пострадала.

— Что ж, отрастет. Ничего страшного. Присоединяйтесь, — Ллойву отложил том в одну сторону, а с другой стороны взял следующий.

— Давно вы здесь? — спросил Компаньон, устраиваясь на полу по другую стороны стены из книг.

— Наверное, я, право, сегодня не слежу за временем....

— Я боюсь показаться назойливым. Лекарства...

— Да, я помню. Всё в порядке. Вы, наверное, привезли с собой?

— Да, привез, — Сигрид вытянул из саквояжа все необходимое. И бутылку с водой.

— Надолго все это? — спросил компаньон, когда его обязанности были исполнены.

— Я только начал, полагаю, на ночь.

— Вы снова нарушаете свой режим, — посетовал Сигрид. — Доктор Валлар бы смог вас уговорить.

— Сомневаюсь, у меня мало времени.

— Куда вы торопитесь?

На этот вопрос Жертвенный не ответил. Очередной том дополнил стену между Ллойву и компаньоном.

— Что вы ищете? Быть может, я могу помочь? — не выдержал Сигрид. Соседств старых, издавших первых асатров томов выводило его из равновесия. Говорили, тогда книги обтягивали настоящей кожей.

— Быть может. Нужны родословные всех семей Первородных от начала новой эры.

— А, это... — Сигрид вяло подхватил том с полки. «История происхождения Искры,

как феномена». Они не устали её изучать? Сигрид задвинул том обратно. Скука...

Глава 15 где страций ищет ответы, но находит нечто иное

Помочь Сигрид не смог ничем. Всю ночь Ллойву перебирал предложенные архивариусом книги. Сигрид к своему стыду уснул прямо на полу, уткнувшись носом в открытый наспех том.

Поутру Ллойву разбудил компаньона.

— Идемте, — Сигрид ошалело таращил глаза, стараясь придти в себя. Все тело затекло, кости болели, ко всему, похоже, он застудил спину. Но вот Ллойву был бодр, словно не было бессонной ночи в пыльном архиве. Компаньон уныло поплелся за страцием на свет божий. Погрузился в коляску и покатился, проклиная весь свет, в неизвестном направлении.

— Вы скверно выглядите, — заметил Ллойву. — Быть может, вам всё-таки поехать домой?

— Нет, нет, — запротестовал Сигрид. Со страцием, как ни стыдно было это признавать, отчего-то было спокойнее.

— Что ж, дело ваше, — Ллойву отстраненно посмотрел в сторону и больше вопросов не задавал. Коляска медленно проезжала по улицам. На экипаж поглядывали с любопытством, кто-то — с нескрываемой злобой. То тут, то там чернели следы ночных погромов. Повсюду были видны серые мундиры городских стратов. Ночные происшествия сильно взбудоражили всех.

Возле здания Совета случилась небольшая заминка. Перед главным входом в здание собралась большая топа разгневанных илюев, однако кучер, помятуя прошлый раз, вовремя свернул на боковую улочку. Сигрид едва успел уловить невнятные крики: «... Требуем...», «...Немедленно...».

— Вашстратство, к черному входу подъедем?

— Да, пожалуй, — согласился Ллойву.

— Ах, ты! Бежать? — раздалось за спиной, и коляска просела, принимая лишнюю тяжесть. Сигрид не успел испугаться, даже подумать о том, что испугался, не успел. Жертвенный резко развернулся, прижав сложенные два пальца руки ко лбу непрошенного пассажира, и невысокий, запущенного вида иллоу, вскочивший на задок коляски, медленно повалился назад, вперив пустой взгляд в небо.

— О, боги! — Сигрид прижал саквояж к груди. — С ним все в порядке?

— Да, — кивнул Ллойву, усаживаясь на место. — Несколько дней поболит голова, а потом память вернется.

— Они всерьез настроены, — посетовал компаньон.

— Похоже на то, — Ллойву напряженно оглядывался в поисках новых угроз, но к заднему двору здания Совета они подъехали без приключений. — Любезный, поезжайте домой. — Сказал Жертвенный кучеру. — Неровен час, они отыграются на вас.

— А как же, вашстратство? — Не понял возница.

— Мы вернемся на служебных кродах. Здесь есть свои кродовые.

— Как скажете... — согласился кучер. Сигрид, сам не свой, вышел из экипажа и проследовал за страцием в калитку заднего двора. Ну вот, опять! Почему страций так неосторожен? На что он надеется? На здравомыслие? Чьё? Толпа и здравомыслие несовместимые понятия! У входа их остановили страты с мерцающими на предплечьях

браслетами-октисами.

— Господин Лир, тут не безопасно, — отрапортовал кабистер, вытягиваясь перед Жертвенным. — Объявлено чрезвычайное положение.

— Я понимаю. Но мне нужно попасть к Чтецу. Это весьма важно. Жизненно необходимо...

— На чердаке его комната, — кабистер покорно отступил, пропуская визитеров.

Ллойву уверенно повел компаньона темными коридорами и узким, скрипучими лестницами вверх.

— Господин Лир... — запыхавшись, проговорил Сигрид, поднимаясь по высоким ступеням. — Вы что-то ищете? Что?

— Ответы, Сигрид. Мне нужны ответы, — Ллойву взлетел по лестнице на одном дыхании. Одни боги ведают, что давало ему сил в этот день после бессонной ночи и кутежа накануне. Теперь Сигрид понимал, откуда взялись подозрения, что страций принимает стимуляты. Невозможно при его списке болезней летать по городу, как юный влюблённый илой по весне. Что его ведёт?

Лестница привела их к единственной в этом крыле двери. Ллойву осторожно постучал и отворил створку. Взгляду открылась небольшая комната, в которой старих отмерял оставшиеся ему годы. Должность Чтеца передавалась от достойнейшего к не менее достойному, но за приведению встать рядом со всеми тайнами прошлого надо было платить вечной немотой. Скучное убранство составлял стол со стулом, тумба и кровать. Чтец сидел на кровати, сложив руки на коленях и, как будто ждал их прихода.

— Добрый день, уважаемый, — поздоровался страций, прижимая ладонь к груди. — Мне необходимо взглянуть на Протос. Первые листы. Будьте добры...

Чтец мотнул головой, выражая полное отрицание происходящего.

— Советник позволил мне. Если желаете, могу показать.

Чтец снова мотнул головой. Нет.

— Хм, — Ллойву растерянно оглянулся на Компаньона. — Как же нам быть в этой ситуации? — Чтец демонстративно поманил страция пальцем к себе. Ллойву подошел ближе. Чтец растопырил руки навстречу, словно желая объятий.

— Не стоит, быть может? — осторожно спросил Сигрид, мало ли. Старик полубезумен, это видно. Как могли доверить Протос этой почти иссохшей мумии?

Ллойву смело шагнул вперед. Руки Чтеца коснулись его груди, потом пальцы стали пробираться выше, и Жертвенному пришлось опуститься возле старика на колени. Чтец обхватил руками голову страция и замер. Спустя минуту, он растопырил пальцы снова, отпуская свою жертву. Ллойву поднялся, отряхиваясь.

— Позвольте? — спросил он снова. Чтец скорбно кивнул. Он поднялся и вытянул из-за пазухи огромный медный ключ.

— Ничего себе, — усмехнулся Сигрид, — я думал, таких больше не делают.

Старик воткнул ключ в замочную скважину в незаметной панели в стене своей комнаты и повернул. Тайная дверь со скрипом отворилась, обдав запахом пыли и воска. За ней в полутемной кладовке, на постаменте лежал Протос, огромный том свидетельств о деяниях, совершенных в прошлом.

Ллойву с замиранием сердца вошел в кладовку.

— Свет, будьте добры, — услышал Сигрид. Легко сказать, он поискал глазами лампу. И, о чудо, нашел. С трудом совладав с огнивом дрожащими руками, что лежало возле лампы,

компаньон поднес светило к книге. Чтец поспешил направить руку подалее от ветхих страниц.

— Самое начало. Первый Совет. Пожалуйста, — попросил страций Чтеца, опасаясь трогать старые листы. Старик ловко подцепил страницы и с усилием перевернул. Ллойву тем временем уже натянул на нос окуляры и достал листок с выписанными в архиве фамилиями. Под светом лампы, что держал компаньон на вытянутой руке, он начал изучать написанное. Стоять пришлось долго. Снаружи доносились звуки недовольной толпы, хлопки и даже крики. Сигрид и представить не мог, что там творилось. Ллойву звуки никак не трогали, он полностью погрузился в изучение фолианта.

Загудела земля. В здании звук слышался, как стон. Ллойву оперся ладонью о книгу и потер висок. На листы упали черные капли крови, точас впитавшись в строки.

— Что? — встревожился Сигрид.

— Ничего, держите выше, — Ллойву промокнул ладонью закровивший нос, земля гудела, затем затрещала и здание покачнулось. Вместе с ним потеряли равновесие и его обитатели. Сигрид едва устоял на ногах. Снаружи послышался визг и крики. По всему, там происходило что-то страшное. Компаньон перевел взгляд на страция. Ллойву упорно продолжал искать нужные ему фрагменты.

— Вот, — он ткнул пальцем, — Сагарино Оластери. Он стал первой жертвой. Первая Искра. — Прошептал страций. Сигрид ничего не понял. Поднял светильник выше, осветил побледневшее лицо Жертвенного.

— Что дальше?

— Дальше?... Надо попасть в гильдию Геострафии, — кивнул Ллойву, соглашаясь в чем-то сам с собой.

— Там на улицах полное безумие! — возразил Сигрид. — Быть может, нам лучше ехать домой?

— Не преувеличивайте. Безумие только здесь.

— Господин Лир! — взмолился Сигрид.

— Что?

— Что вы с собой делаете? Вы ничего не ели со вчерашнего вечера, а дело к полудню... У вас режим..., и диета....

— Как вовремя вы напомнили. — Согласился Ллойву, выходя из кладовки. — Сейчас мы пообедаем. Благодарю. — Он поклонился Чтецу. — Вы отлично выполняете свой долг.

Чтец чинно поклонился в ответ.

В обратный путь пустились теми же тайными коридорами и лестницами.

— Сегодня вам назначен визит доктора Урта... — запыхавшись, проговорил компаньон.

— Доктору повезло. Сегодня мне некогда тратить время на бесполезные визиты.

— Но Советник...

— Я договорюсь с Советником.

Сигрид застонал. Ноги отказывались слушаться, потому что компаньон хотел есть, устал и провел ночь на холодном камне вместо того, чтобы ночевать в постели. В Ллойву словно вселился бес, он шел к цели с устремленностью снежной лавины. Только вот что за цель было непонятно.

— Нам нужны верховые кроды, — походя распорядился Жертвенный, когда они оказались внизу.

— Но, господин Лир, у нас нет свободных кродов, — возразил кабистер. — Мои страты

сейчас заняты сдерживанием толпы перед главным входом.

— Что ж. Хорошо, — Ллойву решительно двинулся прочь.

— Стойте! Господин Лир! — Сигрид в последней попытке задержать страция ухватил его за плечо. Реакция оказалась моментальной и неожиданной. Жертвенный развернулся, поднырнул под руку и прижал ладонью шею под подбородком. Сигрид почувствовал как голова начала кружиться, а звуки отдалились.

— Не смей! — прошипел Ллойву. — Не смей касаться меня!

— Я понял, — прохрипел компаньон. — Понял. — Жертвенный отдернул от него руки, как от зараженного чумой. Совладал с собой за доли секунды.

— Простите, — откашлялся Ллойву. — Я несколько взвинчен.

— Господин Лир, неразумно выходить сейчас на улицу без охраны, — предпринял Сигрид последнюю попытку.

— Ерунда. Они нас не заметят, не преувеличивайте, — Ллойву продолжил путь. Сигрид с опаской поплелся за ним. Они прошли проулком, которым приехали сюда, чтобы попасть на центральную улицу. Возле илоя, что напал на них в самом начале пути, теперь стояли двое, пытаясь привести в чувство.

— Пьян? — вопрошал первый.

— Да, не похоже, — вторил второй. Сигрид едва успевал за быстрым шагом страция. И, когда они поравнялись с иллоями, те обратили внимание на проходящих.

— Здравия! — один из иллоев выпрямился и перегородил дорогу. — Господин Ллойву Лир.

— Приветствую, — Ллойву остановился. — С кем имею удовольствие вести беседу?

— Мое имя Тайро Келлар. Я служу в плавильном цеху. Но вам, наверное, не интересно... — Сигрид, к своему стыду, спрятался за спину страция. — А это — иллой кивнул на своего товарища. — Аврен Келлар, мой брат. Он обжег себе руку и теперь не может работать.

— Это неприятное обстоятельство, — кивнул Ллойву. Теперь оба брата Келлар встали в узком проулке так, что перегородили дорогу полностью.

— Что он не может работать? — с вызовом бросил первый из братьев.

— Что он обжег себе руку, — холодно вторил ему Ллойву, внимательно отслеживая перемещения обоих. — Но, полагаю, это следствие нарушения техники безопасности.

— К черту технику безопасности! — рявкнул второй из братьев. — При масляных светильниках в цеху почти ничего не видно!

— И это вы вменяете мне в вину, я так понимаю? — холодно заметил Жертвенный, отступая, сзади семенил Сигрид. Мысль, что можно позвать стратов пришла ему слишком поздно. Братья, не сговариваясь, набросились на страция. Сигрид отскочил. А Ллойву вытянул из ножен кимейры, ровно секунда потребовалась, чтобы они приняли вид полноценных мечей. Жертвенный ловко нырнул между братьями, и теперь по одну сторону от плавильщиков стоял обезумевший от страха компаньон, а по другую Ллойву с обнаженным оружием.

Братья заозирались, оценивая, откуда ждать большей опасности.

— Мне бы не хотелось добавлять к ожогу еще и порез, — заметил Ллойву, давая братьям оценить длину своих мечей. — Ситуация еще может вернуться в мирное русло.

— Вы предали нас! — выплюнул первый из братьев.

— Это спорный вопрос, — заметил Ллойву.

— Мы все равно дотянемся до тебя! — с запалом крикнул второй. Сигрид прополз вдоль стены и поспешил снова встать за спину Жертвенного.

— Буду с нетерпением ждать, — Ллойву отсалютовал клинком и двинулся прочь из проулка.

— Боги! — мимо по улице, куда выходил проулок, пронесся отряд стратов. Справа кричали и ругались тысячи голосов. Гремела ограда, поддававшаяся усилиям и повисшая на столбах. Протестующие прорвали рубеж и теперь заполняли двор здания Совета. Отовсюду прибывали страты. Воздух пах порохом, жженым деревом и кровью. К протестующим со всех сторон прибывало подкрепление.

— Похоже, здесь скоро будет жарковато, — заметил Ллойву.

— Боги, Ллойву! — услышал Сигрид знакомый голос. Он обернулся. С высоты на них смотрел всадник, и этого илоя компаньон был рад увидеть. Дженве Лир при полном вооружении. — Ты, как таракан, быстрый и живучий.

Ллойву рассмеялся, они пожали друг другу руки.

— Найди мне крода, брат. Я спешу.

— Куда? — удивился Дженве. — Я договорился с отцом. Твой дом под охраной. Тебя ждет стат-кабистер.

— Тогда пусть подъезжает к зданию гильдии Геострафии.

— Там-то ты что забыл? — расхохотался Дженве. Крод под ним нетерпеливо переступал лапами. — Будь по-твоему, братец. Найду тебе крода. Одного?

Ллойву оглянулся на едва живого от страха компаньона.

— Двух.

— Жди, — и Дженве умчался в сторону. Сигрид в ужасе смотрел, как толпа заполняет улицу. Как страты энергетическими сетями оттащивали особо рьяных илоев от здания. Как били их энерго-разрядами. Протестующие в ответ закидывали их банками со взрывной смесью.

— Что происходит? — отчаянно задал он вопрос в воздух.

— Было бы похоже на революцию, если бы было, за что бороться, — ответил Ллойву.

— Что это значит? — удивился Сигрид.

— Они хотят жить как раньше. Этого больше не будет, но им об этом никто не сказал, — отрезал Жертвенный. Подъехал Дженве с двумя кродами под седлом. Ллойву ловко вскочил на одного.

— Запрыгивайте. Мы едем искать пути решения этой проблемы.

— Ллойву, зайди потом в Ромуе, — крикнул Дженве, отъезжая. На том и расстались. Дженве отправился к разъяренной толпе, а Ллойву с компаньоном в другую сторону.

Вечером Ллойву все же смог выкроить время чтобы заехать по просьбе брата в Ромуе. В цитадели содержались преступники всех мастей. Здание делилось на два крыла. То, что для обычных илоев, Красное крыло, и то, что предназначалось для Жертвенных и илоев побогаче, Черное крыло, по цвету крови. Разница в содержании была ощутима. Часть благ Черного крыла они с Дженвой ощутили и на себе, когда в их юные годы Советник, расвирепев от выходок обоих братьев, пожелал запереть обоих в камерах на дюжину суток.

Бунт у здания Совета был усмирен только к вечеру. В ход пошла зажигательная смесь и газовые гранаты. Многие участники были арестованы и теперь содержались здесь, Красном крыле, в больших общих камерах.

Ллойву не мог предугадать, для чего Дженве понадобилось видеть его здесь. Как человек не военный, Ллойву не обязан посещать сие заведение. После бесполезного визита в гильдию геострафов, Ллойву, наконец, почувствовал тяжесть прошедшего дня. Бессонные сутки давали о себе знать тяжелой, как от похмелья головой, и звенящими, как тонкий хрусталь, мыслями. Состояние могло бы компенсироваться маленькой победой, если бы он узнал хоть что-то о первых днях Астэллота, но нет. Все источники, как один описывали начало быта, первые решения и достижения, но не сам процесс «Освобождения», как его называли. Единственное, что удалось узнать, это имя первого, принесенного в жертву Жертвенного.

Сагарино Изольтар Лима Оластери. Первая Искра. Последний шанс. Было ощущение что Жертвенные, подняв остров уничтожили все летописи, упоминающие об этом. Как недальновидно. Однако, была и хорошая новость. Мейе Горр присоединился к страцию в качестве стат-кабистера, телохранителя. Бедный, напуганный Сигрид был отпущен домой, хоть он и сопротивлялся (очень вяло). И теперь Ллойву вступал под своды Астэллотской тюрьмы в сопровождении нового лица, в полтора раза выше и шире компаньона. За таким, пожалуй, и спрятаться не страшно, думал Сигрид, провожая страция с телохранителем глазами.

У конторки Приветствия Ллойву направили к начальнику Красного крыла, господину Валие. После долгого блуждания по пропахшим старыми стенами и мочой коридорам, наконец, они достигли цели.

— Бесконечный день, — выдохнул Ллойву.

— Только скажи, и он закончится, — парировал Мейе.

— Мне, кажется, я уже не владею собственным временем, как и собственной жизнью.

Начальник тюрьмы встретил их довольно радушно. О приглашении он знал, все было оговорено заранее с Жертвенным Дженве, и теперь Ллойву предстояло встретиться с супостатами, позволившими себе закидать страция камнями.

— Это лишнее, — скривился Ллойву.

— Нужно опознание, — оправдывался начальник тюрьмы. — Вы только скажите, что это были они, и мы тотчас запустим процедуру возмездия.

— Это обязательно?

— Таков порядок, — мягко возразил начальник. — Без свидетелей мы не можем их обвинить.

— Хорошо, — Ллойву кивнул. — Куда мне идти?

— Сюда, сюда, — и иллой услужливо распахнул вторую дверь, ведущую в глубины местного ада. Из двери пахло сыростью, невымытым телом и чем-то, что здесь называли съестным.

— Боги, — Ллойву скривился от запаха.

— Сюда, — и новая дверь распахнулась перед Жертвенным в просторную камеру, разделенную на две части большим столом, настолько широким, что занимал треть комнаты. В противоположной стене была видна еще одна дверь.

— Сейчас вас принесут стулья, эти скамьи не для вас, — подобострастно проговорил начальник и исчез в дверях.

— Проглятье крови! — выругался Ллойву, когда дверь за начальником закрылась. — Зачем Дженве затеял все это?

— Но, Ллойву, порядок действительно такой. Они не могут обвинить их без

доказательств. Ты единственный свидетель, кого они не смогут оспорить.

— Всё! — Ллойву поднял ладони, отмечая все объяснения и принимая свою судьбу. — Я понял.

Страты принесли два стула и поставили за стол, убрав грязные скамьи. Ллойву отставил стул так, чтобы не касаться и стола тоже. Мейе скрывая усмешку поставил свой стул рядом и опустился на него. Вошли страты в синей униформе, встали по обе стороны от входа. Из той двери, что вела в глубь крыла, вышел сначала страт с октисом наготове. Голубые дуги слабо мерцали у него на руке, затем вошел небольшой по росту и комплекции иллоу. Ллойву с трудом признал в нем того самого заводилу на дороге.

Страты посадили обвиняемого на скамью по другую сторону стола. Теперь была ясна задумка этого огромного сооружения посреди комнаты. Через него даже при желании невозможно дотянуться до соперника.

Ллойву и заводила долго сверлили друг друга взглядом.

— Выйдите все, — наконец сказал Жертвенный. Начальник тюрьмы подошел ближе.

— Не понял.

— Все выйдите, я хочу с ним поговорить.

— Вы подтверждаете, что это был он?

— Нет, я лишь прошу всех выйти, — холодно осадил начальника страций.

— Но... — страты замялись у входов. — Процедура такова...

— Я прошу всех выйти, — раздельно произнес Ллойву, раздражаясь все больше. Мейе усмехнулся. Ллойву все больше походит на отца, хоть и ненавидит в нем многое.

— Хорошо, — кивнул начальник и сделал знак своим людям, чтобы вышли. Наконец в огромной комнате остались лишь трое. Заводила с вызовом взглянул в глаза Жертвенному.

— Как твое имя? — спросил Ллойву, не двигаясь. Казалось, здесь ему противно даже наступать на пол, и если бы он мог, он бы воспарил над нечистотами.

— Какая разница? Меня все равно его лишат. Тебе не все ли равно?

— Раз я спрашиваю, значит не все равно.

— Допустим, Таоке.

Ллойву усмехнулся, повернулся к Мейе.

— Почти как Меоке, — затем взглянул на задержанного и взгляд его снова посуровел.

— Кто вам заплатил, допустим Таоке?

Задержанный демонстративно повел плечом, давая понять, что не скажет.

— Ты же понимаешь, что узнать это для меня ничего не стоит?

— Ты побрезгуешь... — усмехнулся задержанный. — Для этого ты слишком хорош, господин «я все держу под контролем»

— Есть Окулус, — возразил Ллойву. — Он все покажет.

— Тот, кто ненавидит вас, вероятно, — с вызовом проговорил Таоке.

— За что же нас ненавидеть? — удивился Ллойву.

— За то, что вы жрете и пьете за наш счет! Никчемные Жертвенные!

— Я думал, то, что мы все плывем в одной лодке, ясно, как день. Нам нужно стремиться в одну сторону, а не раскачивать ее, чтобы утонуть всем.

— Только вы отчего-то не гребете, господин Жертвенный, — едко возразил задержанный.

— Раз мы ступили на путь аллегорий, кто-то должен смотреть, куда плывет лодка, не так ли?

— Не многовато ли смотрящих? Да и не усмотрели что-то...

— То, что вызывает в вас столь живой отклик, всего лишь закономерность. В каждом процессе есть взлеты и падения. Мы сейчас находимся на нисходящей глиссаде. Это досадно, но все поправимо. Для решения проблемы не было необходимости прибегать к насилию.

— Слишком умные слова, господин Жертвенный, — усмехнулся задержанный. — Не для средних умов.

— Ты прировнял себя к статистическому большинству, чтобы избежать выражения собственного мнения? Возможно, это последний шанс. После Уравнения твоя личность будет стерта полностью.

— Я знаю об этом, господин Жертвенный.

— Тебя это не пугает?

— Я долгое время был частью одного статистического большинства, потом стану частью другого...

— У тебя есть семья? — перебил Ллойву.

— Хочешь отправить моей жене цветы?

— Желая понять, ради чего начинаются войны.

— Войны начинаются из-за таких как вы...

Ллойву помолчал, переваривая фразу.

— Ради чего ты начал свою войну?

Задержанный задумался, взгляд его смягчился.

— Ради будущего...

— Ты готов отдать все ради него? Ради того, что эфемерно и даже еще не наступило.

— Но наступит, — посерьезнев, сказал задержанный. — И станет настоящим.

Ллойву замолчал, какое-то время он думал, просто разглядывая своего противника, а затем резко встал и направился к выходу. Мейе едва успел за ним. Жертвенный распахнул дверь.

— Это не он, — сказал он ожидающим стратам. — Этот иллой не участвовал в нападении.

— Что? Но... — начальник отделения вдруг понял, что оказался в затруднительной ситуации. — Как же? Мы нашли свидетелей.

— Я утверждаю, что это не он, — отрезал Ллойву и направился к выходу. Мейе виновато пожал плечами и побежал догонять быстро шагающего Жертвенного.

Глава 16 в которой ситуация становится все серьезней

На следующий день, где-то к полудню, Ллойву Лир снова стоял в полутемной зале перед Советом. В этот раз в зале не было Илатума, Чтеца и стратов. Только Советники и докладчик. При свете чаш — светильников докладчик выглядел бледным, а лица Советников — устрашающими.

Советник Лир взвесил в руке пухлую кипу бумаги.

— Здесь не прикреплен отчет доктора Урта, — заметил он.

— Потому что его нет, — согласился Ллойву.

— Я же сказал, без него Совет не станет тебя слушать, — сурово добавил Советник Лир.

— Мы не встретились вчера с доктором, оттого, что день выдался слишком насыщенным.

— Да, вчерашние волнения, это слишком, — согласился Советник Гайо. — Я отправил родных на твой курорт, Изольтар. — Советник Лир кивнул.

— Что ж, взглянем, — Изольтар открыл первую страницу отчета, затем вторую, перелистнул несколько страниц сразу.

— Что это?

— Дайте взглянуть, — Советник Вайзе потянулся к папке.

— Ллойву, это шутка? — Изольтар саркастично поднял брови. — Листы пусты... Быть может, ты что-то напутал?

— Нет, — Ллойву стиснул руки за спиной. — Там все верно.

— Но здесь ничего нет! — воскликнул Вайзе.

— Пустые листы? — удивился Советник Гайо.

— Абсолютно, — кивнул Советник Лир.

— Ты в уме, Ллойву Лир? — сурово спросил Советник Вайзе. — Отказ от консультации доктора Урта был ошибкой.

— Я оставил пустые листы, для того, чтобы вы могли вписать туда все, что вам хочется увидеть в моем отчете, — спокойно сказал докладчик. — Что бы я не написал, теперь — это не имеет значения, ибо происходящее говорит само за себя. Волнения не утихают уже несколько дней. Вы не можете закрыть на них глаза.

— Так... — советник Лир с железным спокойствием сел на свое место. — Быть может, ты нашел в своих исследованиях подтверждение, что подобные сбои были и раньше?

Ллойву прямо встретил взгляд Советника.

— Нет. Это происходит впервые.

— Что же нам делать? — с ноткой паники в голосе спросил Кримм. — Быть может, одно Слияние спасет Окто? Тогда можно было бы сказать илоям, что все в порядке.

— Нет, — твердо ответил докладчик. — У нас два выхода в этой ситуации.

— Какие же? — с издевкой спросил Советник Лир.

— Эвакуировать на поверхность всех. Это займет много времени, боюсь мы упустили свой шанс... боюсь... — протяжный стон здания прервал страция. Ллойву закрыл глаза, преодолевая приступ ломоты в висках.

— Чего ты боишься? — подступился Советник Кримм.

— Боюсь, нам не успеть, — выдохнул Ллойву. — События развиваются быстрее, чем

кто либо мог предположить.

— А второй? — спросил Советник Вайзе.

— Второй — вернуть Астэллот со всем, что на нем есть к истокам, то есть туда, откуда его подняли. То, что я предлагал декаду назад. Уверен, шанс есть...

— Но разве такое возможно? — удивился Кримм, словно слышал об этом впервые.

— Невозможно! — оборвал его Советник Лир. — Чтобы поднять остров потребовалась сила восьми семей! Сейчас у нас нет такой роскоши.

— Но у нас пока есть Окто... — возразил Ллойву. — Он поможет нам.

— Нет! У тебя нет ресурсов, чтобы повернуть такое! — отрезал Изольтар.

— Если вы мне поможете...

— Никто тебе не поможет! А сам ты слаб! Если не сказать — безумен.

— Но, Изольтар, — возразил Кримм, — что если он прав? Ты и сам видишь творится что-то невообразимое!

— Он желает славы, — резко ответил Изольтар. — Мальчишка! Он думает, что сможет дотянуться до невиданных высот! Но тебе никогда этого не сделать, Ллойву!

— Один я не смогу, но если мы объединим усилия...

— Хватит! — Советник Изольтар стукнул ладонью по кафедре. — Мы слушали тебя в прошлый раз, слушаем твои бредни теперь.

— Мы зря доверили ему Окто, — кивнул Советник Вайзе.

— Пусть его заменят в Окторуме, — посетовал Советник Оластери. — Не представляю правда, кто сможет это сделать...

— У господина Лира большой опыт и знания в части изучения модуля... — Возразил Кримм. — Я бы прислушался.

— Но слабое здоровье, — парировал Советник Лир. — И большие амбиции.

— Нам надо принять какое-то решение, — не унимался Кримм. — Звезды погасли! Земля гудит! В Темном пределе пришлось эвакуировать почти всех рабочих! Это всех пугает.

— Успокойте их, это временно, — спокойно сказал Советник Лир. — Скажите, Совет ищет способы стабилизировать работу модуля. И найдет. Ученый совет институтса энергий соберется уже сегодня и примет решение.

— Я скажу там тоже самое, — вставил Ллойву.

— Тебя там не будет! — отрезал Советник Лир. — Ты больше не возглавляешь Инститос. Профессор Римме встанет во главе.

— Он подтвердит все, что ты ему скажешь!

— Довольно! — Изольтар сдвинул брови. — Замолчи. Твое положение и так довольно шатко.

— Какое мы примем решение? — резюмировал Советник Гайо.

— Совет институтса будет искать пути решения проблемы. Гильдии надо успокоить. Мы знаем о сложившейся ситуации и решаем ее. Уважаемый Советник Крим, могли бы вы повлиять на ситуацию, чтобы мастера не устраивали дебош на улицах?

— Можно попробовать, но я прекрасно понимаю их беспокойство, — неуверенно проговорил Кримм, а как ты предлагаешь всех эвакуировать?

— Никак! — рявкнул Советник Лир — Эвакуация не нужна! Как мы оставим свои дома? Ситуация и так накаленная, ни к чему новые жертвы, — заявил Советник Лир и Кримм неуверенно кивнул.

— Что касается господина Лира, то я подумаю, где применить его таланты. Страты! —

в дверь вошли ожидавшие все это время за дверьми страты.

— Проводите господина Лира в мой кабинет, его присутствие более не является необходимым, — Страты встали по обе стороны от докладчика. — Он под арестом. — Добавил Советник, и еще двое стратов встали впереди. Под конвоем докладчик вышел из зала.

— Я не понимаю, что происходит? — воскликнул Советник Кримм. — Он говорит, что все плохо, но можно попытаться исправить, ты говоришь, что все не так плохо и делать ничего не надо, кто из вас прав?

— Ллойву все видит сквозь призму своего честолюбия. Он желает доказать всему миру, что он не менее полезен, чем все остальные. Ему хочется думать, что он спасет весь мир, но мир не нуждается в спасении, поверь. Тысячу лет уже Окто исправно питал наш остров энергией. Бывали взлеты, бывали падения. Это всего лишь более крутое пике, чем обычно. Все нормализуется, поверь.

— Слияние не нужно?

— Нет. По Статусу Слияние мы проводим раз в пятьдесят оборотов, это и именуется циклом. Недавнее стало исключением и опередило свой срок на десять оборотов. Второе Слияние ничего не решит.

— То есть ты считаешь, что все в порядке.

— Разумеется...

Кримм сел на свое место, Советник Лир убедил его, но не полностью. Кримм скользнул взглядом по дверям, за которыми скрылся страций. Даже можно сказать совсем не убедил.

Страты, чеканя шаг, провели Ллойву снова в личный кабинет Советника. На этот раз, зайдя вместе с ним, они не оставили его, так и остались стоять, молчаливые, напряженные. Две впереди и двое сзади. Браслеты Октисы мерцали синими бликами на руках, готовые отозваться на команду в любой момент. Ллойву прикинул, сколько было бы шансов с четырьмя стратами. Дженве как-то бился с пятью. Тогда, давно, когда Советник велел арестовать их обоих. Ллойву как-то быстро одолели, энергетический разряд дернул его за сердце и уложил на пол. А вот Дженве бился, как лев. Разряды кололи его один за другим, но брату было как будто нипочем. Веселое было время. Теперь Ллойву бы не рискнул выходить против стратов, тем более против четырех. Да и Дженве рядом не было.

Так они ожидали, когда придет Советник. Стоять пришлось немалое время. И вот, дверь отворилась, и вошел Изольтар Лир. Кивнул стратам, и те вышли из кабинета.

— Ты выставил себя на посмешище, — без предисловий начал Советник. — И меня вместе с собой.

— Я не хотел.

— Хотел, — Советник подошел очень близко. Кулаки его сжимались и разжимались. — Я просил тебя переписать отчет два раза, оба раза ты согласился. Что пошло не так?

— Обстоятельства, отец. Я посчитал, что глупо скрывать то, что очевидно даже детям. Почему ты сдался?

— Очевидно даже детям то, что перечить мне не следует. Только ты, упрямец, никак не желаешь это понять.

— Зато тебе не заскучать со мной, — усмехнулся Ллойву.

— Ты считаешь, что это смешно? — Советник сузил глаза. — Ты теперь — под арестом. До самого отъезда. Будешь сидеть дома. И придумывать новые шутки. Если захочешь.

— Это глупо...

— Глупо не слушать меня! Мне пришлось делать твою работу. Уговаривать Кримма не волноваться. Ты извинился перед Гайо?

— Я не успел, я был занят вчера...

— Чем?

— Я искал ответы...

— Твоя роль — счастливый жених. Исполни ее до конца, чтобы стать счастливым мужем.

— Позволь, я сам определяю...

— Не позволю! — в ярости воскликнул Советник. — Долгие годы я веду нас к процветанию! И только ты вообразил, что можешь все сделать сам! Что ты есть? Ничто! Ты не станешь спасителем! Потому что ты слабый! Едва только нагрузка превысит твой лимит, и ты превращаешься в обузу! Поэтому не лезь! Тебя поддержат, помогут только, если ты делаешь то, чего от тебя хотят! А тебе говорят, чтобы ты не лез к Окто! Это уже прошлое!

— Я просто хочу попытаться...

— Не надо! — Советник разъярился еще больше. — Никто не желает пытаться! Ни Гайо, ни Вайзе, ни Оластери! Они все хотят покоя! И один ты, словно назло, хочешь попытаться... Окто уже прошлое, оставь его!

Ллойву прочистил горло.

— Знаешь, чего мне хочется сейчас? — снова подступился Советник.

— Вероятно — нет.

— Я хочу позвать стратов и приказать им разрядить в тебя Октис. Помнишь, каково это? Ты будешь лежать у моих ног и осознавать свою никчемность.

— Так позови, — Ллойву взглянул отцу в глаза. — Но ситуация от этого не изменится. Звезды не зажгутся на небе, и энергия не восстановится.

Советник сделал едва заметное движение рукой, и Ллойву силой разряда отбросило на двери. Сфокусировав расплывающийся взгляд, Ллойву увидел синие отблески на руке у отца. Слабость одолела все тело, сердце просело в ритме, но Ллойву упорно не желал сдаваться. Он всеми силами старался остаться на ногах. Достаточно унижений на сегодня.

— Тебе полегчало? — выдохнул он.

— Немного, — согласился Советник, поднимая запястье, охваченное ремешками. — Хорошая вещь, жаль, перестанет работать, когда Окто умрет.

Ллойву оперся всей спиной на двери, понимая, что попытка изменить хоть что-то провалилась. Он оказался бессилён. Ему не хватило ресурса. Советник победил. Безоговорочно.

— Тебя отвезут домой, — проговорил Советник, снимая Октис с руки. — Там ты проведешь все время до отъезда. За тобой заедут. И не вздумай вырываться. Я прикажу стратам бить на поражение. Постарайся избежать хотя бы этой глупости.

Ллойву с трудом встал прямо. Все тело словно обескровили. Руки и ноги двигались, как сквозь толстый слой воды. Советник вызвал стратов, как ни в чем ни бывало, и велел им отвезти сына домой.

Для страция выделили закрытый экипаж, старты сели внутрь вместе с ним и не сводили с него глаз всю дорогу. Даже взглянуть в окна на разоренные улицы не вышло. Экипаж въехал в ворота особняка на площади Сти. Страты проводили арестованного к дверям.

Ллойву оглянулся мельком. Никого из знакомых лиц. На кучера, ни садовника Пема, ни лакея. Вокруг стояли лишь суровые, безучастные страты. Один из них сделал приглашающий жест рукой и Ллойву вошел в собственный дом.

Дверь закрылась, отрезая всякие звуки. Страций огляделся. Ни кухарки, ни компаньона. Дом абсолютно пуст, словно выеденная скорлупа. Страций медленно прошел в гостиную и застыл. Некогда заставленные до отказа книжные полки зияли пустотой. Все до единой книги были вынесены. Бюро разорено. Ни одного листка не осталось.

Ллойву прошел наверх, в кабинет. Так и есть. Ни одного листка. Рабочий стол перевернули в поисках тайных ящиков. Все, на чем и чем можно было писать, было вынесено. Ни единого томика. Советник лишил его последних радостей. Придется коротать это время наедине с собой, ибо общаться так же было не с кем, дом стал совершенно пуст, за исключением единственного обитателя. Губы растянулись в едкой усмешке. Советник знает толк в издевательствах. В детстве Ллойву вот так же лишали всех книг в наказание, но тогда рядом был Дженве. Всегда. Пленник спустился в гостиную, сел в любимое кресло и закрыл глаза.

Следующие за этим дни слились в один. День начинался с гимнастики, затем скудная ванная. Где-то к обеду приходил один из тюремщиков и приносил что-то съестное. В первый день Ллойву даже не взглянул на дурно сваренную похлебку, но на второй день она показалась уже не такой ужасной. Дверь в сад не открывалась, её заколотили снаружи. Вокруг дома теперь постоянно несли службу молчаливые страты. Было непонятно, что они охраняют, то ли Ллойву от мира, то ли мир от него. Он пытался заговорить со своими охранниками, но те молчали. Браслеты Октисы угрожающе мерцали в полумраке. В конце концов Ллойву бросил попытки наладить контакт.

Спустя день ему принесли письма. Одно от Альмы, другое от компаньона. Альма Гайо написала на дорогой гербовой бумаге. Она выражала сожаление, что ее жених выказал недальновидность и не покинул Аст'Эллот, как того требовал Советник. Писала, что ждет его на поверхности, что было, конечно же ложью. Альме все равно. Она лишь исполняет свою роль. В последней строке открылась неприятная правда. Она уверяла, что расторгнет помолвку, если жених не объявится на поверхности ближайшее время. Стоило задержаться. Ллойву улыбнулся. Следующее письмо было похоже на записку, написанную второпях. Сигрид Армар извинялся за вынужденное окончание службы, так как Советник посчитал излишним его присутствие. Желал беречь свое здоровье и быть крайне осторожным в начинаниях. Славный мальчик, жаль, что так же, как и прочие, он станет жертвой обстоятельств. Ллойву откинулся в кресле и закрыл глаза. Скверное дело.

Земля не переставала гудеть, за день это случалось по несколько раз, и каждый раз старция сгибалось от боли. Страты, безучастные, стояли за дверью, и на этот раз ему никто не мог помочь. Все приступы он переборол сам.

В который-то день страты молча занесли завернутый в простую бумагу сверток.

— Что это? — никто ему не ответил. Страты так же молча покинули дом. Ллойву содрал упаковку и с замиранием сердца погладил переплет книги, на котором василиск свернул тело в кольца. Наконец-то. Хоть что-то. Быть может, Дженве решил скрасить его заключение? Он раскрыл томик и разочарование осадил все внутри. Листы в томике были пусты. Все до единого. Желтоватые, девственно чистые листы. Советник решил пошутить напоследок. Ллойву положил томик на стол и сел в кресло. Снова. Сколько еще продлится эта попытка? Он закрыл глаза. Низкий гул начался на границе восприятия, постепенно нарастая.

Ллойву, уже представляя, что сейчас последует, начал дыхательные упражнения. Гул стал сильнее, поднялся до высокой ноты и затих. Ллойву сжался в кресле, придерживая раскалывающуюся голову руками. Из-за связи с Окто его самочувствие теперь неразрывно связано с этим гулом. В мозгу настойчиво бился призыв из глубин. Это тоже загадка, которую стоило бы решить. Но у него не было инструментов для этого. Кроме собственной большой головы.

Прошел еще день. Ллойву, по обыкновению, дремал в гостиной, как за дверью послышалась ругань. Ухо уловило знакомые нотки. Дженве. Дверь распахнулась, и Жертвенный поднялся навстречу брату.

— Ллойву, черт тебя разорви, отец сказал, что ты уехал! — Дженве протянул руку здороваться.

— Он так сказал? — не поверил пленник.

— Ну, да! Ровно перед своим отъездом он сказал, что ты уже на поверхности. Мильен и Меоке уже точно там.

— А ты почему не уехал? — Ллойву вдруг почувствовал пустоту внутри.

— Меня уговаривали. Я носом чуял, что-то не так... — Дженве коснулся пальцем кончика носа. Огляделся. — Э, да у тебя тут тоска смертная.

— Проходи, правда, мне нечем тебя угостить, — Ллойву повел гостя в гостиную. — Давно уехал отец?

— Вчера. Оластери тоже уже там. Роштар Вайзе жаловался мне.

— Он тоже здесь?

— Он ненавидит тебя, только в отличие от братца, опасается вызывать тебя в Кейме. Один благоразумный Вайзе, — расхохотался Дженве, — и решил, что повод уехать отвратителен. Ты же знаешь, все едут на твою свадьбу, будь она неладна.

— А Гайо?

— Эти уехали еще пару дней назад.

— Вайзе, полагаю тоже?

— Про них не знаю, но тоже наверняка дом пустой. Остался лишь Роштар

— Что на улицах?

— Улицы пусты. Все боятся выходить. Ночи стали темны без освещения. Во всех смыслах. Часть стратов уехала вместе с Жертвенными. Похоже на Астэллоте не осталось никого, кто мог бы им управлять. Гильдии созвали свой Совет. Они третий день ждут аудиенции у Советника, а того-то и нет в городе. Учёный совет выдал какую-то чушь. Типо временные сбои и прочая... Но что-то определенно не так! Что происходит, Ловкач?

— Отец увез Жертвенных.

— Что? — не понял Дженве.

— Он оставляет Аст'Эллот, как есть.

— Он не послушал тебя?

— Нет, как видишь, — Ллойву развел руками.

— Это так он заткнул тебе рот? — рассмеялся Дженве. — Хорош!

Ллойву вздрогнул от внезапно проникшего под рубашку холода. «Или к нам»

— Он садист! — вздохнул Дженве. — Но теперь его нет, дядя также выехал, по старшинству я становлюсь во главе семьи и засим я освобождаю тебя. — И Дженве рассмеялся.

— Благодарю, братец.

— Раз нет Советников, то управление переходит к военному Штабу. Ты при нем Первым Стратегом.

— Отец разжаловал меня, кажется.

— Но об этом никто не знает, верно?

— Я не уверен, Джев, что прав.

— Теперь это имеет мало значения. Вчера солнце зашло на три часа раньше. А ночью шел снег. Снег! Летом! Нам надо что-то предпринять. Если мы можем. Мы же можем? — Дженве казался обеспокоенным.

— Нас только двое, Джев, — улыбнулся Ллойву.

— Я найду еще пару отвязных ребят.

— Хорошо. Четыре Жертвенных? Против одного Окто и его темной половины? Источников космической мощи?

— А что? Чересчур пафосно? — Дженве лихо улыбнулся.

— Самую малость. Как раз в твоём духе, — бесшабашный оптимизм брата вдруг придал сил и уверенности.

— Тогда надо найти пятого. Чтоб наверняка...

— Разве не все уехали на поверхность?

— Нет, не все, — Дженве усмехнулся. — С Тонру и Лиммом Гайо мы три дня пили. Они еще не проспались у себя в летнем домике.

— Так вот почему ты все еще здесь! — рассмеялся Ллойву.

— Я просто пожалел тебя, брат.

— Хорошо, а еще одного?

— Рошгар Вайзе. Я уговорю его. Сгодится?

— Я не уверен, — Ллойву тряхнул головой. — То, что я задумал, может не получиться, и тогда мы все погибнем. Все, понимаешь?

— Мы и так погибнем, не так ли?

— Мы можем уйти через телепорт... — тихо проговорил Ллойву. Дженве прямо взглянул в глаза брату.

— Я видел в тебе больше силы, и, надеюсь, что не ошибся.

— Значит, встретимся в Окторуме, — вместо ответа сказал страций после недолгой паузы.

— Я понял. Завтра?

— Чем раньше, тем лучше.

— Ну, братья Гайо еще дрыхнут и врядли встанут до завтра.

— Отчего Тиллу не взял их с собой?

— Думаю, он был бы рад отказаться от родства с этими пропойцами, — расхохотался Дженве. — Может, он решил подчистить родословную? Тебе надо что-то? Я смотрю, у тебя тут настоящий рай аскета. — Дженве огляделся еще раз.

— Мне нужны мои записи.

— Они у тебя будут.

— Перо и бумагу. Надо продумать наши шаги...

— Что, прости?

— Не бери в голову.

Дженве улыбнулся.

— Я оставляю планирование на тебя, братец. Завтра мы перевернем этот мир!

— Или он поглотит нас, — добавил Ллойву.

— Пусть будет первое! — Дженве на прощание помахал рукой и вышел.

Глава 17 где Дженве находит смельчаков для авантюры

Дженве прислал все требуемое сразу же. Страты более не запирали страция от мира, теперь они всячески помогали ему. Половину ночи Ллойву размышлял, как повернуть операцию с Окто так, чтобы снизить риски для каждого. По всему выходило, что пять асатров для Окто, это критически мало. Его не удержать, если он не согласится сотрудничать. А то, что тёмная его половина, угнездившаяся в недрах ползёт к поверхности, добавляло рисков быть выпитым без остатка и без видимого результата. Он не отпустит просто так. Но это был, похоже единственный шанс. К этому Ллойву был готов. Осталось узнать, понимают ли это остальные.

Перед рассветом внимание привлёк шум возле дверей дома. Наспех одевшись, Ллойву вышел на крыльцо. В полной темноте, освещенной лишь масляными светильниками, что иллои держали в руках, стояла огромная толпа, заполнившая собой всю площадь, сколько мог охватить глаз. Никто теперь не кидал банки с зажигательной смесью, не ломал ограду, не пытался высадить двери, все тихо ожидали чего-то и от этого стало жутко до дрожи. В главе толпы на этот раз стоял сам Советник Кримм, а за его спиной главы гильдий.

— Доброго дня, господин Лир, — вежливо поздоровался Советник дрожащим голосом. Ллойву едва его понял. Голова была занята совершенно иными мыслями. — Мы узнали, что вы у себя, простите, что потревожили вас...

— Зачем вы все здесь? Ночью? — Ллойву прижался всей спиной к створке двери, представив на долю мгновенья, как вся эта толпа бросается на него, и задуманное так и не осуществиться. Советник, возможно, был в чём-то прав, он слаб и беспомощен.

— Сейчас полдень, господин Лир, — вставил один из мастеров. — Светило не возшло. Ллойву потрясенно обвел всех взглядом. Окуляры после бессонной ночи неприятно давили на виски. Илои, все, кого он мог увидеть, взирали на него со страхом и надеждой.

— Как не возшло? — не понял Ллойву. — что говорят метеостраты?

— Энергии больше нет, — раздалось из толпы. — Дианоме пусты!

— Советник Лир исчез из города. И Советник Вайзе и Гайо. А Окто, похоже, перестаёт работать. Господин Лир, что нам делать? — вежливо подступился из-за спины Кримма один из мастеров. Вся эта огромная толпа стояла в полной тишине. Казалось, воздух застыл, словно все они находились в большом непроветриваемом зале. Не хватало только эха от гигантских сводов. Так и было, по сути. Только купол Аст'Эллоа был больше, много больше, чем можно представить. Искусственная структура, чьё время вышло.

— Я сейчас же отправлюсь в Окторум, — Ллойву постарался, чтобы его голос услышали все. — Посмотрю, что можно сделать.

— Вы все почините? — с надеждой спросили рядом.

Ллойву не ответил, он вернулся в дом. Толпа за спиной загудела множеством голосов. Надо собраться. Такой поворот он предсказывал, но оказался к нему не готов, в тайне от себя надеясь на лучший исход. Он потер лицо руками. Надо собраться.

Спустя несколько минут, полностью готовый, страций вышел на улицу. Илои и не думали расходиться. Казалось, теперь каждый понимал, что события последних дней всего лишь прелюдия к будущему кошмару. Это не время гнева, это время угасания. Они плотно обступили все подходы к дому. Советник Кримм поймал страция за руку. Ллойву вздрогнул.

— Скажи, ты знаешь, что делаешь? Мы можем надеяться на тебя?

Ллойву как можно вежливее оторвал от себя его ладонь.

— Я делаю все, что могу, Советник.

Через минуту Ллойву был уже верхом на кроде и пересекал площадь, как корабль раздвигая перед собой иллоев. Куда он не бросал взгляд, все провожали его полными страха глазами. Мужчины, женщины, юноши, старики. От его решений и действий зависело сейчас их будущее. От этого по спине пробежал холодок. Ллойву дал пятками в бока кроду, чтобы тот двигался быстрее. В полной темноте глаза животного видели не хуже, чем днем, ведь далекие предки этих животных были хищниками.

Этого дня он боялся, предвидел и желал не допустить. Что времени не останется. Глухие шаги крода отдавались в ушах тяжёлым набатом. Вух-вух-вух. Словно выключили не только свет. «К нам. Иди к нам» Неужели тёмный Окто добрался уже и сюда? Сколько иллоев погибло из-за него? Сейчас все, кто стоит на площади и на прилегающих улицах, живёт в пригороде находятся в смертельной опасности. Надо спешить.

Все страты Окторума собрались у входа со столь же растерянными лицами что страций видел у своего дома. Ллойву рассеянно кивнул им.

— Господин Лир! — высокий худой илой почти со слезами на глазах кинулся, чтобы поприветствовать страция. — Мы не хотели! Советник велел оставить Окто как есть! Совет решил запечатать входы.

— Ничего, господин Йор, сейчас все поправим... — бросил Ллойву, хотя внутри всё замерло в дурном предчувствии.

— О, господин Лир, какая удача, что вы приехали...

Они все так в него верят. Осталось поверить самому.

В Окторуме его уже ждали: Дженве и оба брата Гайо, даже Роштар Вайзе, младший из семьи, высокий и худой Жертвенный, ожидали его в кабинете.

— Где ты ходишь, братец? — удивился Дженве, — я собрал для тебя лучших из лучших.

Ллойву оглядел свое войско. Младшие братья Гайо оба были тучными и выглядели потрепанными, точно старые мешки, Роштар Вайзе всем видом выражал презрение к сборищу, и лишь Дженве лучился оптимизмом. Но это от природного характера, скорее всего, и он понимал, чем все может закончиться.

— Солнце не встало сегодня, — рассеянно ответил Ллойву.

— Мы заметили, — едко отозвался Вайзе. — Отчего ты не предусмотрел этого, господин Умник?

— Не об этом речь, — прервал его Дженве.

— Я не понял, мы что, сейчас пойдём туда? — удивился один из братьев Вайзе, указывая пухлым перстом в сторону зала с Окто.

— Да, — кивнул Ллойву. — План таков. Я войду с ним в контакт, чтобы выяснить координаты. И тогда мы должны будем понемногу разорвать связь Аст'Эллота с Окто. Он поможет нам. Нам только его направить...

— Как? — удивился второй из братьев.

— Думаю, вы почувствуете, как, но для этого всем придется «открыться» перед ним.

— Что это значит? — Высокомерно спросил Вайзе. — Нам надо «слиться» ему? Ты в уме?? Он нас сожрёт!

— Нет. Окто связан с Аст'Эллотом посредством энергетических связей, через которые он питает остров. Мы зовём их дианоме. Сейчас эти связи хаотично рвутся. Вам необходимо

поддерживать эти связи, пока я выясню координаты, и потом постепенно их разорвать, но не сразу. Это самая сложная часть, я полагаю. Теоретически остров медленно встанет на место сам. Подобное к подобному. Если его будут слегка направлять.

— Теоретически? — усмехнулся Вайзе. — Что-то маловато перспектив.

— У меня не было времени проверить эту теорию. Опять же теоретически, Окто поможет нам, ибо он мечтает освободиться. От нас требуется небольшое участие. Я не уверен, что нам хватит сил, скажу честно.

— Небольшое? Вот сейчас совсем неуверенно прозвучало, — недоверчиво отозвался Тонру Гайо, более плотный и выглядевший посвежее.

— Я ничего не гарантирую, — устало выдохнул Ллойву. — Это авантюра, которая может стоить нам всем Искры, и жизни заодно. Если у нас не выйдет, Аст'Эллот медленно угаснет в темноте. Но прежде всех поглотит вторая сущность Окто, что вылезла из Тёмного предела. Но если получится, над нами взойдет настоящее солнце. И настоящие звезды. И мы избавимся и от модуля, и от того, второго, потому как я полагаю, они тесно связаны. Вот и все, что я могу вам обещать.

— Каков процент нашей удачи? — угрюмо спросил Вайзе.

— Я бы дал один к трем, даже к пяти, — честно признался Ллойву. Повисло молчание. Каждый взвешивал шансы и вспоминал, с чем бы он был готов проститься в первую очередь.

— Я помогу тебе, — нехотя проговорил Вайзе. — Ради Аст'Эллота. Ты прав, умник... В конце концов Статос предписывает нам заботиться об острове...

— Я... это... — Лимм Гайо перемялся на месте. — Тоже...это...с вами. Хотя я бы свалил, если честно... Но раз тут... это... с вами я...

Тонру Гайо молча поднял руку, салютуя в знак согласия.

— Я само собой с тобой, брат, — Дженве поднялся. — Любая твоя авантюра — это наша авантюра...

— Тогда вперед. Мы и так задержались, — Ллойву без промедлений направился на выход.

— Ты просто одержимый, Лир, — проворчал Вайзе, следуя за ним. Следом потянулись и остальные. — Я всегда знал, что твоё упрямство тебя погубит. Жаль, что ты уведёшь туда и нас...

В зал Окто, сняв печати, все вошли с трепетом. Как ни крути, Окто был для Жертвенных высшим законом и судьёй. Дженве, шедший последним, надёжно затворил дверь. Ллойву взглянул на огромный светящийся во мраке сферический модуль. Сгусток энергии пульсировал в хаотичном ритме: тускнел и снова загорался, а из глубины вверх тянулись потемневшие нити. Тёмная половина модуля, что зародилась в глубинах после нескольких оборотов мрака стремилась объединиться со своим светлым собратом.

«Ты здесь? Мы ждем» — Окто вспыхнул ярчайшей звездой, ослепив всех и тотчас погас, едва пульсируя.

— Сначала я должен найти координаты, — сказал Ллойву, не глядя ни на кого. — Джев, если я начну «растворяться», постарайся не отпускать меня, хорошо? Пока не получим место. Потом не держи, тебя может затянуть следом.

— Хорошо, как это сделать

Ллойву поднял на него глаза.

— Поделись со мной Искрой.

— Я понял, — кивнул Дженве. склонился к брату, — тебе не страшно? — тихо спросил

он.

— Я в ужасе, Джев, что могу потерпеть неудачу, — Ллойву натянуто улыбнулся, едва сдерживая эмоции, Дженве протянул руку, и страций пожал ее, не надеясь сделать это снова.

— Хорошо, — Ллойву вздохнул несколько раз, стараясь унять свое волнение. — Начнем. — Он без страха шагнул навстречу жаркому пылающему сгустку космической мощи.

Свет от Окто резал глаза до слез. Ллойву прикрыл веки. Надо позволить Окто захватить себя. Ладонями почувствовал тепло, а затем и все тело охватил жар.

«Мы ждем»

«Первая Искра, она мне нужна»

«Идем, идем же с нами»

Ллойву почувствовал, что покидает собственное тело, и его уносит куда-то по спирали в глубины, где навстречу уже протянул тонкие нити Окто. Рядом мелькали лица и проносились события. Но это страций скорее чувствовал, чем видел, словно открылось внутреннее око. Всё, что он знал об Окто сейчас казалось детскими сказками. Вот он, настоящий: целый мир внутри, живущий одновременно и в прошлом и в будущем по своим неписанным законам.

«Твоя Искра, она славная, она нам нравится.»

«Первая Искра»

«Идём, идём, мы покажем тебе», — водоворот событий закружил его. Он ощутил всем телом, словно проник в каждую песчинку, как запустили Темный предел — шахту, где добывают латаровую руду. Бурильные установки заработали, вгрызаясь в его собственное тело. Как зародился в глуби крошечный проблеск сознания, что прорастет потом в Тёмного Окто. Как поднялся над городом Инститос. Проник в каждый дом через энергетические дуги. Он все видел, все слышал и обонял. Голова кружилась. Только не упасть, не потерять, не остановиться...

«Дальше, глубже». И его снова понесло в водовороте лиц. Грустные, серьезные, унылые, веселые, сильные и слабые, умные и не очень. Каждый из иллоев вносил свой вклад в сознание Окто, собирал его по крупице. Первый вейман поднялся в небо. Полеты были обычным делом, пока Окто не угас. Энергии — в избытке. Каждая улица освещалась фонарями. Астрологи настраивают солнце и расставляют звезды. Каждый месяц положение звезд должно меняться, ровно, как на поверхности.

«Дальше, дальше»

Ллойву чувствовал, что слабеет, но отступить нельзя. Надо дойти до конца. Дженве не даст ему сдаться. Первые дома, широкие еще проспекты, чинные Жертвенные в родовых цветах. Первый бал. Первый Совет.

«Вот она, вот она» — Сагарино Изольтар Лима Оластери. Высокий, статный Жертвенный в алом одеянии.

«Первая Искра, Первая Искра»

«Мы сотрем все упоминания...» — вещал Оластери. — «Пусть наши потомки забудут этот грязный мир. Мы создали новый»

«Зачем, зачем? Это глупо! Откуда подняли остров? Нужны координаты!» — крикнул Ллойву, подумал, что крикнул. И Оластери вытянул шею, выглядывая, кто задал вопрос на закрытом Совете.

«Не нужно! Ни к чему возвращаться к этим варварам»

«Прошу!» — он так слаб, ему не хватает воздуха. Отец прав, зря он посчитал, что сможет исправить хоть что-то. «Координаты!» Оластери снова не ответил, и тогда Ллойву, собравшись с силами, решительно ринулся на удачу прямо внутрь памяти Сагарино Оластери, снимая воспоминания слой за слоем. Сознание медленно гасло, не выдерживая напряжения.

«Твоя Искра такая вкусная. Такая сильная» — Окто выпивал силы, взимая плату за каждый неосторожный шаг. «Она гаснет...» — Огромные горы. Океан. Остров.

«Мы поднимем остров, вознесём его как прародители наши вознесли светило и звёзды»

«Это возможно?» Почти невозможно.

Аст'Эллот омывался северным морем.

«Мы забудем этот варварский мир». Полуостров, это был полуостров на южной стороне северного материка... Тангора... Теперь там глубокая бухта... Огромная бухта. Ллойву смотрел на возвышающиеся в дали снежные шапки северных гор глазами юного Сагарино Оластери. Он точно знал, как называется земля, и помнил, где находился Аст'Эллот до того, как тонкая грань отсекла остров от варварского мира люди, сместила его относительно материка в доли мгновенья в пространстве и времени. Сколь горды и преисполнены важности илои, потомки последних богов. «Кто хочет, может идти с нами». Они забрали с собой всё, что посчитали нужным. «Нам не нужно грязное соседство...» Тангора... тонкая нить памяти окрепла. Теперь не потерять, осторожно следуя за ней помочь ткани пространства срастись, заживить раны.

«Услышь меня, Джев... возьми её в руки, заверши начатое...»

«Ты зашел далеко... Обратный путь слишком долг для тебя... Ты устал... Остайся... Мы ждем... Иди к нам...»

«Я узнал, где находится Исток... Помоги нам»

«Ты мог бы вести за собой... Но... Тебе не вернуться... Твоя Искра гаснет... Славная Искра, сильная Искра»

И Ллойву почувствовал, что растворяется в массовом сознании. Чужие воспоминания и желания затопили его, заглушая свои.

«Ты станешь Последней Искрой...»

— Ллойву... — донеслось издалека.

«Это мое имя. Имя славного прадеда...»

«Его нет... Никого больше нет... Есть мы... Иди к нам, напои нас, раствори нас...»

Его окружили лица, часть были знакомы. Одно особо дорого. Иливелли Лир. Матушка.

«Остайся с нами... Здесь тебе будет лучше... ты же хочешь покоя... Ты устал...» — Воспоминания наслаивались одно на другое, вот она качает колыбель с младенцем, улыбаясь ведёт Мильен на первый в её жизни бал, и сразу, как пощёчина, решение Совета о Слиянии. Выбрали её. Почему? Такого не должно было случиться!

«Прости, милый. Это наше предназначение». Предназначение... «Смирись...»

«Иди к нам, к нам...»

— Я понял тебя. Я вижу это место... — глухо донеслось до него.

«Это Дженве... Я не завершил начатого...». — С усилием, оторвавшись от родного лица, Ллойву потянулся назад. Крупицы мглы просочились в память, воскрешая картины из детства. «Моё» Черный зёв Тёмного предела и тонкие нити-руки ждущего на глубине чудовища. Он здесь! Он рядом, он жаждет пищи. Не уйти... Нити-руки тянуться к эфирному телу.

«Твоя Искра теперь наша»

«Наша», «Наша», «Наша». — И сотни эфемерных рук вцепились в него, оттаскивая назад.

«Я не могу... Прости, Джев, мне не хватает сил...» и вдруг появилось второе дыхание, вперёд, вперёд. Есть дело, которое он не закончил.

«Наша...» — Окто одолевал. В последней попытке вырваться Ллойву потратил остатки сил. Прилива энергии хватило лишь на вдох. «Это Дженве, он делится со мной своей Искрой...»

«Иди к нам, иди к нам... веди к нам...». Это чудовище затянет и Дженве. Нельзя этого допустить, на него последняя надежда.

Ллойву оттолкнул брата, разрывая созданную связь, и после заскользил по спирали обратно в бездну, падая в черноту Тёмного предела, как и много оборотов назад. К гибели. Голос брата отдалился и вскоре угас.

Глава 18 где Дженве совершает чудо для всех и немного для себя

Всё, что мог Дженве это беспомощно смотреть, как тело брата теряет привычный материальному абрис и становится призраком, наполненным энергией Искры. Сейчас Ллойву путешествовал в токах энергий. Тело его стало сродни модулю, мерцающее в пустоте всеми цветами, видимыми глазом. Только теперь можно было с уверенностью сказать, насколько Искра созвучна с модулем. Остальные потрясенно наблюдали за картиной. Никто из них до сей поры не бывал в этом зале, и не видел, каким прекрасным и ужасающим в своей мощи может быть Окто. Ллойву растворялся в нем, но одной только волей все еще оставался на материальном плане.

— Ллойву! — Дженве коснулся призрака, и сквозь пальцы в полупрозрачное тело потекла свежая сила новой Искры. Через прикосновение Дженве почувствовал весь спектр эмоций, услышал голос матери, увидел, как возводился Астэллот и...увидел места, на которые первые Жертвенные смотрели с высот своего полуострова. Он узнал название, потому что его узнал Ллойву, видел место, потому что брат нашел его в воспоминаниях первого асатра, принесенного в жертву Окто. Поймал, ухватил нить воспоминаний, способную указать путь во тьме. Но не смог задержать брата.

Он уходил вместе с ним, и растворялся внутри коллективного сознания.

— Нет, — Дженве отнял руки. — Я понял тебя. Я вижу это место...! — Устыдившись своего порыва, он взглянул на растворяющийся в воздухе абрис. — Нет, Ллойву... боги, нет! — Он снова коснулся призрака, и с пальцев его начали срываться едва видимые капли. Он чувствовал, что энергия его Искры уходит в небытие. Словно нечто перехватывало эти силы, предназначенные для брата. Ллойву по-прежнему отдалялся, а затем и вовсе оттолкнул его. Дженве сделал еще попытку, но Ллойву стал недосягаем, растворившись в Окто, как капля крови в речной воде.

Дженве застонал, и остальные оживились. Нужно скорее закончить. Близость Окто на всех действовала раздражающе.

— Что теперь? — Вайзе нервно переступил перед потухшим на время модулем.

— Теперь надо поддержать связи, пока остров не опустится. Надо поделиться с ним, помочь. Я знаю, куда нам стремиться...

Все шагнули ближе к угасающему сердцу Аст'Эллота, закручивающемуся в ускоряющиеся вихри. Дженве с болью оглянулся на гаснущий призрака брата. Лимм Гайо взял его за предплечье.

— Давай, братишка, ещё немного, — грубо постарался он сказать слова утешения.

— Думаю, здесь нет алгоритма. Все вместе, — скомандовал Вайзе. И они все почувствовали, как невероятная сила, разрывая их на куски, дернула во все стороны одновременно — модуль почувствовал их желание и откликнулся на него. Дженве держал в памяти место, которое указала ему Первая Искра, хоть сознание поминутно соскальзывало внутрь собственного тела, где зрела, наливалась огромной пропастью боль. Не сорваться, не сорваться, сохранить в памяти ту нить, что приведет всех к спасению. Окто сжался до пылающей точки, затем расправил крылья — щупальца, заполнившие всю залу до самого свода, затем снова сжался. Обратная энергия модуля ударила по Жертвенным. Сила, заключенная в Окто, накопившаяся за столетия, протащила сквозь их вены остатки

шершавой, горячей белым в видимом спектре энергии, и сразу впиталась обратно, забирая дополнительные силы сторицей. Лимм Гайо сдался, в изнеможении отступил на шаг, но быстро взял себя в руки и снова присоединился к остальным. Дженве чувствовал себя опустошенным, вымотанным, измочаленным в край. Стоять перед Окто, сдерживая его от преждевременного разрушения, казалось невозможной задачей. Он быстро терял силы. Окто, не стесняясь, выдирает из Жертвенных всё, чего ему не хватало.

Когда разорвется связь с модулем, Дженве навсегда потеряет брата. Окто выпивал силы каждый раз, распахивая крылья, приближаясь к Аст'Эллоту и отдаляясь от него все дальше, толкал к Истоку, к земле людей, ломая созданные когда то барьеры. Шаг за шагом они шли к цели. Все четверо пока держались, но вот Лимм Гайо, издав неприятный звук, снова согнулся от боли. «Нам не хватает сил, братец. Твоя помощь бы не помешала». Окто чуть погас, затем снова вспыхнул, заливая ярким светом залу.

Земля за стенами загудела. Воздух стал разреженным и почти непригодным для дыхания.

— Боги! — Дженве стиснул зубы. Кружилась голова. "Не выпускать нить, не выпускать". Окто медленно раскрылся, затем снова сжался. Пульсация его порождала новые толчки снаружи. Казалось, что вся затея стала полным провалом. Здание затряслось, и даже показалось, что по потолку побежали трещины, но Жертвенные не заметили этого, сосредоточившись на своей задаче: оставаться открытым для Окто, пока все не закончится. Вот модуль погас, приглушив бушующий пожар вокруг, и всех немного отпустило. Дженве судорожно вдохнул. Что происходит? Почему так мало воздуха и он пахнет кровью? Словно все тело выворачивало наизнанку. Окто напоследок, не ограничиваясь,пил Искру, и сама основа их жизни трещала по швам, как и все окружение. Дженве отчетливо почувствовал вкус крови во рту. Все тело словно раздирало на части, отжимая из каждой клетки необходимы резерв. Бесстрастно, жестоко модуль черпал силу в любом доступном ему источнике, чтобы не развалиться на куски в темноте и безвременье. И этим источником стали четверо последних оставшихся на острове Жертвенных и их связь с ушедшими богами. Последние Искры.

«Это невозможно выдержать» — подумалось Дженве, когда показалось, что он вот-вот готов сдаться. Ллойву бы не сдался... Он никогда не сдавался.

Пульсация становилась все реже. Громкий треск сопровождал толчки из самой утробы острова. От потолка откололся кусок раствора и полетел вниз, разбившись на мелкие кусочки. Воздух наполнился запахом соли. Наконец, Окто раскрылся в последний раз и погас. Перед Жертвенными остался пустой кокон модуля с торчащими к самому своду большими латаровыми дугами. Под ногами — хрупкая сеть протянувшихся к модулю, и застывших в своем стремлении расплавленных капель стекла с самого дна залы презревших все законы тяготения. Вайзе открыл глаза. Вытер окровавленные губы. Отступил, покачиваясь, и сел прямо на засыпанный осколками штукатурки пол, теперь уже видимый и осязаемый.

— Мы живы, — резюмировал он спустя время. Братья Гайо, как один, покачиваясь, с грохотом упали, раскинув руки. Лимм со вздохом лег на бок, откашливая изо рта густую кровь. Дженве вытер пот на лице, медленно повернулся к брату, страшась увидеть пустое место рядом с собой. Но нет, тело Ллойву не растворилось в модуле, Окто не впитал его всего, пощадив Последнюю Искру. Тело лежало тут же. На висках и шее выступили черные мазки сосудов, кожа побледнела, а из уголка рта и из носа тянулся след от кровавых капель.

Он, словно пережил весь этот ужас вместе с ними. Пальцы его посерели, обращаясь в камень. Каждый из Жертвенных, расставшись с жизнью, возвращается к покровителю своего дома, как Ллойву сейчас уходил к создателю земной тверди и покровителю дома Лир — Литу, оставляя тело родовой стихии.

— Ллойву! — Дженве не был готов поверить в эту смерть, кинулся к нему, прижал ухо к его груди. Тишина осадила все внутри. — Ллойву, нет! — Дженве не обращая внимания на окаменевшие пальцы, и начал ритмично давить ему на грудь, в надежде запустить сердце снова. — Ты не можешь умереть... Не теперь, Ловкач, слышишь?

Вайзе с сожалением взглянул на обоих Лиров. Ллойву он ненавидел, но смерти ему не желал. Особенно такой. Особенно сейчас.

— Очнись! — Дженве прижал ладони к шее брата. По плечам его пробежали синие всплески, и с пальцев в бездвижное тело снова потекла сила, способная дать жизнь даже камню.

— Дженве...

— Нужен Октис! — Дженве, словно безумный, рванулся к растрескавшейся арке входа, — Помогите мне!

Он, не помня себя, поднялся по спиральному коридору к самому выходу, где собрались обезумевшие от страха перед происходящим страты.

— Октис! Дайте мне его! — один из стратов, при одном взгляде на безумные глаза, сорвал с себя браслет и протянул Жертвенному. Дженве, невзирая на ломоту в теле, помчался обратно вниз, на ходу надевая браслет. В зале Роштар Вайзе, преодолев свою неприязнь, делал Ллойву массаж сердца, как до этого Дженве. Братья Гайо исчезли из поля зрения.

— Мне кажется... — начал Вайзе, поднимаясь, но Дженве не стал его слушать, решительно отодвинул рукой. Октис слабо загорелся на запястье асатра. Дженве прижал ладонь к груди брата и послал разряд. Затем прислушался. Тишина. Повторил — и снова ничего. Вайзе какое-то время наблюдал, как Дженве, словно обезумев, посылает один разряд за другим. Ему, определенно, не хватало сил.

— Помоги мне, — бросил он Вайзе. Тот положил ладонь на плечо.

— Дженве, он мёртв...

С удвоенной Искрой удар Октиса стал мощнее. Тело Ллойву изогнулось дугой, когда усиленный в разы разряд прошил его насквозь. Веки его дрогнули.

— Давай! — Дженве, окрылённый удачей, снова начал делать массаж сердца. Спустя время его усилия увенчались успехом, брат приоткрыл глаза. Пальцы побледнели и приобрели живой оттенок.

— Ллойву! — Дженве схватил его ладонь в свои. Прижал ухо к груди. Сердце билось, но редко, тихо и неровно. — Ты жив!

Вайзе чуть улыбнулся этой общей маленькой победе. За это время братья Гайо успели добраться до кабинета и распахнуть там окно, а затем и вернуться.

— Звезды! — закричал Лимм, останавливаясь в раскрытой арке. — Там куча звезд! И ветер! Все настоящее! Представляете! Н-а-а-настоящее! Солью пахнет! Солью пахнет, соль пахнет! — танцевал он как безумный.

— Его надо в госпиталь, — не обращая внимания на толстяка, пробормотал Дженве, с трудом поднимая тело брата на руки. — Срочно

— Я помогу, — кивнул Вайзе и пошел вперед.

— Звезды! — орал во всю глотку Лимм уже где-то наверху.

У дверей, однако, их встретило новое препятствие. Толпа иллоев, пришедших к Окторуму, чтобы выказать свои сомнения, и испуганных произошедшей метаморфозой. Земля тряслась, небо меняло цвета, но затем словно с небес сдернули покров и над головами распахнул крылья черный бездонный небосвод, усеянный звездами. Теперь все отходили от пережитого и потрясенно разглядывали небо и облака, что северный ветер нес с океана на континент.

— С дороги! — прорычал Дженве, но никто не обратил на него внимания.

— Я подгоню экипаж, — Вайзе кинулся в сторону каретного сарая.

— С дороги! — застонал Дженве, но не смог повлиять на потрясенных зрелищем иллоев. Может, кто-то и увидел его, но за теми, кто уступил дорогу, стояли еще илои, а за ними еще и еще. По счастью, подоспел Вайзе с экипажем. Дженве передал тело брата в коляску и залез сам. Но дорога всё равно оставалась заблокированной.

— Разойдитесь же! — в сердцах крикнул Дженве. Вайзе спрыгнул с козел и начал расталкивать стоящих, освобождая дорогу для экипажа. Дженве осторожно устроил брата на сидении, а сам залез на место возничего.

Наконец, иллои поняли, чего от них хотят, и начали расступаться перед коляской.

— Это звезды? — потрясенно выдохнули рядом.

— Настоящие...

— Звезды...

— И небо...

Дженве подхлестнул крода, и тот, заревев, рванул с места, попутно задевая зазевавшихся илоев грудью. Наконец все расступились, и коляска помчалась к городу.

Дженве боялся не успеть. Боялся, что брат потерял себя в Окто. Что они все потеряли много времени. Много чего еще боялся. Но одно неоспоримо. Ллойву был прав. Вот оно, небо, настоящее. И звезды, совсем не похожие на те, что были на Аст'Эллоте. Теперь все изменилось. Теперь Окто никому не угрожает, под ногами — земля, над головой — небо, а перед всеми, кто остался — целая жизнь, много жизней последующих поколений.

Возле госпиталя его встретили не сразу. Медбратья выбежали навстречу, лишь, когда Дженве поднял тело брата на руки. И тогда отработанная машина закрутилась. Были принесены носилки. Тело положили на них и бодро понесли внутрь. Дженве, сам не свой, шёл следом. Еще в Окторуме Ллойву открыл глаза, это же ему не показалось, теперь брат снова выглядел безжизненным. Больного занесли в палату, переложили на больничную кровать. Засуетились возле него. Проверили пульс. Дженве замер, когда медбрат взял запястье, сначала на его лице отразилось сомнение, но затем он кивнул. Дженве выдохнул. Значит, Ллойву жив. Он выберется. Пришел доктор Валлар, и асатра оттеснили в коридор из палаты.

Дженве встал у стены, с твердым намерением остаться здесь, хоть на сутки, хоть на двое. Но остаться не пришлось. Спустя долгое — долгое время, когда из палаты то и дело выбегали растревоженные медбратья, наконец, вышел и сам доктор Валлар. Усталый и осунувшийся.

— Идемте, — кивнул доктор ожидающему.

— Нет, — Дженве замотал головой. — Я никуда не уйду.

— Он жив, успокойтесь, и будет спать еще долгое время, — словно малому ребенку

втолковывал доктор. — Идемте, у меня в кабинете есть кушетка. — И Дженве сдался. Он покорно поплелся за доктором.

В кабинете доктор Валлар налил в глиняные кружки себе и Жертвенному вина из личного запаса. Створка бюро обыденно скрипнула, и этот звук показался слаще любого другого, знаменуя данность. Они живы. Всё в порядке. Валлар протянул кружку Дженве.

— Нелегкий выдался день, так? — усмехнулся он. — Вид у вас не лучше, чем у него. Дженве кивнул и залпом выпил все, что было налито.

— Я не знаю, что вы там сделали, но вижу, что результат того стоил, — доктор приложился к кружке и сам. — Последнее время, я думал, нам всем конец.

Дженве сидел на кушетке и медленно осознал все произошедшее. Несколько часов назад они только собирались сделать то, что могло в случае неудачи уничтожить все, что он видел вокруг, стереть. Но Ллойву продумал план, и осуществил его. И теперь над головами илюев — небо. Под ногами — земля. Все они живы и здоровы. Кроме него.

— Вы можете отдохнуть здесь. Или поехать домой, — продолжил Валлар, и Дженве понял, что он говорит уже какое-то время.

— Я желал бы здесь... — кивнул Дженве. — Я хочу первый сказать Ллойву про звезды... — И он кивнул для верности.

— Ллойву... — Валлар опустил голову. — Жертвенный Дженве...

— Можно просто Дженве. Жертвенных больше нет. Уже нет... Все закончилось, — Дженве отчего-то посчитал, что так будет правильно. Вдруг до него начало доходить, что Жертвенные стали не нужны. Не нужно опасаться за свою жизнь. Все Первородные в один момент стали свободны.

— Дженве, Ллойву вряд ли проснется сегодня...и завтра... — Валлар прочистил горло. — Он исчерпал свой ресурс полностью. Я говорил ему... Еще в прошлый раз. Он возможно, восстановится, но потребуется время...

— Я подожду, — кивнул Дженве.

— Может потребоваться много времени, которого у нас может и не быть. Физиология Жертвенных сложнее. Основу вашей жизни составляет ваша Искра. Она первична и в его случае едва теплится. Тело еще живо, но черпает силы, сжигая самое себя, — мягко добавил Валлар. — Мы поддержим его, сколько можем. Но если он не очнется ближайшие несколько дней... Понимаете... Он может не проснуться...

— Он очнется, — Дженве упрямо кивнул.

— Да, — Валлар отвернулся, чтобы налить еще вина. — Советник, быть может, захочет навестить его? И остальные родственники...

— Они не придут, — Дженве кивнул в третий раз, принимая из рук доктора полную кружку.

— Почему? — удивился Валлар.

— Они покинули нас. Вы разве не знаете? — Дженве хихикнул и залпом выпил вино.

— Хорошо. Я распоряджусь, чтобы вам принесли белье, — доктор тихо вышел, аккуратно, прикрыв за собой дверь. Дженве на ватных ногах подошел к окну. Все тело болело, словно его долгое время били. Дженве вытер рукой щеку. Кровь присохла и рассыпалась в пальцах черной крошкой. Знатный у него вид, должно быть. За виднеющимися через окно крышами поднималась зарница. Над поверхностью восходило солнце. Взгляд замутился, и Дженве вытер накопившуюся влагу из глаз. Восход. Настоящий восход.

Хлопнула дверь. Хозяюшка принесла валик под голову и две простыни. Дженве, не

отрываясь, смотрел, как светлеет небо, как гаснут одна за другой звезды, и на смену им восходит настоящее, жаркое дневное светило. Едва диск на небосводе начал резать глаза, Дженве оторвался от этого зрелища и упал, наконец, на кушетку, кое-как накрывшись простынями.

Глава 19 в которой кого-то ждёт работа, а кого-то путешествие

Дженве пробыл в госпитале около дюжины дней. Доктор Валлар позволил ему спать в своем кабинете. Дженве встречал каждый рассвет и каждый закат. Смотрел на звезды из окна палаты брата. Зародилась новая луна, и Дженве с восторгом следил, как она постепенно растет.

Жизнь продолжилась несмотря ни на что. После потрясения, что испытал Аст'Эллот после того, как был возвращен к истокам, начали считать потери. Иллои потеряли Темный предел, потому что его вместе со всеми секретами затопило океаническими водами. Несколько иллоев погибли, так как не успели вовремя убраться из-под обрушившихся от сотрясения конструкций. Перестали работать все механизмы, которые питались от Окто: мельницы, ткацкие станки, плавильные машины... Предстояло заново понять механику их действия, чтобы запустить от нового источника энергии, и этот источник также следовало изобрести. Перестали работать октисы. Страты перешли под управление Совета гильдий. О Жертвенных теперь не вспоминали. Позорное их бегство навсегда наложило пятно на репутацию. О том, что несколько асатров участвовали в возвращении Аст'Эллота, знали лишь несколько десятков иллоев, те, что входили в первый Совет гильдий. Им о проделанной работе рассказал Роштар Вайзе, взявший на себя тяжесть общения с разъяренными изменениями илоями. Общим решением было выдать всем пятерым помилование, остальным же на острове определили волчий билет. Аст'Эллот больше не был домом для асатров, они сами отказались от него, а Аст'Эллот отрекся от них в ответ. Роштар Вайзе получил должность Советника при гильдиях. Оба брата Гайо собрались в дорогу на поиски лучшей жизни, благо теперь, путешествия на континент можно было не согласовывать с Советом. Советник Кримм, возглавивший Совет гильдий теперь отпустил их с облегчением.

Обо всех новостях Дженве узнал из первых уст. Роштар Вайзе как-то зашел в госпиталь справиться о здоровье Лиров. Новости были неутешительны. Доктор Валлар с каждым днем все больше мрачнел. Два раза в день больному делали инъекции, чтобы поддержать тело. Но каждый новый день отдалял надежду на пробуждение. Дженве сидел у постели, держал в своих ладонях безжизненные высыхающие пальцы, и с каждым разом задавался вопросом, вернется ли брат, или стоит прекратить эти мучения для обоих. И каждый раз не в силах принять окончательного решения, уходил с надеждой на следующий день.

Уже приходил сам Советник Кримм, и прозрачно намекал, что долго так продолжаться не может. Они посчитали убытки. И решили, что держать асатра в палате госпиталя Майоран не выгодно. Было решено перевезти его домой. Доктор Валлар был против, но его, как и при Изольтаре, никто не услышал.

Дженве уже в который раз снова пришел в палату брата, сразу прошел к окну. Открывающийся вид ему нравился.

— Ты зря противишься, Ллойву, — вздохнул Дженве. — Вид просто отличный! Вон там горы видно. Когда ты поправишься, мы с тобой обязательно побываем там.

Со стороны больничной койки в ответ раздался едва слышный хрип. Дженве, запретивший себе радоваться раньше времени, подошел ближе. Ллойву смотрел в стену госпиталя приоткрытыми глазами.

— Ллойву! — Дженве сжал его руку и сел так, чтобы попадать в поле зрения. — Ты вернулся.

Ллойву перевел мутный взгляд на брата, и подобие улыбки дернула уголки губ вверх.

Дженве сжал высохшие до костей пальцы.

— У нас все получилось, Ллойву! — прошептал Дженве. — Мы опустили остров на поверхность. Мы свободны!

Ллойву прикрыл глаза, давая понять, что услышал. Переборол слабость, затем вопросительно взглянул на брата.

— Ты долго болел. Очень долго, — Дженве коснулся лбом его пальцев, скрывая накопившуюся влагу в глазах. Не в силах смотреть на высохшие, заострившиеся черты, спрятал лицо у костлявой ладони. — Нас ждет путешествие, брат. Я планирую отправиться в путешествие и взять тебя с собой. Что скажешь?

Ллойву снова медленно моргнул.

— Теперь тебе надо восстановить силы.

Ллойву перевел взгляд на правую руку. Вдохнул несколько раз, силясь что-то сказать. Только теперь Дженве обратил внимание, что обручальный браслет давно расстегнулся и потускнел, завалившись в складки одеяла.

— О, она расторгла помолвку? — усмехнулся Дженве, взял тонкую паутинку в руки. — Все к лучшему! — И он отшвырнул браслет за спину.

Вошел доктор Валлар, и Дженве снова оттеснили от постели больного. На этот раз он отошел с радостью. Больше всего в этой истории он почему-то боялся потерять брата, и не был готов простить илоям его смерть. Теперь Аст'Эллот был прощен.

После хороших новостей Дженве был готов поехать домой. Особняк на площади Лита реквизировали в пользу нового госпиталя, но дом на площади Сти оставили владельцу в знак благодарности за содеянное. Дженве отправился туда, оставив брата на попечение доктора Валлара и его армии медбратьев. Особняк простоял без охраны около двух декад. При хозяине он пережил нападение разъяренной толпы и был разорен по приказу Советника Лира. Иллои не тронули имущества, никто не прельстился богатствами страция за время отсутствия хозяина. И здесь Дженве также был благодарен Аст'Эллоту. Теперь предстояло вернуть дому жилой вид.

Холодный морской ветер выстудил дом и нанес в приоткрытые окна грязь и листья.

Дженве огляделся в разоренной гостиной. Работы много. И он взялся за дело. На второй день Дженве встретил, кухарку, госпожу Лиссу, что заходила в дом изредка, в надежде когда-то увидеть здесь «госпожина Лира». Дженве пообещал ей скорое возвращение хозяина. Вдвоем они за несколько дней привели дом в порядок. Дженве оторвал доски, которыми была заколочены задняя дверь, убрал сожженные кусты сирени, поправил беседку.

Спустя время он снова был в палате у брата. Ллойву выглядел гораздо лучше, взгляд его казался более живым, но он все еще походил на восставший из могилы труп.

— Ну и видок, братец! — усмехнулся Дженве.

Ллойву не ответил, он улыбнулся, когда Дженве потряс перед носом брата принесенным пакетом с виноградом.

— Видишь, я помню.

— Я вряд ли... смогу его съесть, — Ллойву с трудом приподнял руку. Голос был тих, слова прерывались неровным дыханием. — Я словно воскрес... из мертвых.

— Так и было, братец, так и было! — Дженве подставил стул и сел рядом, сложив

виноград на стол. — Ты едва не отправился к прародителю...

— Ты сказал... что все полу...чилось?

— Да, все получилось! — кивнул Дженве. — Ты — гений! Я всегда это знал.

— Я... видел... ее, — отстраненно сказал Ллойву.

— Я знаю. Я видел все, что видел ты, — снова кивнул Дженве.

— Отец... здесь?

— Нет, и вряд ли объявится. Здесь их не ждут.

— Они зл...тся? — спросил Ллойву, непонятно, кого имея в виду.

— Илои? Не знаю. Всех устраивает настоящее небо над головой, но не устраивает, что привычные вещи больше не работают. Мне наплевать, если честно.

Помолчали.

— Местные... уже встр...чались?

— Местные? — не понял Дженве.

— Ну, аб...ригены...Тангор...цы...

— Да я не знаю, — отмахнулся Дженве. — Я ждал, пока ты проснешься. Я хочу поехать на материк. Поедешь со мной?

— Нав...рное...

— Само собой мыждемся, пока ты поправишься. Что, кстати, говорит Валлар?

Ллойву потерял затылком о валик под головой.

— Что мне... повезло...

— Добрый доктор... — рассмеялся Дженве.

— Джев...

— Что?

— Я слы...шал тебя...

— Это хорошая новость.

— Я слышал... Окто и слы...шал тебя.

Дженве сморщился.

— Не надо про Окто. Тут это тема болезненная с недавних пор. Давай, скажи, когда ты выпишься?

— Я бы... уехал... хоть сег...дня...

— Хм...Валлар не отпустит тебя.

— Не отп...устит, — вздохнул Ллойву. Снова помолчали. Ллойву лежал, разглядывая ненавистные стены госпиталя, и глаза его постепенно закрылись от усталости.

— Я пойду, — Дженве встал, и тихонько вышел, стараясь не потревожить сон.

После этого Дженве снова каждый день ходил в госпиталь. На пороге особнячка на площади Сти появился бывший стат — кабистер Мейе Горр, когда узнал из новостных листков, что Ллойву очнулся. К слову, не только он узнал об этом из газет. Каждый день Дженве проходил сквозь небольшую группу иллоев, стоящих возле дверей госпиталя. Никогда бы не подумал, что у брата были поклонники. Среди них было немало женщин, но попадались и мужчины.

Советник Кримм узнав, что Ллойву пришел в себя, позволил ему закончить лечение в госпитале Майоран. От перевода лечения на дом пока отказались. Списывать иллоя, подающего признаки жизни — опасно. И это была хорошая новость, потому что без присмотра, Ллойву пришлось бы туго. Выздоровление шло медленно. Больной с трудом

восстанавливал силы, словно не только физически пострадал в последнем предприятии, но и покалечил самую основу своего существования. Искру. Этого Дженве боялся больше всего. Жертвенный без Искры угасает, подобно тлеющему углю.

Спустя несколько дней, Советник Кримм все же настоял на выписке больного на домашнее лечение, несмотря на протесты доктора Валлара и Дженве. Однако, Ллойву поддержал это решение, и пришлось согласиться.

В день выписки у ворот собралось особо большое количество народу. Дженве опасался, что в порыве обожания они заблокируют выход, и Ллойву не сможет пройти. Стоять ему все еще стоило больших усилий. Ни к чему было растягивать это испытание.

В полдень уже готовый и собранный больной сидел в своей палате, созерцая голубое небо в просвет между крышами.

Дженве и Мейе вошли один за другим в палату. Потерявшая свой лоск в новых обстоятельствах форма страция была почищена и выглажена усилиями Хозяюшек госпиталя. Титул упразднили, однако Ллойву все еще представительно выглядел при полном облачении, хоть форма и висела на нем, как на вешале. Только ножны для кимейров были пусты. Кимейры были реквизированы при аресте еще при Советнике, и теперь, пройдя долгий путь из рук в руки, лежали в доме на площади Сти, ожидая законного владельца.

— Готов?

— Как все же красиво, — вздохнул Ллойву, — даже Мастера не смогли передать все величие настоящего небосвода.

— Они старались, — оборвал его Дженве. — Коляска ждет нас у черного хода.

— Я готов, — Ллойву взял трость, что подарил ему доктор Валлар на прощание, и с усилием поднялся. Мейе с сожалением отметил дрожь в пальцах, держащих рукоять, открыл дверь и выглянул в коридор. Доктор Валлар спешил навстречу.

— Я хотел попрощаться, господин Лир.

— Хотелось бы, но боюсь, мы с вами никогда не расстанемся, — невесело пошутил Ллойву, приваливаясь к дверному косяку.

— Совет выделил вам компаньона. Я оставил ему все инструкции, — кивнул Валлар. — Будьте осторожны со своим здоровьем.

— Не обещаем, но будем стараться, — усмехнулся Дженве. — Идем, брат. Нас ждут.

— Надеюсь, более с вами не встретиться, доктор Валлар, — чуть улыбнулся Ллойву.

— Вы слишком неосторожны для этого, — Доктор кивнул всем троим. — До новых встреч, господа.

Опираясь на трость, Ллойву заковылял по коридору. Мейе двинулся вперед, чтобы быть уверенным, что никто не преградит дорогу.

— Чего вы опасаетесь? — задыхаясь от усилий, спросил Ллойву.

— Мы опасаемся, что нас могут не выпустить, — оправдывался Дженве, следуя за братом. Ллойву обессилено привалился к стене, передыхая.

— Кто? — он повернул голову к брату.

— Твои поклонники, — усмехнулся Дженве.

— Это сейчас была ирония?

— Отнюдь, — Дженве терпеливо ждал, пока Ллойву отдохнет.

— Откуда у меня поклонники? — Ллойву устало двинулся дальше.

— У задней двери никого нет, — подошел и Мейе.

— Тогда вперед.

— Вы многого хотите от меня, — выдохнул Ллойву, спускаясь по ступеням.

— От тебя нельзя хотеть многого, Ловкач, потому что ты можешь все, — бодро отрапортовал Дженве, следуя за братом.

— Ты издеваешься... я понял.

— Ни капли... — Беглецы медленно преодолели расстояние до коляски по заднему двору, и Дженве помог Лойву взобраться в закрытый экипаж.

— Я не пойму одного, — возмутился Ллойву. — Отчего вы оба здесь? Что, там снова взрывают?

— Будешь возмущаться — пойдешь пешком, — бросил Дженве и стукнул в стенку. — Гони.

Ллойву замолчал и отвернулся к окну. Позади послышались крики.

— Нас заметили, — усмехнулся Дженве. — Быть может, ты пожелаешь толкнуть речь?

Ллойву награбил брата испепеляющим взглядом и не ответил. Экипаж катился по обновленным улицам. Много поменялось. Энергетические фонари на улицах заменили на масляные, улицы стали более оживленными. На площади Сти, куда они выехали вскорости, фонтан, изображавший Жертвенных, держащих в руках Окто, заменили на более простой, ничего не выражающий куб.

Ллойву проводил проплывающий пейзаж с сожалением. Ушла целая эпоха, как бы она ни была плоха, многие поколения выросли при ней. И теперь признаки меняющегося мира вызвали сожаление об ушедших навсегда временах. Коляска въехала в ворота. Садовник Пэм, закрыл за ними резные створки. Ллойву с неожиданной радостью поприветствовал его. Хоть что-то осталось неизменным.

— Процветайте, Пэмвел.

— Процветайте, господин Лир

Ллойву вылез из коляски, поддерживаемый братом. В полисаднике убрали все следы от зажигательных бомб. Ллойву вздохнул полной грудью.

— Боги! Неужели я дома, — рассмеялся он, — признаться, я не надеялся.

— Очень зря, — кивнул Дженве. — Идем в дом.

Тяжело опираясь на трость, Ллойву поднялся на крыльцо. Распахнул дверь. В нос ударил ароматный запах готовящегося мяса.

— Госпожа Лисса! — Ллойву поковылял на кухню. — Боги! — Накрытый стол уже ждал приезда гостей. — Не представляете, как я рад вас видеть.

— Процветайте, господин Лир, — пряча слезы на глазах, проговорила женщина. — Мы вас ждали здесь.

— Кто мы? — не понял Ллойву.

— Процветайте, господин Лир, — Ллойву обернулся на знакомый голос. Сигрид Армар собственной персоной поднялся от стола, где пил чай. — Советом я назначен вам компаньоном.

— Вот так новость, — усмехнулся Ллойву. Покачал головой. — Это стговор?

— Похоже на то, брат, — Дженве хлопнул его по плечу. — Садись.

— Ваша сестра уже прошла испытания? — вспомнил Жертвенный.

— На следующей неделе. Их отложили...ну, из-за...сами понимаете...

— Да, да, — рассеянно кивнул Ллойву. — О своем обещании я помню. С нетерпением буду ждать результатов.

— Лучше взгляни! — Дженве широким жестом указал на гостиную.

Ллойву оглянулся назад. Полки снова наполнились книгами.

— Ты восстановил мою библиотеку? — потрясенно спросил он.

— Ну... Я не знал, что там у тебя стояло. И заполнил все по — своему разумению.

— Вольные картинки? — усмехнулся Ллойву. Дженве кивнул.

— Вольные картинки! Тысячи томов... Теперь тебе будет чем заняться долгими вечерами, — Ллойву рассмеялся и присел за стол. Мейе с разрешения хозяина сел по левую руку. По правую устроился Дженве.

— Садитесь и вы, госпожа Лисса, — предложил Ллойву. — Кажется, сегодня особенный день. И позовите Пэма, пожалуйста.

— Ты, главное, не переусердствуй, братец, — предостерег Дженве. — После двух декад воздержания, нельзя нагружать организм жирной пищей.

— Ты теперь знаток в этом деле? — усмехнулся Ллойву. Сигрид налил хозяину дома воды из кувшина.

— Вы все в сговоре? — асатр проводил взглядом компаньона.

— Мы просто пытаемся быть благодарными, — улыбнулась госпожа Лисса. — Вы такой молодец, господин Лир.

— Перестаньте, — Ллойву посерьезнел. — Иначе мне придется покинуть вашу компанию.

— Мы поняли, — Дженве поднял наполненный бокал. — Ни слова об этом. За твоё возвращение, братец. Видят боги, я к своему стыду, уже потерял надежду. Но ты снова меня удивил.

И все сидящие за столом подняли свои бокалы.

— За вас, господин Лир, — компаньон поднял свой бокал выше.

В дверь громко, по-хозяйски постучали. Мейе вскочил с места, чтобы открыть дверь.

— Вы уже здесь? Я ожидал успеть до приезда, — Рошгар Вайзе в форме цветов нового Совета вытянулся перед компанией.

— Я зашел поприветствовать тебя, Ллойву. Узнал, что ты, наконец, снова в строю.

— Заходи, — позвал Дженве и освободил место рядом с собой. — Ты вовремя.

— Не знал, что мы приятели, — холодно заметил хозяин дома, провожая гостя глазами.

— Теперь — да. Ты сам сказал, что день особенный, — кивнул Дженве, — он немало поспособствовал сохранению твоих счетов, между прочим. Благодаря ему, мы — не нищие.

— Мило, — Ллойву любезно улыбнулся, усаживающемуся за общий стол Вайзе.

— У нас был тост, — Дженве подлил соседу вина, и поднял свой бокал. — За возвращение!

И все сидящие за столом подняли свои сосуды. Чокнулись и выпили.

Ллойву оглядел разношерстную компанию, что собралась сегодня в его доме.

— И что же теперь? — спросил он. — Я, признаться, не смел заглядывать так далеко.

— Теперь? Мыждемся, пока ты наберешься сил, а потом нас ждет путешествие. Я обещал тебе, пока ты был без сознания.

— Вот как? — удивился Ллойву. — Я согласился?

— Ты промолчал. А молчание, как известно...

— ...Золото. Все твои затеи, Джев, заканчиваются дракой...

— Ну... ты ж никогда не против хорошего мордобоя? — Дженве подмигнул, уничтожая мясо со своей тарелки. Ллойву потянулся к фруктам.

— Только, если ты прикроешь мне спину...

— Всегда, братец! О, у меня второй тост! — все оживились и подняли бокалы. Дженве оглядел всех за столом, остановился взглядом на хозяйине дома, — за братство!

— Братство Окто! — Вайзе поднял бокал выше.

— Точно! — кивнул Дженве. — За него.